

ISSN 1857-2685

Русь

№ 4 (18), 2009

Общественная ассоциация
«Русь»

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русь

2009, № 4 (18)

Кишинев

Общественная ассоциация

«Русь»

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Редакционная коллегия:

доктор истории С. Суляк (Молдавия),

главный редактор

доктор истории П. Шорников (Молдавия),

заместитель главного редактора

кандидат исторических наук Ю. Данилец (Украина),

заместитель главного редактора

М. Алмаший (Украина)

М. Горняк (Сербия)

доктор исторических наук М. Губогло (Россия)

М. Дронов (Россия)

кандидат исторических наук В. Меркулов (Россия)

кандидат филологических наук В. Падяк (Украина)

доктор философии А. Плишкова (Словакия)

кандидат филологических наук Д. Поп (Украина)

доктор лингвистических наук профессор Ю. Рамач (Сербия)

доктор хабилитат истории Н. Руссев (Молдавия)

М. Силадий (Сербия)

доктор истории Н. Тельнов (Молдавия)

протоиерей о. Николай Флоринский (Молдавия)

Р. Шапка (Канада)

Адрес редакции: Республика Молдова, MD 2001, г. Кишинев, ул. М. Когэлничану, 24, кв. 1 А. Республиканская общественная ассоциация «Русь».

Тел.: (+373 22) 27-02-84, факс: 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

Editor's address: Association «Rus'». M. Kogalniceanu Street, 24, ap. 1A, Kishinev, MD 2001, Moldova.

Tel.: (+373 22) 27-02-84, fax 27-15-15. E-mail: journalrusyn@rambler.ru

© Общественная ассоциация «Русь», 2009

© Association «Rus'», 2009

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ РУСИНОВ / HISTORY OF THE RUSINS

Михаил ЮРАСОВ

Откуда приходили «руги» в Раффельштеттен на рубеже IX-X вв.? 6-14

Mikhail Iurasov

From Whence Came the "Rugi" to Raffelstetten Between the 9th and 10th Centuries

Дмитрий ПОП

Начало христианизации Подкарпатской Руси и миссионеры-угрорусины в Киевской Руси 15-22

Dmitrii Pop

The Beginning of the Christianization of Sub-Carpathian Rus' and the Ugro-Rusin Missionaries in Kievan Rus'

Николай БАБИЛУНГА

Западнорусские земли и Киев XII в. в борьбе за самостоятельность: роль православного фактора 23-37

Nikolai Babilunga

The Western Russian Lands and Kiev of the 12th Century in the Struggle for Independence: the Role of the Orthodox Factor.

Диакон Владимир ВАСИЛИК

Образ русской земли в Галицко-Волынской летописи 38-49

Deacon Vladimir Vasilik

The View of the Russian Land in the Galician-Volynian Chronicle

Максим ЖИХ

Летописная статья 6714 г. Ипатьевской летописи и вопрос о возникновении Галича 50-56

Maksim Zhikh

The Question about the Founding of Galich in the Ipatiev Chronicle in the Article of Year 6714.

Василь КОЦАН

Народне будівництво та побут румун Закарпаття кінця XIX – першої чверті XX ст. (на прикладі експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту) 57-72

Vasiliï Kotsan

The Folk Architecture and the Life of the Transcarpathian Rumanians at the End of the 19th to the First Quarter of the 20th Centuries. (An example of the Exposition of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life)

Тетяна СОЛОГУБ

Орнаментальні мотиви вишивки сорочок українців Білотилянської долини кінця XIX – першої половини XX ст. 73-88

Tatiana Sologub

The Decorative Motifs of the Embroidered Shirts of the Ukrainians of the Belo-Tisa Valley at the End of the 19th to the First Half of the 20th Centuries.

- Юрий ДАНИЛЕЦ, Наталия ДАНИЛЕЦ**
 Русинская тематика в изданиях последних лет 89-98
Iurii Danilets, Natalia Danilets
The Rusin Theme in the Publications of the Last Years

- Владимир Аникин**
 Живая история искусства в лицах и персоналиях 99-105
Vladimir Anikin
A Living History of Art in Persons and Personalities

- Михайло ФЕЙСА**
 Три нови видавательни подняца Руснацох 106-114
Mikhailo Feisa
Three New Books of the Rusins

АРХИВ / ARCHIVES

- Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ**
 Румынские доблести 115-137
Apollon Skal'kovskii
Rumanian Valour

- Адольф ДОБРЯНСКИЙ**
 О западных границах Подкарпатской Руси 138-160
Adolf Dobrianskii
Concerning the Boundaries of Sub-Carpathian Rus'

- Яков ГОЛОВАЦКИЙ**
 Изображение состояния Галиции в 1848 г. Эпоха восстановления русской народности
 в этой стране 161-172
Iakov Golovatskii
*An Overview of the Situation in Galicia in 1848. The Epoch of the Restoration of the
 Russian Nation in the Land*

- Дмитрий МАРКОВ**
 Галицко-русский вопрос 173-181
Dmitrii Markov
The Galician-Russian Question

НЕКРОЛОГ / NECROLOGY

- Омелян Дмитрович Довганич (8.05.1930-31.10.2009)** 182-183
Omelian Dmytrovych Dovhanych (8.05.1930 - 31.10.2009)

- Подписка на международный исторический журнал «Русин»** 184-186
Subscription to the International Historical Journal «Rusin»

Правила публикации в журнале «Русин»	187
<i>Rules of Publication in the Journal «Rusin»</i>	
Сведения об авторах	188-189
<i>Information about the Authors</i>	
Summary	190-191

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках последний выпуск международного исторического журнала «Русин» за 2009 г. В этом году нам удалось не только привлечь к сотрудничеству новых авторов, но и значительно расширить географию распространения журнала. Наш журнал теперь не только рассылается во все средние учебные заведения Республики Молдова с русским языком обучения, ряд молдавских библиотек и вузов, в зарубежные русинские организации, членам редколлегии и авторам (все это мы старались делать и в прошлые годы), его стали получать ведущие научные институты, вузы и библиотеки России и Украины.

В 2009 г. члены редколлегии «Русина» приняли участие в работе ряда конференций и «круглых столов» в Молдавии, России и Украине. Инициатором проведения некоторых из них выступил наш журнал. В рамках научных мероприятий члены редколлегии провели несколько презентаций журнала.

В следующем году международному историческому журналу «Русин» исполняется 5 лет. Срок, конечно, небольшой. Однако за эти годы нам удалось выпустить 18 номеров журнала, который способствовал активизации изучения истории русинов, автохтонного населения Карпато-Днестровских земель. В Молдавии, благодаря нашим публикациям, в научный и общественный оборот возвратился этноним «русин» («руснак»), все больше исследователей в работах по истории нашего края упоминают о втором коренном населении нашей республики - русинах, которые в начале XX в. составляли более 1/8 населения Бессарабской губернии.

В 2010 г. мы продолжим работать над улучшением содержания нашего журнала, будут введены новые рубрики. В новом году мы намереваемся начать выпуск тематических номеров.

Сергей СУЛЯК,
главный редактор
международного исторического журнала «Русин»

Михаил ЮРАСОВ

ОТКУДА ПРИХОДИЛИ «РУГИ» В РАФФЕЛЬШТЕТТЕН НА РУБЕЖЕ IX-X вв.?

Историки, категорически отрицающие проживание русского населения в Карпатской котловине в раннем средневековье, заявляют при этом, что ни в одном из достоверных источников того времени нет сведений о предках русинов. Несмотря на то, что до нас дошли упоминания о русах, связанные с Центральной Европой, начиная с первой четверти IX в., все они объявляются не имеющими никакого отношения к населению Карпатского бассейна. В настоящей статье рассматривается один из примеров такого рода, к сожалению, типичный для современной российской историографии.

Раффельштеттенский таможенный устав, создание которого исследователи датируют 904/6 г.¹, давно издан и достаточно хорошо изучен с различных точек зрения. При этом историки уверенно отождествляют упоминаемых в уставе «ругов» с русами, т.е. жителями Древней Руси². Если учитывать длившуюся несколько столетий полемику между «норманистами» и «антинорманистами», можно сказать, что рассматриваемым «ругам» в какой-то степени «повезло»: их уверенно отождествляют с варягами. Однако, с другой стороны, это отождествление в значительной степени держалось на том, что объектом ожесточенных дискуссий становились различные вариации корня «рус», а не «руг».

После выхода в свет фундаментальной работы А.Н. Насонова по исторической географии Древней Руси, где были установлены (главным образом, на основании летописного материала) примерные границы «Русской земли в узком смысле», советские исследователи не только сделали логический вывод о том, что политическим ядром Древнерусского государства были Киевщина, Черниговщина и Переяславщина³, но и невольно ограничили распространение этнонима «рус» только на эту небольшую территорию. Правда, А.В. Соловьев, российский историк, живший в эмиграции, отстаивал тезис о том, что в IX–X вв., которыми А.Н. Насонов датировал существование выделенного им политического ядра, этноним «рус» мог распространяться на все восточное славянство⁴.

Важным этапом в деле изучения распространения этнонимов «рус» и «руг» в западноевропейских источниках стали работы А.В. Назаренко.

Проведя всеобъемлющее и тщательное лингвистическое исследование всех упоминаний названных этнонимов в дошедших до нас письменных памятниках, А.В. Назаренко пришел к уверенному выводу о том, что все они имеют восточнославянское происхождение⁵. Не обладая достаточными знаниями в области исторической лингвистики, не берусь судить, насколько обоснованы эти выводы современного российского исследователя, по крайней мере, мне пока не встретилась их критика в научной литературе.

Большие сомнения вызывают последующие выводы, которые делает А.В. Назаренко из того, что упоминаемые в Раффельштеттенском таможенном уставе руги = русы. Привожу пространную цитату историка по этому поводу, чтобы показать приводимую им аргументацию:

«Этот факт можно истолковать по-разному. Можно было бы, конечно, с известной натяжкой предположить, что этноним "русь" к середине IX в. успел стать самоназванием для части восточнославянского населения будущей Руси и что именно такие принявшие самоназвание "русь" славяне и являлись для торговли в баварское Подунавье. Однако подобное объяснение требует прибегнуть к другой, еще более заметной натяжке: пришлось бы делить древнерусское купечество IX в., занимавшееся дальней международной торговлей, на две категории, четко разделявшиеся по этническому признаку – на "водоплавающих" варягов и "сухопутных" славян. Ввиду таких затруднений значительно более вероятным, по нашему мнению, выглядит другое объяснение: с самого начала скандинавской инфильтрации в Восточную Европу, уже в первой половине IX в., (восточно)славянский язык был местным койнэ, которым варяжские купцы пользовались также во время своих международных операций⁶. Это было бы естественно как вследствие безусловного количественного преобладания славянского этнического элемента в Восточной Европе того времени (по крайней мере – в Среднем Поднепровье, центре древнейшей Руси), так и потому, что по-славянски понимали и на среднедунайских, и на византийских, и на переднеазиатских (ввиду большого числа невольников славянского происхождения) рынках; вспомним известное свидетельство Ибн Хордадбега (IX в), что древнерусские торговцы ("купцы ар-Рус"), приходившие на южное побережье Каспия или даже в Багдад, в качестве переводчиков пользовались услугами "славянских слуг-евнухов" – может быть, именно поэтому Ибн Хордадбех считал их, "ар-Рус", "одной из разновидностей славян"⁷»⁸.

Поскольку А.В. Назаренко ссылается на другую свою работу, в которой он, по его мнению, доказал использование варяжскими купцами раннего средневекового языка восточных славян в качестве языка межнационального общения (койнэ), считаю целесообразным приве-

сти и аргументацию историка по этому поводу. При этом опускаю ту часть материалов А.В. Назаренко, послуживших основой его доклада на X Чтениях памяти В.Т. Пашуто, где на основе лингвистического анализа доказывается восточнославянское происхождение немецкого этникона, передававшего этноним «русь». Этот вывод А.В. Назаренко представляется мне неоспоримым. Историк пишет по этому поводу следующее: «...те носители самоназвания, с которыми с IX в. имели дело в Баварской Восточной марке, говорили по-славянски.

Это заключение подтверждается еще одним фактом начала X в. В Раффельштеттенском таможенном уставе (Восточная Бавария) встречаем название местной денежно-весовой единицы – *scoti*, заимствованное из лексикона древнерусских купцов. Однако др.-русск. *скомъ* в значении «монета > деньги» является, в свою очередь, заимствованием из языка восточноевропейских варягов: ср. древнескандинавское название серебряной монеты – **skattR* (с характерным для славянских языков переходом *ǣ > o*). Ввиду этого выглядит многозначительным, что в древнебаварский не позднее рубежа IX–X вв. слово попадает не в скандинавской, а именно уже в славянской огласовке.

Было бы странным предполагать, что восточноевропейские варяги на Западе, как и в Багдаде (Ибн Хордадбех), почему-то предпочитали говорить по-славянски, тогда как, общаясь с греками, они оставались при своем наречии. Вероятно, и в том, и в другом случае язык их был все-таки одним и тем же. Исходя из предположения о скандинавской исходной форме, западноевропейские данные объяснить нельзя, тогда как греческие, исходя из славяноязычной формы, можно. Следовательно, надо признать, что оригиналом заимствования, как в древневерхне-немецкий, так и в греческий, послужила форма с –и–, т.е. славянская. Иными словами, *языком международного, а, стало быть, очевидно, и межплеменного (внутри страны) общения для скандинавской социальной верхушки уже в IX в. был восточнославянский*⁹.

Как видно из приведенных пространных цитат, А.В. Назаренко пытается объяснить парадоксальный факт использования жившими на Руси варяжскими купцами языка восточных славян для общения с баварами тем, что именно этот язык стал в IX в. языком межнационального общения в Центральной Европе. Однако аргументы, приводимые в доказательство такого утверждения, выглядят явно недостаточными. Если приходившие в Раффельштеттен «руги» были жителями Среднего Поднепровья и вдобавок исключительно варягами, то мы должны признать, что все земли между «Русской землей в узком смысле» и Восточной Баварией (да и сама эта пограничная германская область) находились под сильным влиянием восточных славян, но сами восточные славяне на этих землях не проживали, поскольку в рассматри-

ваемом торговом уставе, по мнению А.В. Назаренко, речь идет именно и только о варягах.

Для того чтобы тот или иной язык начал выполнять функцию койнэ, его носители должны представлять крупное государственное образование. Как известно, восточные славяне в IX в. такого государства еще не создали. Даже если «Русская земля в узком смысле» олицетворяла собой «Русский каганат»¹⁰, его весьма скромные пределы не позволяли ему распространить свое влияние до Восточной Баварии, иначе он стал бы серьезным соперником империи Каролингов, что, несомненно, нашло бы отражение в источниках.

Ссылка А.В. Назаренко (продолжающего в данном случае установившуюся историографическую традицию) на свидетельства Ибн Хордадбеха нисколько не подкрепляет его мнение, поскольку они относятся к совершенно иному контексту. В условиях арабского Востока, где действительно было много рабов – восточных славян, приезжавшим туда купцам-русам (если они были скандинавами) удобнее было пользоваться восточнославянским языком в качестве койнэ, поскольку их язык был там малоизвестен, а сами они, как справедливо отмечает А.В. Назаренко, на этом языке говорили.

Что же касается условий Баварской Восточной марки, то там ситуация была принципиально противоположной. Как известно, скандинавские языки, как и немецкий, являются родственными и составляют германскую языковую группу. Мне трудно представить, чтобы близкие по родному языку предки современных немцев, шведов, норвежцев и датчан, общаясь на рынке, говорили между собой на восточнославянском языке, который относится к другой языковой группе. Вряд ли нынешние «челноки», приезжая в Чехию или Польшу, ведут деловые переговоры со своими контрагентами исключительно на английском. Малозначимым аргументом для подкрепления точки зрения об употреблении варяжскими купцами во время поездок в Центральную Европу восточнославянского языка в качестве языка межнационального общения является и утверждение А.В. Назаренко о том, что встречающееся в Раффельштеттенском таможенном уставе слово *scoti* свидетельствует о том, что приходившие в Баварскую Восточную марку со своими товарами «руги» были скандинавами, говорившими на восточнославянском языке. Заимствование иностранных слов во все эпохи развития человеческой цивилизации было и остается обыденным явлением и никак не может доказывать то, что «руги» могли быть только пришедшими из Руси норманнами.

Ситуация, отраженная в Раффельштеттенском таможенном уставе, становится более естественной и понятной, если мы допустим, что «руги» вовсе не были скандинавами. На это, кстати, намекает сам

текст рассматриваемого нормативного документа. Статья, посвященная «ругам», начинается следующими словами: «Sclavi vero, qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt...»¹¹. А.В. Назаренко переводит этот пассаж следующим образом: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или от богемов...»¹². В связи с этим не совсем понятно, почему в «ругах» цитированного отрывка следует видеть исключительно норманнов. Если бы «руги» были варягами, вряд ли составители устава назвали бы их славянами. Как известно, прибывшие в 839 г. из Византии ко двору франкского императора Людовика Благочестивого послы народа «рос» прямо названы в Бертинских анналах шведами (*gentis Sueonum*)¹³.

Поскольку далее в цитируемом уставе говорится о том, что славяне «от ругов и богемов» продают в Раффельштеттене лошадей¹⁴, Шандор Сили, комментатор устава в вышеупомянутом венгерском издании, справедливо указывает на то, что на Руси в то время не было такого количества лошадей, чтобы их отправляли на экспорт. Однако при этом Ш.Сили объясняет данный факт тем, что «руги» получают коней от кочевников¹⁵, не подвергая сомнению тезис о том, что они были варягами.

После введения в научный оборот свидетельств мусульманских географов раннего средневековья, различавших два главных этнических массива, которые населяли Восточную Европу, - «ар-рус» (русы) и «ас-сакалиба» (славяне),¹⁶ в российской исторической науке утвердилось мнение, что международной торговлей занимались только представители народа «ар-рус», а «ас-сакалиба» были мирными земледельцами, страдавшими от набегов не только соседних кочевников (хазар, венгров, печенегов), но и от родственных им «ар-рус»¹⁷. Главным доказательством такого утверждения служат вышеупомянутое сочинение Ибн Хордадбеха, в котором содержится специальная глава, названная «торговые пути купцов-русов»¹⁸, а также описание путешествия в Волжскую Болгарию Ибн Фадлана (ок. 922 г.), где можно найти красочный рассказ о встрече названного арабского посла с купцами-русами¹⁹. Аналогичных текстов, посвященных торговой деятельности представителей народа «ас-сакалиба», в произведениях средневековой мусульманской географии не содержится.

Поскольку этнический массив народа «ар-рус», по мнению большинства современных российских исследователей, скорее всего, располагался в северной части Восточной Европы, в нем принято видеть ильменских словен и соседние славянские племенные группы²⁰. Согласно данным археологии, среди них было немало скандинавов, пользовавшихся Волжским торговым путем²¹, однако вряд ли они были в состоянии контролировать все торговые пути Древней Руси, в том числе путь «из немец в хазары», одно из ответвлений которого вело в Восточную Баварию.

Еще одним аргументом сторонников того, что на рубеже IX–X вв. в Раффельштеттен под именем «ругов» приходили скандинавы, является гипотетическое реконструирование ими маршрута торгового пути «из немец в хазары». По их мнению, опирающемуся на известия испанского путешественника X в. Ибрахима ибн Йа'куба, который пишет о том, что русские купцы приезжали в Прагу из Кракова²², купцы-«руги» приезжали из Киева в Раффельштеттен через Краков и Прагу²³. Однако это не более чем предположение, что осознает А.В. Назаренко, который предваряет свое утверждение об этом словами «логично думать, что...»²⁴.

В связи с этим вполне возможна и другая гипотеза: «руги» приходили в Баварскую Восточную марку из земель, соседствовавших с Чехией не с севера, а с юга, где проживали в то время предки современных русинов. Надо отдать должное дотошности А.В. Назаренко: в своих рассуждениях по поводу маршрута пути «из немец в хазары» он учитывает и данные нумизматики. Признавая, что найденные археологами монеты мало что дают в плане воссоздания этого маршрута, он далее пишет: «Можно указать на несколько кладов арабского серебра первой половины X в. в пределах позднейшей Галицкой земли и Закарпатья²⁵, но не ранее; наиболее древний из этих кладов (близ города Хуст Закарпатской области Украины) был зарыт, вероятно, ок. 902/3 г., т.е. одновременен "Раффельштеттенскому уставу"»²⁶. Западнее, на территории Венгрии, Словакии, Моравии, Чехии и Австрии, эти клады находят себе продолжение практически только в виде находок единичных куфических монет²⁷. Разумеется, их можно так или иначе возводить к торговым отношениям с Восточной Европой, но и тогда нумизматические данные не дают основания удревнять такие отношения за пределы рубежа IX–X вв.»²⁸.

Вновь, как и в предыдущих пространственных цитатах, А.В. Назаренко в своих выводах исходит из того, что, даже если на территориях внутри Карпатского бассейна обнаруживаются следы активной торговой деятельности, они никак не могут принадлежать местному населению, но опять-таки гипотетически относятся к русам, жившим по другую сторону Карпат. Между тем, имеется уже достаточное количество исследований, в которых на основании данных археологии и лингвистики доказывается проживание восточных славян в бассейне Верхней Тисы и на части современной Восточной Словакии до прихода венгров на их нынешнюю родину²⁹.

Мне уже приходилось писать на страницах журнала «Русин» об источниках, которые, скорее всего, содержат сведения о проживании предков современных русинов на землях, соседствовавших с Велико-моравским княжеством на его южных и юго-восточных границах³⁰. Кроме того, мной подготовлены к печати еще две работы, посвященные

анализу известий средневековых источников о древних русах, проживавших внутри «подковы», которую образуют хребты Карпатских гор³¹. Разумеется, полностью опровергнуть господствующую точку зрения, согласно которой все известия о русах/ругах/рутенах относятся либо к скандинавам, либо к славянскому населению Поднепровья, на основании дошедших до нас данных источников вряд ли возможно. Однако нет никаких оснований исключать из числа возможных областей, откуда приходили «руги» на рубеже IX–X вв. торговать в Раффельштеттен, земли, населенные предками современных русинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. последнее русскоязычное издание этого нормативного источника: *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 69 и примеч. 7.

2. Там же. С. 83–88 (примеч. 38). Отрывок из Раффельштеттенского таможенного устава, касающийся «ругов», вошел в изданный в этом году в Венгрии сборник сведений источников под названием «Норманнский вопрос в русской истории. I. Источники». См.: *A normannkérdés az orosz történelemben. I. Források / Főszerk. Szvák Gyula. Szerk. Szili Sándor.* Budapest, 2009. 23–24. l.

3. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. М., 1951. С. 28–46.

4. *Soloviev A.* Der Begriff «Russland» im Mittelalter // *Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. Teil I.* Graz; Köln, 1956. S. 149–150.

5. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 11–36.

6. Ссылка на: *Назаренко А.В.* О языке восточноевропейских варягов (*ROP – *RÖÐ* – *PΩΣ* – *RUZZI*) // Восточная Европа в древности и средневековье: Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. М., 1998. С. 75–79.

7. Ссылка на: *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Перевод, комментарий и исследование Н.Велихановой. Баку, 1986. С. 124, § 73 в.

8. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 32.

9. *Назаренко А.В.* О языке восточноевропейских варягов... С. 78–79.

10. См.: *Шаскольский И.П.* Известие Бертинских анналов в свете данных современной науки // *Летописи и хроники.* 1980 год. М., 1981. С. 49, а также работы Б.А. Рыбакова, В.Т. Пашуто, А.Н. Сахарова, Г. Ловмянского и других исследователей, помещавших «Русский каганат» в Среднем Поднепровье.

11. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 64.

12. Там же. С. 65.

13. *Annales Bertiniani: Annales de Saint-Bertin / Ed. F.Grat, J.Vieillard, Clemencet.* Paris, 1964. P. 31.

14. *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники... С. 64 (текст), С. 67 (пер.).
15. A normannkérdés az orosz történelemben. 24. l., 8. jegyz.
16. Необходимо сразу же оговориться, что подобное отнесение весьма условно, поскольку у некоторых арабских географов раннего средневековья и последующих компиляторов этнонимы «ар-рус» и «ас-сакалиба» могут относиться явно не к славянам или варягам и даже не к жителям Восточной Европы.
17. Сведения средневековых мусульманских географов о народах Восточной Европы обобщил Б.Н. Заходер. Его сводки сюжетов о русах и славянах см.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., Т. I. 1962. С. 31–33 и 33 соответственно, а комментарии к ним: там же. Т. II. 1967. С. 77–107, 108–126.
18. *Ибн Хордадбех.* Указ. соч. С. 124.
19. *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 141.
20. *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 402–403; *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 29; *Петрухин В.Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 135.
21. *Кирпичников В.В., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. Пер. с нем. / Общ. ред. Е.А.Мельниковой. М., 1986. С. 189–217.
22. *Куник А., Розен В.* Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. СПб., 1878 / Зап. АН. Т. 32. Кн. 2. Прилож. № 2. С. 49.
23. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 89; *Перхавко В.Б.* Торговый мир средневековой Руси. М., 2006. С. 53.
24. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 89.
25. Ссылка на: *Кропоткин В.В.* Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 197–202.
26. Ссылка на: *Žródla hebrajskie do dziejów slowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy /* Wyd. F. Kupfer, T. Lewicki. Warszawa, 1956. S. 81; *Кропоткин В.В.* Указ. соч. С. 200; *Fomin A.V., Kovács L.* The tenth century Máramaros county («Huszt») dirham hoard. Budapest, 1987.
27. Ссылка на: *Štěpřkova I.* Islámské stříbro z nálezu v Kelči na Moravě // Numizmatický sborník. Т. 4. 1957. S. 73–96; *Кропоткин В.В.* Указ. соч. С. 201–202; *Sláma J.* Nové nálezy minch v české archeologické literatuře // Numismatický listy. R. 48. 1993. S. 1–3; *Hahn W.* Moneta Radaspodensis: Bayens Münzprägung im 9., 10. und 11. Jahrhundert. Braunschweig, 1976. S. 453–464.
28. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. С. 92.

29. Назову лишь обобщающие труды по археологии и исторической лингвистике Закарпатья: *Балагури Е.А., Пеняк С.І.* Закарпаття – земля слов'янська. 3 історії слов'янських племен Закарпаття VI–XIII ст. Гариси. Ужгород, 1976; *Лизанец П.Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт, 1976. С. 49–50.

30. *Юрасов М.К.* Новые данные о крещении предков русинов св. Мефодием или его учениками // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинёв]. 2005. № 2 (2). С. 46–54.

31. Одна из этих статей должна выйти в самом конце 2009 г. в Будапеште в журнале «Русинский світ», другая уже более двух лет ждет публикации в Санкт-Петербурге – во втором выпуске научного сборника «Rossica Antiqua».

52% жителей Украины согласны, что украинцы и русские – две ветви одного народа

Инициативу Виктора Ющенко по демонтажу коммунистических памятников поддерживает только 11,7 % жителей Украины. Об этом сообщил социолог Евгений Копатько, представитель «Research and Branding Group».

«Полностью не поддерживают практически 60 %. Причем, обращаю внимание: на Западной Украине не поддерживает 31 %. На юго-востоке - 70 %. В центральной части Украины - 62 %», - сказал он.

«Это выборка 3000 респондентов по всей стране, данные середины октября», - уточнил Копатько.

По его словам, «парадоксальный ответ» также получен от респондентов и на вопрос: «Кто или что в большей степени будет способствовать выходу Украины из кризиса?»

«Нужно опираться только на собственные усилия - ответили 24 %, а сотрудничество экономическое и политическое с Россией - 41 %. Я вообще этого ответа не ожидал! Для примера: сотрудничество с ЕС - такой вариант назвали только 14 %, с Америкой - 3 % и так далее», - говорит Копатько.

«Также интересно: украинцы и русские - две ветви одного народа. С этим утверждением оказались согласны 52 % респондентов. На западе так считают 25 %, на юго-востоке - 70 %», - отметил эксперт.

<http://rus.in.ua/news/2063.html>

Дмитрий ПОП

НАЧАЛО ХРИСТИЯНИЗАЦІЇ ПОДКАРПАТСЬКОЇ РУСИ И МИСИОНЕРЫ-УГРОРУСИНЫ В КИЄВСЬКЎВ РУСИ

Начало християнізації Подкарпатської Руси давно інтересує не лем русинських учених, но и учених многих других держав, як словянських, так и несловянських. Зато и не чунно, ош написано на сию тему уже немало научных робѹт. По вшитких основных проблемах авторы уцілові сходяться у своих выводах, айбо суть межы нима невеликі незгоды у визначеню начала християнізації края и путьѹв, по яких християнство ишло в русинський край. Проблема тут не лем у тѹм, ош бисіда иде за далекий и доста довгий період часу. Складность заключаются и в тѹм, ош изслідователі мавуть дуже мало источникѹв, в першѹм шорі писемных, котрі гонни бы розкрити епохальное явленіє в розвитку словянського населеня Подкарпатської Руси эпохи раного середньовічя. Бо історичні событія, котрі ся ставали в сусідньих регіонах и мали одзвук и на Подкарпатськѹв Руси, гонни лем косвенно пудтверждати выводы изслідовательѹв. Зато ниє нич чунного в тѹм, ош єдні изслідователі утверждавуть, ош «...християнство (Слово Божєе) в історичнѹв Подкарпатськѹв Руси началось проповідовати ищи з апостольських часѹв. Сюда доходила поголоска и за сятого апостола Андрія Первозваного, котра ишла из Придніпровья, и за сятого Павла, котра ишла из Иллїрії»¹. По другѹв версії, «...утвержденіє християнства в Мадярщині приписуєся латиньським владыкам Пілігриму Пассавському и Адальберту (Войтеху) Празькому, но грецькі писателі Скилиця, Кедрін и Зонара утверждавуть, ош християнство поширьовалося в Дакїи (область сиридной Тисы и типирѹшньої Румунїи) и Паннонїи (придунайская часть Мадярщины) из Візантїи ищи задѹвго до появи мадарѹв в Тисо-Дунайськѹв низині»². Кідь раховати, ош Дакїя и Паннонїя – сусіды історичної Подкарпатської Руси, то природно предположити, ош християнство тым часом доходило и до русинського краю. Говорить на сию тему и професор М. Болдичар³. Окром того, суть історичні дані и про то, ош владыка дакѹв - сусідѹв русинѹв Феофіл був делегатом уже 1-го Вселенського Собору (325 р.) в Нікеїи, а сятый Микита обротив жительѹв Дакїи в християнство и учредив дві єпіскопства, єдно из

котрых – «Argensem et Mikloviensem» было учреждено діла руських⁴. Про то, ош словянське населеня Подкарпатя єдним из першых из словянських народів Центральної и Восточної Європы познакомилося из християнством, говорить и преданіє про Преподобного Иоана, происхождение котрого – из білых хорватів – предків карпатських русинів – в преданійи пудчеркуєся двічі. Чиський изслідователь Франтішек Тіхи на основі документа, датованого 1032 р., пише в статі «Перший проблеск християнства в Чихійи»: «Сятый Иоан прийшов до нас, як указує його типічне імня, из руського Востока... Сесе было иши в період, коли в Чихійи княжив Боржівой. Иоан же говорить, ош у свійів пещері жиє 42 роки. Иоан родився коло 820 року и прийшдв до нас не пўзніше 840 року... Иоан прийшдв не як пустынник, ай як місіонер, як пропагандіст християнства...»⁵. Айбо говорити за якусь активну місіонерську діяльність Иоана в Чихійи не дуже и мож, бо як указує чиська хроніка Даліміла, написана в період 1282-1314 рр., чиський князь Боржівой, на час правленія котрого падеся, як говорить Франтішек Тіхи, ги бы місіонерська діяльність Иоана, вадь не знав за нього, вадь просто хотів, обы го покрестив легітимный духовник высшого сану. Князь Боржівой задумов прилучитися до християнства через крещеніє, айбо крещенія діла себе вўн просив не од сятого Иоана, ай од моравського князя Сятополка и од архієпископа моравського Методія⁶. Дуже красно з точки зору русинів говорить за сесе событіє у свійів літописи чиський хроніст Даліміл. Літописець писов свою хроніку в 1284-1314 рр.

Вўн каже:

... a jakž brzo by po stole,
proší křsta ot Svatopluka,
krále moravského
a ot Metudie, arcibiskupa
velehradského.

**Ten arcibiskup Rusin bieše
mši slovensky slůžieše.**

Ten u Velehradě křti Čecha prvého,
Bořivoje kněze českého...

Перевод: ...и начим лем воссўв на престол,
просить крещенія од Сятополка,
короля моравського
и од Мефодія, архівладыки
вышеградського.

**Тот архівладыка Русином будучи,
Службу Божу по-славянски служить.
Тот в Вышеграді крестить чеха першого,
Борживоя князя чиського...»**

Треба ся признати, ош серйозні учині давно вже доказали, ош сяті брата русинами ни были, як, межи иншым, и болгарами, бо были они греки, котрі дубрі знали словянський язык, айбо тот факт, ош чиський хроніст Даліміл, описувучи важное діла чехів событіє IX в., хоснує слово «русин», є доказом того, ош у часы Великої Моравії за русинів у Європі уже знали.

Начим лем місіонеры прийшли на Моравію, они нараз покрестили князя Моймира и його дружину и надале майже 25 років (з невеликими павзами) проповідували християнство в Центральнѣм Європі. Но не в самѣм Моравії, як ядрі державы, и не межи мораванами, а в крайинных областях державы Моймировичѣм, бо самі моравани уже до місії сятых братѣм познакомилися из християнським ученієм через місіонерѣм «из Влах», «из Грек» и «из Немец». Моравія уже в началі IX в. была християнізована, тут уже была и церковна організація. Правда, она не была независимѣм. Но не позеравучи на сесе, в каждѣм великѣм поселеню Моравії была циркѣм, а даколи и дві. Иншак тото было на периферії. Именно периферія нуждалася в поширеню християнських ідей. А русинський край уже в началі IX в. был периферійѣм Великої Моравії. Именно в IX в. подкарпатські русини и познакомилися из християнським ученієм (на сто років скорше од киевських князѣм!). Не мож твердо казати, ош русинѣм познакомили з християнством именно сяті брата, хотя Методій довгий час перебував у Паннонії, што не так уже й далеко од русинського краю. Скорше за вшитко, познакомили русинѣм з християнськими ідеями ученики сятых братѣм. Доказом сього годен служити не лем тот факт, ош наука не знає пѣзнішого за IX вік періоду християнізації русинѣм, но и фактологічний матеріал, найдений при археологічных розкопках недалеко од восточнословацького вариша Міхаловце (30 км од Ужгорода) в 1977 р. Архелогами были розкопані стіны стародавньої ротонды (церкви) и найдена камінна плита з епітафійѣм (надгробным словом), написанѣм словянськими буквами. Найдені матеріали гонни служити доказом того, ош християнство у русинѣм має давньое коріня, и што завершальний його етап припадать на час місіонерської діяльности сятых братѣм Константина (Кирила) и Методія, т.е. на конец IX в. Чому ідеї християнства завладіли словянськими язычниками за доста куртьм, з історичної точки зору, час? Безусловно, праведность, высокі моральні цінности, котрі проповідує християнськое ученіє, мали и

мавуть величезну притяжну силу. Кідь пору́вняти христіянство з язичеством, то сесе было завершено, величезної сили и ясности ученіє, Велика Філософія. Зато ние нич чунного в тѹм, ош оно доста легко овладівало умами цілых народѹв, дійствовало на їх моральное житя дуже благотворно. Майпершым и непремінным результатом принята христіянства є зміна моралі чоловіка, зміна його удношеня до себе и до довоколишнього світу. Моральна часть христіянського ученія натѹлко силна и очевидна, што многі люди, даколи и дуже далекі од Церкви, именно у переміні моральных цінности и видять задачу христіянина. Христіянство свѹйдѹв проповідѹв принесло русинам духовні цінности, котрі радикально отличалися од тых, што проповідовало язичество. Житя, яким жили предки русинѹв, мож назвати доправды неморальным. Айбо таким неморальным житьом жили и другі язичники. И сам киевський літописець Нестор, говорячи за военні походы киевських князьѹв-язичникѹв, из страхом говорить за тоті звірства, што их чинили княжеські дружинники над мирными жителями в епоху язичества (напримір, поход Олега на Константинополь, и походы и Олги, и Ігора лем дань збирати – усі они сопровождалися погромами, раблованьом, убийствами и насильствами). Убийства, розпущенѹсть и насильство сопровождали язичника усяды. Згадайме хоть лем восточнословянських князьѹв, сятых Бориса и Гліба, чия смирть была не добровольным мученичеством во имня мира в обществі, а результатом борьбы за владу. И думалося, ош ние такої силы на світі, котра гонна удвести язичника уд гріха, удвести го уд страшної зарвы, на краю котрої вѹн стояв. Но появилася Циркѹв Христова, котра взяла на ся отвїтственну місію – указати людям Путь до Истины, путь искупленія грїхѹв, Циркѹв, за котру Создатіль її Исус Христос пувѹв так: «...и врата ада да не одолеют ея». Природно, говорячи про благотворный вплив христіянства на моральное житя народа, мы не говориме за вшитко общество уцілові, но и не погрїшиме протѹв истины, кідь укажеме на примірі киевського князя Владимира, нақѹлко благотворно вплинуло на мораль жительѹв Киевської Руси христіянство. Из исторії ся знає, ош князь Владимир був безжалосным и грубым деспотом (забив и свого брата), вѹх распутное житя айбо потому, як ся покрестив, вѹн став истинным христіянином и вже до кѹнця свого житя придіржововся евангельської заповіди «люби ближнього, як самого себе».

Христіянізація начиналася, як правило, з вирьхньых шорѹв общества, з близької до князя чияди. Христіянські ідеї приймалися панами з виду легко, без проблем, што не мож пувісти за просту чиядь, неграмотный и забитый народ, котрый, як правило, дуже чажко удвукать уд обачайѹв своих предкѹв. Циркѹв мусіла даже розробити своєобразный кодекс кары за нарушеня норм христіянської моралі.

Сися кара в разных христїянських Цирьквах была не єднака. Напримїр, в «Пространнѹм житїи Кирила» суть острї выпады протѹв нїмецьких христїянських мїсіонерѹв в Моравїи за їх примиренчеськое удношеня до язычеських вїровань и обрядѹв. Як говорить ся в «Житїи», они мораванам «не браняхоу же жерьтв творити по перьвому обычаю, ни женитв бещисленых творити»⁷. Гонно быти, ош єдна из причин разногласїи межи вїзантїйськими мїсіонерами и нїмецькими духовными лицами была в тѹм, ош кара, што ся опредїляла каролїнськѹв (нїмецькѹв) цирькѹвльѹв за нарушеня норм христїянської моралї, была намного слабша, ги кара за такі же прогрішности в вїзантїйськѹм цирькѹвнѹм правї. Напримїр, по «Мерзебурзькѹм пенитенціарїю» IX в. («roenitentiarıus» – «покаянный» – лат.), переведеному на словянський язык у Великѹв Моравїи, прелюбодїяніє каралося 4-р҃чным постом⁸. А по канону Анкїрського Собора за такий же проступок опредїлявся 17-ручний п҃ст⁹. Мы видиме, ош на зорї христїянїзації было ищи немало своеобразїи у розумїню христїянської вїры и прогрішности, но головное, што ся состояло уже тым часом – признанїє Исуса Христа Господом, готовность ити на пожертвы, лем обы претворити в житя Його заповїди, смиренное послушанїє Церкви и признанїє її ролї як духовного пастыря, и признанїє її непреходящої ролї в дїлї Спасеня.

Скоро князю Сятополку ўпала возмога розширити Велику Моравїю и на юго-восток. Тым часом восточнофранкський цїсарь Арнулф, як и його попередники, лакомився на зимлї Сятополка, дїла чого и заключив союз з болгарамы, влада котрых поширьовалася аж до Марамороша – южної части Подкарпатя. Коли у 882 р. болгары увырвалися у Велику Моравїю, вѹсько Сятополка не лем угнало їх из земель моравських, но й п҃шло дале и завладїло зимлями межи Дунаєм и Тисѹв и заняло лївобережну часть сириднього Потися, де проходив важный «солянный путь», який ишѹв по Тисї и пѹздѹвж Тисы и по якому возилася суль из Марамороша в центральнї области Мадярщины. Сисї зимлї Константин Багрянородный назвов «некрещена Велика Моравїя». Майжѹ ош тото были зимлї, котрї нащавив у 882-884 рр. архївладыка Методїй, де в҃н стрїчався из дружинѹв єдного из вождьѹв племен угрѹв, и уткїль на територїю Болгарїи уже по смерти Методїя у 885 р. попали поєднї його ученики¹⁰.

Таким образом, приведенїе доказы и зробленїе выводы указувуть на то, ош **христїянїзація Подкарпатя ишла из запада и юга** дякувучи мїсіонерськѹв дїятельности сятых братѹв - Константина (Кирила) и Методїя у Великѹв Моравїи, естафету котрых у сьѹм богоугоднѹм дїлї достойно продовжили їх многочиселнї ученики – Ангелар, Горазд, Климент, Наум, Климент Охридський, Константин Преславський и т.д. Сисї событїя удносять ся до IX в., т.є. русины познакомилися з

віроученієм Ісуса Христа на ціле століття скорше, ги жителі Київської Руси. Бўлше того, поедні изслїдователі історії православія, такі, як руський історик, академік Петербурзької АН Є.Є. Голубинський, И. Огієнко и др. доказувуть, ош **подкарпатські русини, принявши християнство греко-восточного обряда, понесли го дале на восток, в Києвську Русь**. Є.Є. Голубинський припушть, ош киевський князь Владимир Великий діла поширеня християнства греко-восточного обряда в Києвську Русь годен був запросити місіонерів из Угорської Руси (Подкарпатя), котрі «были малярські вадь угорські руські, што жили и дотипир ищи живуть на другум боці Карпат в сіверо-восточнўв Мадярщині и котрі были обрашині в православное християнство на цілий вік скорше уд нас» (мадяри называвуть русинів и «*magyar oroszok* – малярські руські», и «*ruszinok* - русини»), а москбвські учині называли русинів «угророссы», авадь «карпатороссы»)¹¹.

В X в., як уже удмічалося выше, киевські князі почали позерати на запад и установили контакти з двома словянськими християнськими державами – Пбольшв и Чихійбв. Напрошуєся вопрос: чому князь Владимир, котрый задумов християнізовати Києвську Русь, запросив християнських місіонерів не из западных словянських держав, а групу сященників из Угорської Руси (Подкарпатя)? Запрошені были Моисей Угрин и два його братя – Єфрем и Георгій. Они были запрошені до Києва князьом Владимиром обы проповідовати християнство и укріплювати Цирькбв Христову, бо християнство межи подкарпатськими русинами на тот час уже пустило глибокое коріня, а в Києвську Русь ученіе Христа лем начинало овладівати умами русичів. Сесе событіє є доказом двох історичных фактів: 1) подкарпатські русини познакомилися з християнством намного скорше, ги киевські князі; 2) в IX-X вв. у словян была дуже близька языкова общность, айбо киевського князя бўлше манив менталітет подкарпатських русинів, ги западных словян, вўн и запросив в качестві проповідників християнства межи киевськими русичами Моисея Угрини и його братів Єфрема и Георгія из Угорської Руси (Подкарпатя). Удсіль и назва братів – Угрины. Братя Угрины прийшли в Києвську Русь в началі XI в. Княжеська майближа чилиядь и його дружина майже ош и были тым середовищом, де братя гонни были проповідовати християнство. Гонно быти, ош Угрины были дружинниками ростовського князя Бориса, сына князя Владимира I, бо, як каже Нестор-літописець в «Повусти временных лет», одного из слуг сятаго князя Бориса звали Георгій, «а родом отрок сей був “Угрин“, і його сильно любив Борис, навіть возложив був на нього гривну велику золоту»¹². У час трагічных событіїв 1015 р. на ріці Альті, коли князь Борис був забитий сторонниками Сятополка I, загиб и еден из братів Угринів – Георгій. За сесе Нестор-літописець говорить в «Повести вре-

менних лет» так: «І слугу його (Георгія), що (князя прикрив), упавши на нього, пронизали (разом) із ним. Був же цей улюбленцем Бориса»¹³. (Уєдно з князьом Борисом був забитий і його брат, муромський князь Гліб; пѳзніше руська Цирькѳв обох князьѳв канонізовала, т.є. уголосила сятима). Єфрем, коли ся дѳзнов про смирть брата Георгія (найшѳв на місті крвавых событій його удрізану голову, видко, таким образом враг завладѳв золотѳв гривнѳв Георгія), удыйшѳв на ріку Тверцю (нынї район вариша Торжка у Тверськѳв обл., Росія), де до 1038 р. справив манастырѳ на чисть сятых князьѳв Бориса и Гліба. Умер Єфрем в глукѳв старости. Його моцї обретенї нетлінныма в 1572 р. и поныні почивавуть в основанѳв ним обителї¹⁴.

Моисей Угрин є майдавнішым знамым карпаторусинським діятельом духовного и книжного просвітительства. Житіє його описано и хранить-ся в Києвськѳм Патерику XIV в. Споминаться Моисей Угрин и у Пролозі Мукачевського Літопису. Выходець из Угорської (Подкарпатської) Руси, етнічний русин, вѳн був дружинником, служив, согласно Лаврентієвськѳму Літопису, у києвського князя Бориса (992-1016 гг.). Потому, як князя Бориса забили, Моисей хоть ся и вернув до Києва, айбо його житейський путь оказався дуже складным. Вѳн був духовником сестры Ярослава Мудрого Передславы. В 1018 р., потому, як поляки захватили Києв, Моисей був плінений рийтарями пѳльського короля Болеслава Храброго. Літописець Нестор, ги бы оправдувучи Ярослава, пише, ош Ярослав не встиг приладитися до битвы з поляками, зато Болеслав легко го побідив. А Ярослав спрятався в Новгороді. Болеслав Храбрый захватив много добра в Києві, но тут ние нич чунного, раблованя было складовѳв частьѳв каждого подобного похода, бо лем награбленим князі вадь королї гонни были розплатитися из своим вѳськом. Окрем того, в Києві Болеслав зробив свѳйѳв наложницѳв сестру Ярослава Мудрого Передславу. А лишавучи Києв, пѳльський кѳрѳль захватив из сѳбѳв и другу сестру Ярослава Мудрого, Премиславу. Окрем них, Болеслав захватив ищи 5 сестер Ярослава, його першу жону и його мачоху, сему жону Владимира Аделію. В Літопису говориться, ош в пѳльський плін попав и знамый києвський церковный діятель Моисей Угрин, духовник Передславы. Точно не знати, як дѳвго пробыв Моисей Угрин у Пѳльщи, но суть косвенні доказы, ош именно будучи в плїну, вѳн був пострыженный в иночество єдным афінським ієромонахом, котрый иппен тым часом вандровов по Цетральнѳв Європі. Поляки тым часом ищи лем починали знакомитися з христїянством, зато Моисей Угрин був тут бѳльше христїянський проповідник, ги плінный. Потому, як Моисей вернувся из Пѳльщи до Києва, вѳн подвизався в Києво-Печерськѳв лаврі (быв монахом) ищи цїлых 10 рѳкѳв. Преставився коло 1043 р., був похоронений в Ближньых Пещерах. Канонізованный

православнѡв циркѡвльѡв (уголошений сятым)¹⁵. А сятый Антоній Печерський, котрый був єдним из основательѡв Києво-Печерського манастыря, преставився в 1073 р. Удсиль слїдує, ош преподобный Моисей Угрин, етнічний русин, був першым преподобным (сятым из монахѡв) Києвських пещер, де и поныні почивавуть його нетлінні моші. В 1996 р. часть нетлінных мошѡв преподобного Моисея Уग्रина по ходатайству архївладыки Мукачевської єпархїї Євфїмія была перенесена на історичну Отчизну сятого, на Подкарпатську Русь, из котрої Моисей и його брата Єфрем и Георгїй совершили исход в началї XI в. Рака з частьѡв мошѡв преподобного Моисея Угриня поміщена в церкви Сято-Миколаєвського Мукачевського манастыря¹⁶. По преданїю, она має чудодїйственну силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Игумен Гавриил (Кризина)*. Православная Церковь в Закарпатье (XX век). Киев, 1999. С. 6.
2. *Шкирман Н.* Записки из истории Подкарпатской Руси. Мукачево, 1924. С. 17.
3. *Болдижар М.М.* Краю мій рідний. Ужгород, 1998. С. 155.
4. *Шкирман Н.* Записки из истории Подкарпатской Руси. С. 10.
5. *Пап С.* Початки християнства на Закарпатті. С. 52.
6. *Бескид Н.А.* Карпаторусская древность. Ужгород, 1928. С. 106.
7. *Magnaе Moraviae fontes historici*, I-V, Vrno: ČSAV, 1966-1977. d. II. S. 103.
8. Там же. С. 140.
9. Там же. С. 337.
10. *Раткош П.* Великая Моравия и ее историческое и культурное значение. М.; Наука, 1985. С. 85.
11. *Голубинский Е.* История Русской церкви. М., 1901. Т. I. С. 167.
12. Літопис Руський. За Іпатським списком переклав Леонїд Махновець. К.: Дніпро, 1990. С. 77.
13. Там же.
14. *Игумен Гавриил (Кризина)*. Православная Церковь в Закарпатье (XX век). С. 14.
15. Літопис Руський. С. 48-49; 83; 590.
16. *Поп Д.И.* История Мукачевского монастыря. Ужгород, 2002. С. 35.

Николай БАБИЛУНГА

ЗАПАДНОРУССКИЕ ЗЕМЛИ И КИЕВ XII в. В БОРЬБЕ ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ: РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО ФАКТОРА

Видный советский историк-медиевист Б.А. Рыбаков в своей книге, посвященной 1500-летию Киева, так описывает особенности этно-социальной эволюции юго-западных древнерусских земель, которые во многом стали прародиной русинов как уникального и своеобразного этноса: «В истории Галицко-Волинских земель мы видим перемещение исторического центра: в древние времена на первом месте был Дулебский союз племен, находившийся на стыке восточно- и западнославянских племен Прикарпатья и Волини. В VI в. этот союз племен был разбит аvaraми, старый племенной центр - Волинь - заглох, и центром этих земель становится Владимир Волинский, носящий имя Владимира Святославича, уделявшего большое внимание западнорусским землям. Плодородная почва, мягкий климат, относительная безопасность от кочевников сделали благодатную землю Волини одной из богатейших на Руси. Здесь очень интенсивно развиваются феодальные отношения и складывается сильный боярский слой. Здесь возникают такие города, как Перемышль, Луцк, Тербовль, Червен, Холм, Берестье, Дрогичин. Долгое время мы ничего не находим в летописях о Галиче. Но в XII в. Галич из небольшого удельного городка второстепенных князей быстро превращается в столицу значительного княжества, возникшего на землях таких славянских племен, как белые хорваты, тиверцы и уличи. На рубеже XII и XIII столетий Роман Мстиславич Волинский объединил Галицкую землю и Волинь в одно большое государство, пережившее татаро-монгольское нашествие и просуществовавшее до XIV в. Такова схема истории Западной Руси.

Самостоятельную политику по отношению к Киеву западнорусские князья пытались вести еще в XI в.: например, Василько Ростиславич Тербовльский, ослепленный после Любечского съезда, его брат Володарь, князь Перемышльский, и их враг Давыд Игоревич Волинский, а потом Дорогобужский. Последним представителем мелких князей-изгоев был Иван Ростиславич Берладник, внук Володаря, биография которого полна разнообразных приключений. В 1144 г. он княжил в небольшом Звенигороде (на севере от Галича), а галичане, воспользовавшись тем, что их князь Владимир Володаревич был далеко на

охоте, пригласили Ивана и "введоша к себе в Галич". Когда Владимир осадил Галич, то весь город отстаивал Ивана, но в конце концов ему пришлось бежать на Дунай, а Владимир, войдя в город, "многы люди изсече, а иныя показни казнью злою". На Дунае Иван Ростиславич по области Берлады и получил прозвище Берладника»¹. Подробности этих событий и стали предметом рассмотрения настоящей статьи.

Собственно, данная тема заинтересовала меня в процессе знакомства с сочинением замечательного русского историка церкви профессора Московской духовной академии Сергея Ивановича Смирнова (1879-1916) «Как служили миру подвижники Древней Руси»². Вообще перу этого замечательного русского исследователя и духовника принадлежит множество интереснейших работ по истории православия на Руси, которые – будем надеяться! – еще станут достоянием широких кругов научной и православной общественности, еще найдут своего заинтересованного читателя³. Но в данном случае речь не об этом ученом, а об одном из персонажей его труда. И, в частности, мое внимание привлекло упоминание С.И. Смирновым Ивана Берладника – интересной и достаточно загадочной личности, с именем которой связаны некоторые драматические события древней истории нашей земли. Более того, с этим именем связана почти детективная история, когда в 60-х гг. XIX в. известный молдавский историк, писатель и филолог Богдан Петричейку Хашдеу попытался удревнить историю молдавской государственности, связав ее с так называемыми берладниками и «сочинив» для этой цели исторический документ – «Грамоту Ивана Берладника»⁴, доказывающую, якобы, существование некоего молдавско-славянского государства в бассейне реки Бырлад на территории будущего Молдавского княжества еще в XII в. Интересно, что действительное наличие в какой-то период древнерусского Берладского княжества в Карпато-Дунайских землях до сих пор признается некоторыми историками вполне допустимой возможностью в виде определенного славянского анклава, отрезанного от основной массы славянства наподобие Тмутараканского царства⁵.

Но вернемся к исследованию историка церкви С.И. Смирнова. Он упоминает имя Берладника в следующем контексте: «Обращение к милосердию, заступничество за несчастных осужденных, печалование русских иноки считали своим делом. Игумены киевских монастырей печалуются пред великим князем Святополком за несчастного князя Василька Ростиславича, как только узнали об ослеплении, грозящем Васильку. Перед тем же Святополком митрополит и игумены печалуются за князя Ярослава Ярополковича и вымаливают ему свободу. Митрополит Константин и "игумени вси" ходатайствуют, и с успехом, пред Юрием Долгоруким за князя-изгоя Ивана Ростиславича

Берладника, которому грозила смерть. Заступничество преподобного Варлаама Хутынского спасло жизнь одному осужденному преступнику, которого новгородцы собирались сбросить с моста в Волхов»⁶.

Как видно, профессор С.Т. Смирнов упоминает о ходатайстве митрополита Константина и всех игуменов перед князем Юрием Долгоруким за опального князя-изгоя Ивана Берладника. Речь в данном случае идет о следующем эпизоде. Юрий Долгорукий, окончательно утвердившийся в Киеве, нуждаясь в помощи своего зятя Ярослава Владимировича Галицкого, согласился выдать ему его конкурента и врага Берладника. Ивана схватили в Суздале и привели в оковах в Киев, где дожидались его послы от Ярослава с большой дружиной. Но духовенство выступило против этого предательского поступка; митрополит и все игумены сказали Юрию: «Грешно тебе, целовавши крест, держать Ивана в такой нужде, да еще теперь хочешь выдать его на убийство». Юрий послушался, не выдал Берладника галичанам, а отправил его назад в Суздаль в оковах. Но Изяслав Давыдович Черниговский, узнав, что Берладника везут опять в Суздаль, послал перехватить его по дороге и привезти к себе⁷. Люди Изяслава Давыдовича Черниговского отбивают от юрьевских слуг Ивана Ростиславича и перевозят его в Чернигов (1157). В лице Берладника Изяслав, вероятно, хотел иметь оплот против честолюбивых стремлений Ярослава Галицкого и более всех других князей покровительствовал Ивану Ростиславичу⁸.

Почему русское духовенство заступилось за опального князя-изгоя перед Юрием Долгоруким, сказать трудно. Этот беспокойный князь, собиравший на территориях Южной Руси между Днестром и Карпатами всех недовольных беглецов, называемых тогда бродниками, и водивший их в военные походы с реки Бырлад на русские земли совместно со степными кочевниками, вряд ли вызывал у духовенства горячее сочувствие. Во всяком случае, его союзнические отношения с половцами, которых он использовал для борьбы против своего двоюродного брата могущественного галицкого князя Ярослава Осмомысла при одобрении Юрия Долгорукого, не могли иметь поддержки Русской православной церкви. По-видимому, духовенство в данном случае пыталось просто предотвратить страшный грех, на который готов был пойти Юрий Долгорукий, - клятвопреступление, да еще сопряженное с убийством хоть и буйного, но все же несправедливо обиженного и униженного русского князя, что никоим образом не могло быть одобрено или допущено православным сознанием современников.

Но что за личностью был Иван Ростиславович Берладник, и какие страницы вписала эта яркая фигура в историю наших земель, в

историю средневекового Понизья, нам еще предстоит узнать. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что его бурная деятельность находила свое отражение и в русских летописях, и в трудах классиков русской исторической мысли – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова и др., и в трудах украинских, молдавских, румынских, польских, венгерских и других историков различных стран, школ и направлений. И это не случайно: с этим примечательным деятелем древнерусской истории связаны вопросы истории многих территорий и народов. В том числе и земель Понизья, частью которых была в те времена современная территория Республики Молдова и Приднестровской Молдавской Республики, отчасти – и Румынии. Перелистаем эти страницы и мы.

Иван Ростиславич Берладник (ок.1120-1161) происходил из рода Рюриковичей, в частности, князей Перемышльских и Галицких. Его отцом был Ростислав Володаревич Перемышльский (ум.1129), дедом - Володарь Ростиславич Перемышльский (ум.1124), прадедом - Ростислав Владимирович Перемышльский (1038-1066), прапрадедом - Владимир Ярославич Рюрикович (1020-1052)⁹. От своего отца Берладник унаследовал город Звенигород (Галицкий), располагавшийся на левом берегу Днестра между устьями Серета и Збруча. Вероятно, он мог претендовать на большой удел, но вынужден был терпеть подобные «лишения» в силу ряда причин. В Звенигороде он благополучно правил с 1129 по 1145 г., скрывая свое недовольство братом отца, т.е. собственным дядей Владимирко Володаревичем Галицким, который неправомерно, по мнению Берладника, узурпировал галицкий престол, не желая делиться с племянником «по справедливости».

Дело в том, что Владимирко Володаревич Галицкий сперва был князем Звенигородским с 1124 г., когда скончался его отец Володарь и он сел на княжение, а потом, когда в 1129 г. умер его брат Ростислав, он взял Перемышль себе, а племяннику Ивану Ростиславичу отдал Звенигород. Через полтора десятилетия умирает двоюродный брат Владимирка Иван Василькович, и с 1141 г. по праву наследства Владимирко занимает Тереволь и Галич на Днестре. Главной целью политики князя Владимирко стало объединение в одних руках всей Галицкой земли. Он помогает могущественному великому князю Всеволоду Ольговичу, сыну Олега Святославича, в его борьбе против волынского князя Изяслава Мстиславича, но через несколько лет, в 1144 г. опрометчиво пошел с ним на явный разрыв и примкнул к его врагу Изяславу Мстиславичу. В свою очередь Всеволод Ольгович два раза ходил со своим войском в Галицкую землю и оба раза доводил галицкого князя до отчаянного положения. Однако изворотливый Вла-

димирко Володаревич каждый раз откупался богатыми подарками. Через Всеволодова брата Игоря, которому он сулил свою поддержку в занятии киевского престола, если он поможет ему примириться с братом, Владимирко не только не терял свой престол в Галиче, но и укреплял его¹⁰.

Когда Владимирко потерпел поражение от Всеволода, многие влиятельные горожане Галича, не любившие князя, решили, что настал подходящий час для смены власти. Они-то и приглашают в Галич княжить звенигородского князя Ивана Ростиславича. И вот, зимой 1144 г., когда Владимирко Володаревич отправляется на охоту, жители Галича обращаются к Ивану с просьбой прийти к ним княжить. Долго последнего уговаривать не пришлось. Он отправляется с небольшой дружиной в Галич, и горожане радостно открывают перед ним ворота, впустив в город конкурента галицкого князя. Так Иван Ростиславич становится князем Галицким. Но его правление было коротким и несчастливым.

Узнав о неожиданном ударе в спину со стороны собственного племянника, Владимирко Володаревич решительно двинул свою дружину на Галич. Он осадил город и три недели нещадно бился с его защитниками. Однако горожане не уступали и не сдавались на милость изгнанного ими князя. Более того, горожане с успехом совершали партизанские вылазки в стан врага, внося в полки Владимирка смуту и панику. И неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, но однажды ночью нетерпеливый Иван решил самолично сделать боевую вылазку в стан врага. Увлечшись азартной операцией, он зашел слишком далеко за город, и войска Владимирка отрезали дружину Ивана от городских ворот. В отчаянной схватке с полками дяди воинственный племянник потерял большую часть своей дружины, но сумел вырваться из окружения и бежать. Поначалу он появляется на Дунае, в районе реки Бырлад, а затем, перейдя Прут, Днестр, Южный Буг, он степями уходит на Днепр в Киев. Иван потерял, таким образом, не только Галич, но и свой Звенигородский удел. С этого момента и начинается скитальческая жизнь этого предприимчивого и смелого князя-изгоя, первого русского наемника¹¹.

Как описывал в начале прошлого века его авантюрную эпопею член-корреспондент Императорского Московского археологического общества В.К. Гульдман, «Иван Ростиславич сначала появляется в молдавском городе Берладе, который в то время служил притоном для всех беженцев – князей и простых людей, - благодаря частым сношениям с которыми князь Иван Ростиславич и получил название Берладника. В следующем 1145 г. Берладник появляется уже у неприимого врага Владимирка – кн. киевского Всеволода. В следующем

1146 году он находится в дружине брата Всеволода кн. Святослава Ольговича; потом, в расчете на поддержку возвратить себе удел, появляется в качестве служилого князя то в Чернигове, то в Смоленске, то в Суздали, одно время – даже в Новгороде, то вновь в Киеве»¹².

Более десяти лет скитался князь Иван с дружиной набранных в Берладе отщепенцев по русским землям. Поступая на службу к разным князьям и участвуя в их бесконечных усобицах и сварах, он безуспешно искал сильного союзника и покровителя, с помощью которого мог бы вернуть себе княжеский стол в Галиче. Ни Святослав Ольгович в 1146 г., ни Юрий Долгорукий в 1149 г. не стали ему надежной опорой. Да и сам Иван Ростиславич не отличался прилежанием и верностью своим покровителям. Когда князья Владимир и Изяслав Давыдовичи и Изяслав Мстиславич загнали Святослава Ольговича в вятичские леса, Берладник, взявший заблаговременно у Святослава 200 гривен серебра и 12 гривен золота, перешел к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому. А В.Н. Татищев вообще считал, что он просто отобрал деньги у Святослава¹³. Не столь уж усерден был Иван Ростиславич и в службе Юрию Долгорукому. Суздальский князь послал его в Двинскую землю перехватить новгородцев, собиравших дань в отдаленных северных районах. Но Ивану не удалось этого сделать. По сообщению летописей, новгородцы отбились, пролив много крови с обеих сторон¹⁴.

Лишь черниговский князь Изяслав Давыдович пытался вести борьбу с сыном Владимирка, одним из сильнейших древнерусских князей Ярославом Осмомыслом, князем Галицким, пытаясь утвердить княжеские права Ивана Ростиславича на Галич, но тщетно. Дружина берладских отщепенцев, лично преданная своему предводителю и вождю, была просто не в состоянии одолеть его врагов и помочь взобраться на вожделенный престол. Эта дружина в конечном счете не могла даже толком защитить князя Ивана. Как только Юрий Долгорукий почувствовал острую нужду в союзнических отношениях со своим братом галицким князем Ярославом Осмомыслом, он задумал «скрепить» этот союз оригинальным образом - выдать Ивана Ростиславича галицкому князю на лютую казнь. Из Суздаля по приказу князя Юрия Ивана доставили в Киев в кандалах, и галицкие послы с хорошо вооруженной дружиной уже готовы были доставить его по назначению. И не дружина берладников, а слово православных священников спасло жизнь беспокойному князю-изгою.

В 1157 г. на пиру у киевского боярина Петрила был отравлен Юрий Владимирович Долгорукий. А после его смерти киевляне, ненавидевшие великого князя, подняли восстание. Какое-то время Иван проводит в Киеве у своего покровителя Изяслава Давыдовича. Здесь, на

свободе, он мог беспрепятственно общаться с недовольными своим князем галичанами, плести сети искусных интриг, готовить заговоры против галицкого князя. Дело в том, что особенности политической жизни Галича и других подобных ему городов на Днестре и вообще в Червонной Руси предполагали нестабильность и в малой степени обеспечивали княжескую безопасность в стольном граде. Эти особенности отмечались еще исследователями XIX в.: «Итак, во всех важнейших случаях действителями являются бояре; они призывают князей, они составляют заговоры, захватывают управление земли в свои руки и т.д., а граждане молчат или являются в страдательной роли приверженцев высшего сословия, исполнителей его предначертаний; то значение, которое сохраняло народонаселение в Киеве, где бояре казались пришельцами, потому что с новым князем являлись и новые бояре, это значение в Галиче всецело перешло к боярам, важным по своему богатству и тому влиянию, которое они постоянно сохраняли над народом благодаря своим должностям. Народная масса, предоставленная самой себе, без средств, без вождя, конечно, должна была разделиться на части и склониться на сторону того или другого боярина»¹⁵.

Естественно, в эти условия наличие в Киеве целого гнезда заговорщиков не могло не беспокоить Ярослава и, как говорит летописец, он начал искать двоюродного брата своего Ивана. В 1158 г. Ярославу удалось заручиться согласием всех русских и польских князей, а также венгерского короля не оказывать Ивану никакой поддержки и объединить усилия для его поимки. Правда, Изяслав Давыдович Черниговский по-прежнему твердо защищал Ивана Ростиславича. Когда послы почти всех русских и польских князей вместе с послом венгерского короля потребовали выдать им опального князя, он решительно отказал им.

Иван Ростиславич не стал испытывать судьбу в очередной раз. В 1158 г. он бежит из Киева в степь, к половцам. Появившись снова в районе бассейна реки Бырлад со своими новыми союзниками, князь-изгой занялся на Дунае грабежом галицких торговых судов. Это занятие пришлось по вкусу не только половцам, но и тем «берладникам», которые его знали и помнили по прошлым авантюрам, когда он впервые появился здесь, избежав смерти под стенами Галича. Видя, как на глазах растет численность рати его приверженцев, Иван Ростиславич решает вести своих «берладников» на Галич, чтобы изгнать оттуда своего злейшего врага и двоюродного брата Ярослава Владимировича (Осмомысла). Несколько перехваченных судов на Дунае, принадлежавших галицким купцам, снабдили Ивана Ростиславича хорошей добычей и привлекли в его ряды до шести тысяч берладников, таких

же неприкаянных, несчастных и изгнанных из своих домов бродяг – галицких бродников, каким был и он сам. Значительную часть этой разношерстной рати составляли кочевники-половцы, рассчитывавшие в очередной авантюре галицкого изгоя хорошо поживиться за счет грабежа.

Из Дунайско-Карпатских земель воинство берладников двинулось на Днестр. Продвигаясь вверх по течению реки, они смогли захватить город Кучельмину. Но при осаде галицкой крепости Ушица на левом берегу Днестра берладники столкнулись с отчаянным сопротивлением гарнизона, сохранявшего верность князю Ярославу. И только предательство нескольких сотен смердов, перешедших на сторону берладников, открыло Ивану реальную возможность взять город штурмом. Кстати, что это за «смерды» в городе? По мнению русского историка С.М. Соловьева, слово «смерды» в данном контексте летописи трактуется как противопоставление городской черни боярам и организованному войску князя. Он пишет: «...Думаем, что здесь должно разуместь под смердами простых людей, черных, чернь или даже вообще всех горожан в противоположность дружине; так, под 1152 годом читаем, что Иван Берладник осадил галицкий город Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крепко, но смерды стали перескакивать через стенные забрала к Ивану, и перебежало их 300 человек; здесь смерды - жители Ушицы противопоставляются засаде, дружине княжеской: последняя билась крепко против Берладника, а смерды перебежали к нему»¹⁶.

Но и в рядах нападавших не было единства. По каким-то причинам князь-изгой не позволил половцам грабить город. Это расстроило планы половцев, и они, раздосадованные и озлобленные на своего предводителя, ушли восвояси на Дунай¹⁷. С оставшейся частью войска Иван Берладник в 1159 г. приходит в Киев к Изяславу Давыдовичу, занимавшему тогда великокняжеский престол в стольном граде. Изяслав обращается к Ярославу Осмомыслу с требованием предоставить Ивану Берладнику полагающийся удел, но вызванный на бой галицким князем, он потерял и собственный удел, а затем погиб.

Между прочим, заняв после смерти Мономаховича Юрия Долгорукого по праву старшинства великокняжеский стол в Киеве, Изяслав должен был уступить черниговский стол своему младшему родичу, двоюродному брату Святославу Ольговичу, князю Новгород-Северскому, но отдал ему не все княжество, а только Чернигов и еще семь городов. Собираясь в поход против Ярослава Осмомысла, он позвал к себе в помощь Святослава и, получив отказ, пригрозил: «Смотри, брат! Когда бог даст, управлюсь в Галиче, тогда уж не пеняй на меня, как поползешь ты из Чернигова обратно к Новгороду Северско-

му». И здесь интересен для нашей темы ответ Святослава брату, киевскому князю: «Господи, ты видишь мое смирение, сколько я поступался своим, не хотя лить крови христианской, губить своей отчизны; взял я город Чернигов с семью другими городами, да и то пустыми: живут в них псаря да половцы»¹⁸. С отливом населения из Киевской Руси, таким образом, ясно намечался экономический упадок Чернигова, Любеча и других старинных богатейших и благополучнейших городов Приднепровья.

В связи с этим отливом населения на запад В.О. Ключевский объясняет «одно важное явление в русской этнографии, именно, образование малороссийского племени». Он пишет, что струя отлива населения из Поднепровья «направлялась на запад, на Западный Буг, в область Верхнего Днестра и Верхней Вислы, вглубь Галиции и Польши. Так южнорусское население из Поднепровья возвращалось на давно забытые места, покинутые его предками еще в VII в. Следы отлива в эту сторону обнаруживаются в судьбе двух крайних княжеств, Галицкого и Волынского. По положению своему в политической иерархии русских областей эти княжества принадлежали к числу младших. Галицкое княжество, одно из выделенных, сиротских по генеалогическому положению своих князей, принадлежавших одной из младших линий Ярославова рода, уже во второй половине XII в. делается одним из самых сильных и влиятельных на юго-западе: князь его отворяет ворота Киеву, как говорит "Слово о полку Игореве" про Ярослава Осмомысла. С конца XII в., при князьях Романе Мстиславовиче, присоединившем Галицию к своей Волыни, и его сыне Даниле, соединенное княжество заметно растет, густо заселяется, князья его быстро богатеют, несмотря на внутренние смуты, распоряжаются делами Юго-Западной Руси и самим Киевом; Романа летопись величает "самодержцем всей Русской земли"»¹⁹.

Что же касается Берладника, то, оставшись без большей части своего войска, пережив смерть своего единственного покровителя, черниговского князя Изяслава, разгромленного, а затем и убитого Ярославом Осмомыслом, Иван Ростиславич решает уходить в Грецию. Ему, осознавшему всю бесперспективность попыток воцариться в Галиче и пережившему крах дела всей своей жизни, вероятно, было не страшно найти смерть в Фессалониках (Солуне) в 1161 (по другим сведениям, в 1162) г. По преданию, зафиксированному летописцем, этот князь был отравлен ядом²⁰.

Не менее драматична и печальна судьба сына Берладника, князя Ростислава, который, не имея своей семьи, проживал у князя смоленского Давида. Именно в Смоленск к Ростиславу Ивановичу в 1183 г. пришли горожане Галича, где тогда правил венгерский король Ан-

дрей (Андраш), сын короля Бела III, заточившего в темницу Владимира Ярославича, искавшего у него защиты против своеволия галицких бояр. Гости предложили князю Ростиславу занять галицкий престол, изгнав из княжества ненавистных всем венгерских пришельцев. Ростислав собрал небольшую дружину и немедленно отправился в Галич. Два пограничных города в княжестве сразу приняли его сторону.

Но под стенами Галича Ростислав встречает ожесточенное сопротивление не только со стороны венгров. Как оказалось, не все горожане желают его видеть своим князем. Дружинники, друзья Ростислава советовали ему вернуться в Смоленск, реально оценив обстановку. Но князь Ростислав Иванович ответил, что ему уже наскучило скитаться по чужим землям и он желает сложить голову на своей отчине. После этого он ринулся в самую гущу галицких и венгерских полков, был сбит с коня, изранен и полуживым внесен жителями в город. Здесь, в Галиче, Ростислав скончался так, как и желал, «лег на отчине своей подле предков своих»²¹.

Известный советский исследователь академик М.Н. Тихомиров в одном из своих фундаментальных исследований по истории древнерусской государственности увидел во всей эпопее князя-изгоя и его сына не просто случайные коллизии в судьбе колоритной фигуры прожженного авантюриста. Он высказал очень глубокие суждения о том, как эта история отразила реальные условия борьбы за городские привилегии знати, бояр, князей и городского вече. «Галицкие горожане, – пишет Тихомиров, – готовы были поддержать младшего князя Ивана Ростиславича Берладника в противовес его дяде Владимирку. Очень вероятно, что такая поддержка исходила не от всех горожан в целом, а от определённых кругов, видевших в Иване защитника интересов демократических слоев населения. Недаром же во время осады Ушицы Иваном Берладником смерды перескакивали через городскую стену в его лагерь, «и перебежало их 300».

Случайные известия о берладниках, получивших своё название от города Берлада, или Бырлата, на юге Молдавии, позволяют видеть в них предшественников позднейших бродников. В их числе должны были находиться беглые холопы, смерды, разорённые горожане. Таким образом, расположение смердов к Берладнику не случайно, как не случайна и особая ненависть к нему старших князей. Недаром же Юрий Долгорукий обращался с Иваном, как с преступником, держал его в оковах и готов был выдать его на расправу Ярославу. Ещё ранее против Ивана Ростиславича была создана целая коалиция князей. Ярослав Галицкий «подмолвил князей русских и короля (надо понимать, венгерского) и польских князей, чтобы были ему помощники на Ивана». Это объединение князей объясняется общим страхом перед

Берладником как руководителем движения городских и сельских низов. Летописи зловеще говорят о судьбе князя-берладника, давая возможность предполагать, что его смерть на чужбине была вызвана отравой, «иные так молвят, что с отравы была ему смерть»²².

Известный русский историк, писатель и журналист, издатель знаменитого журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевой в своем трехтомном основательном исследовании «История русского народа», увидевшем свет в начале 30-х гг. XIX в., историю с призванием в князя Ростислава Ивановича описывает следующим образом: «Это был сын Берладника, Ростислав... Этот юноша жил в Смоленске и слышал, что есть и его приверженцы в Галиче, еще помнящие несчастного Берладника. С малою дружиной Ростислав хотел решить победу быстротою и смелостью. Он и успел бы, может быть, но Андрей был деятелен, встретил его с сильным войском и принудил к битве. С горестью видел Ростислав, что признавшие его не являются. "Бог судья тем, кто звал меня и обманул; но лучше умереть, нежели скитаться на чужбине, как скитался отец мой и я," - сказал он и начал битву. Смертельно раненного взяли его венгры и привезли в Галич. Тронутые несчастной участью юноши галичане заволновались. Андрей велел унять их и избавить его от сына Берладникова. К ранам Ростислава приложили отраву и показали народу мертвое тело его... Галичане успокоились, утаили досаду»²³. Тем более, что Владимир Ярославич, сын Ярослава Осмомысла, вскоре бежал из венгерской тюрьмы, куда он был заточен по решению отца Андрея Иерусалимского, венгерского короля Белы, а потом, заручившись поддержкой германского императора Фридриха Барбароссы, вместе с поляками подошел с дружиной к стенам Галича. Горожане взбунтовались и стали резать венгров в отместку за неуважение к православной религии и нормам нравственности. Владимир Ярославич снова воцарился в Галиче.

Галичане не любили его деда, князя Владимирка. Это действительно так, но дело не только в этом. Галичане с самого начала, по-видимому, были недовольны княжением Владимирка и во время похода Ольговичей на Галич в 1144 г. вынудили его начать с ними переговоры. Своё отношение к Владимирку галицкие горожане проявили в том же году. Воспользовавшись отсутствием князя, «послали галичане за Иваном Ростиславичем в Звенигород и ввели его к себе в Галич». Владимирко три недели осаждал Галич и бился с Иваном, пока не отрезал последнего от города и не вынудил бежать за Дунай. Но и после этого горожане «всю неделю бились за Ивана с Володимиром».

Горожане только «нужею» сдались в руки Владимирка, который произвёл над ними жестокую расправу. Сношения галицких горожан

с Иваном Берладником продолжались и далее. В 1159 г. они посылали к Ивану с предложением выступить на войну: «Только покажешь стяги, и мы отступим от Ярослава». Позже «галицкие мужи» сносились с его сыном Ростиславом Ивановичем²⁴.

О кровожадности Владимирка, который «плавал в крови» жителей Галича, и хорошем отношении галичан к Берладнику сообщает, ссылаясь на Киевскую летопись, и Н.М. Карамзин: «Брат Владимирков, Ростислав, оставил сына именем Иоанна, прозванного Берладником, у коего дядя отнял законное наследство: сей юноша жил в Звенигороде и снискал любовь народа. Пользуясь отсутствием Владимирка, уехавшего в Тисменицу для звериной ловли, галичане призвали к себе Иоанна и единодушно объявили своим князем. Гневный Владимирко приступил к городу. Жители сопротивлялись мужественно; но Иоанн в ночной вылазке был отрезан от городских ворот: пробился сквозь неприятелей, ушел к Дунаю и, наконец, в Киев. Галичане сдались. Склонный более к строгости, нежели к милосердию, Владимирко плавал в их крови и с досадою слышал, что великий князь взял его племянника под защиту, как невинно гонимого»²⁵.

Кстати, на эпизод с Ростиславом Ивановичем, сыном Берладника, обратил внимание еще в середине XIX в. известный историк русско-го права В.И. Сергеевич в своей магистерской диссертации «Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена Рюриковичей». Он отмечает, что в приглашении Ростислава на галицкий престол в 1159 г. «...ясно различены два слоя галицкого общества: бояре (галицкие мужи) и просто галичане - и показано участие в призвании князя не только первых, которые весьма рано обособились в сильное сословие, значение которого не может быть подвергаемо сомнению, но и последних»²⁶. Другими словами, попытки горожан Галича вновь пригласить на княжеский стол Ростислава Ивановича по сути своей являлись попытками возродить значение вечевых элементов в общественной жизни и ограничения всевозрастающего значения боярской олигархии. Эти попытки, как и в случае с Иваном Берладником, натолкнулись на жесткое сопротивление бояр и князей, как отечественных, так и иноземных.

В этих условиях ужесточавшейся борьбы между социальными слоями феодализировавшегося общества православная церковь не занимала, как мы видим, четкой и однозначной позиции поддержки одной из сил и подавления других, демократических сил, как это иногда пытались представить в атеистической историографии советских времен. Священнослужители скорее выступали в качестве сдерживающего, стабилизирующего начала, которое пытались удержать в рамках норм морали и нравственности противоборствующие стороны, доходившие во взаимной борьбе до одичания и озверения.

И здесь мы не можем не согласиться с важным выводом великого русского историка С.М. Соловьева, который, описывая спасение митрополитом Константином Ивана Берладника и другие подобные свидетельства огромного значения духовенства для политической и нравственной жизни народа и различных его классов, приводит слова митрополита Никифора, сказавшего, предупреждая вражду между Рюриком Ростиславичем и Всеволодом III: «Князь! Мы приставлены в Русской земле от бога удерживать вас от кровопролития!» И далее историк замечает: «В тот век, когда понятия о народном праве были слабы, и не стыдились убивать или задерживать послов, если речи их не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовные лица, потому что за них менее можно было опасаться при всеобщем уважении к их сану.

В людях описываемого времени не трудно заметить особенное расположение и уважение к монашеству; уважение это приобрели по праву древние русские иноки, особенно иноки Киево-Печерского монастыря, своими подвигами. В тогдашнем обществе, грубом, полужыческом еще, в котором новые, лучшие понятия, принесенные христианством, встречали могущественное сопротивление, первые монастыри представляли особое, высшее общество, где новый порядок вещей, новая религия проповедовалась не только словом, но и делом. ... Входя в монастырские ворота, мирянин переселялся в иной, высший мир, где все было чудесно, где воображение его поражалось дивными сказаниями о подвигах иноческих, чудесах, видениях, о сверхъестественной помощи в борьбе с нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекал к себе многих и лучших людей»²⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 510.

2. Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси. Московские епархиальные ведомости. № 6-8. 2003. http://files2.regentjob.ru/archive/vedomosti.meparh.ru/2003_6_8/12.htm

3. Духовный отец в древней восточной Церкви (история духовничества на Востоке). Ч. 1, 2. Сергиев Посад, 1906; Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1914. С дополнительным томом «Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины»; Водокрещи. Материалы для истории крещенских обрядов в Древней Руси. Сергиев Посад, 1900; Празднование Пасхи в Древней Руси. Прибавления к Церковным Ведомостям, 1900, № 15-16; Праздник Крещения Господня в Древней Руси. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. № 1; Как говели в Древней

Руси? Прибавления к Церковным Ведомостям. 1901. № 8, 9, 10; Как служили миру подвижники Древней Руси. Богословский Вестник. 1903. № 3, 4; Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца. Повесть об обретенной мощей и чудеса его. М., 1908 и др.

4. *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинёв, 1964. С. 82-84. *Соболевский А.И.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. В кн.: Труды VIII Археологического съезда. Т. 2. М., 1895; *Толочко П.П.* Историчні портрети. Киев, 1990.

5. Тмутараканское царство являлось древнерусским княжеством в конце X – начале XII в. и существовало на Таманском полуострове, было отрезано половцами от остального славянского массива и прекратило свое существование после долгих войн с половцами и Византийской империей.

6. *Смирнов С.И.* Указ. соч. Автор ссылается при этом на сообщение Ипатьевской летописи 1157 г.

7. *Рыжов Константин.* Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. М., 1990. См. также: <http://interpretive.ru/dictionary/454/word/%C8%C2%C0%CD+%D0%CE%D1%D2%C8%D1%CB%C0%C2%C8%D7+%C1%E5%F0%EB%E0%E4%ED%E8%EA/>

8. Энциклопедия Википедия. http://ru.wikipedia.org/wiki/Иван_Ростиславович

9. *Пчелов Е.В.* Рюриковичи. История династии. М., 2001.

10. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Биографии. Т. 3. М., 1993. С. 411, 512.

11. *Рыжов Константин.* Все монархи мира. Россия. 600 кратких жизнеописаний. Москва, 1999.

12. *Гульдман В.К.* Памятники старины в Подолии (Материалы для составления археологической карты Подольской губернии). Каменец-Подольский, 1901. С. 128. Конечно, ни о каком «молдавском городе Берладе» в те времена и речи не было - молдаване эти земли стали заселять двумя столетиями позже (*прим. авт. - Н.Б.*).

13. *Рыжов Константин.* Указ соч.

14. *Смирнов М.* Судьбы Червонной или Галицкой Руси до соединения её с Польшей. СПб, 1860. С. 118-119.

16. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. В пятнадцати книгах. Книга III. Т. 3-4. М., 1960. С. 35.

17. *Гульдман В.К.* Указ. соч. С. 128.

18. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Часть 1. Соч. Т. I. М., 1956. С. 282.

19. *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 284.

20. *Гульдман В.К.* Указ. соч. С. 108.

21. Там же.

22. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 208.

23. *Полевой Николай.* История русского народа. Т. 2. М., 1997. С. 90.

24. *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 109-110.

25. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. В 12 томах. Т. II-III. М., 1991. С. 123.

26. *Сергеевич В.И.* Вече и князь, М., 1867. С. 8.

27. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 63.

ЕДИНЬЙ КНИЖНЬЙ интернет-магазин

Первый тематический книжный магазин по «украинскому» вопросу.

Высылаем каталог по почте и поможем с приобретением мелкооптовых партий книг.

Книги в наличии:

- Ульянов Н. «Происхождение украинского сепаратизма»
- «Русская Галиция и «мазепинцы»»
- Сидоренко С. «Украина - тоже Россия»
- Чуев С. «Украинский Легион»
- Геровский Г. «Язык Подкарпатской Руси»
- Аристов Ф. «Литературное развитие Подкарпатской Руси»
- Поп И. «Энциклопедия Подкарпатской Руси»
- Журнал «Русин» и многое другое...

Совместный проект сайтов «Единая Русь» (www.edrus.org), «Украинские страницы» (www.ukrstor.com) и «Малорусской народной исторической библиотечки» (mnib.malorus.org).

Адрес магазина в Интернете: <http://magazin.malorus.org>
e_mail: magazin@malorus.org Тел.: +7 (903) 53 44 218

Адрес: Россия 109028 Москва. До востребования.
Предъявителю ОЗП 5 IN 1196995

Диакон Владимир ВАСИЛИК

ОБРАЗ РУССКОЙ ЗЕМЛИ В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ*

Галицко-Волынская летопись в течение многих лет представляла интерес для исследователей¹. Одна из причин – дискуссия об общерусском сознании², одним из памятников которого является Галицко-Волынская летопись (далее ГВЛ), наряду с такими памятниками, как «Слово о полку Игореве»³, «Слово о погибели земли Русской»⁴ и т.д.

Для того, чтобы осветить эту проблему, вначале рассмотрим сам термин «Русь», «русский». Это понятие многозначно. Во-первых, оно является хоронимом, обозначающим Киевщину, Киевскую землю. Приведем лишь несколько примеров. Первый из них – статья за 1224 г., рассказывающая о Калке: «Мьстиславъ бо бѣ со всеми князьми рускими и черниговьскими прибѣгшимъ же половцемъ в Рускую землю, глаголющимъ же имъ рускимъ княземъ: "Аще не поможета намъ, мы нынѣ исѣчени быхомъ, а вы наутрѣ исѣчени будете"»⁵. Здесь явно имеется в виду только Киевщина, поскольку в данном случае понятие «русский» отделяется даже от Черниговского княжества.

Другой пример – статья за 6739 (1231) г.: «Даниль жь из Руской земля взя собѣ часть Торцький, и паки да и дѣтемъ Мьстиславимъ, шюрятомъ своимъ. Рекъ имъ: "За отца вашего добродѣанье примете ни держите Торцький городъ"»⁶.

Как известно, Торческ находился в Поросье, на Киевщине, поэтому в данном случае значение термина «Русская земля» как Киевское княжество несомненно.

За 6742 (1234) г. – следующий пример: «Половцемъ же пришедшимъ Киеву и плѣнящимъ землю Рускую. Даниль бо бѣ изнемоглься»⁷. Как известно, этот набег затронул лишь киевские пределы. И, наконец, трагический рассказ о взятии Киева монголами в 1240 г.: «Въ лѣто 6748. Приде Батый Киеву в силѣ тяжьцѣ, многомъ множествомъ силы своей, и окружи град, и остолпи сила татарская, и бысть град в обдержаньи велицѣ. И бѣ Батый у города и отроци его обѣсѣдяху град. И не бѣ слышати от гласа скрипания телѣгъ его, множества ревения

---

* Доклад был зачитан на международной научно-практической конференции «Прикарпатская Русь и Русская цивилизация» (Санкт-Петербург, 18 июня 2009 г.).

вельблудъ его, и рѣжания от гласа стадъ конь его, и бѣ исполнена земля Руская ратныхъ»⁸.

Однако, это далеко не единственное значение термина «русский». Он может относиться не только к Киевской земле, но также и к Черниговской и Переяславской земле. Приведем пример из статьи за 6746 (1238) г.: «Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю *Половецкую*. Оттуда же поча посылати на грады русьскыи и взять град Переяславль копьемъ, изби всь»⁹.

В целом ряде контекстов Русской землей называется Галицкая земля. Вот статья за 6709 (1201) г.: «велику мятежю воставшю в землѣ Руской, оставившима же ся двѣима сынома его: единъ 4 лѣтъ, а другии дву лѣтъ»¹⁰.

Другой пример, взятый из статьи за 6737 (1229) г.: «Андрѣеви же пришедшу ко отцю си и брату, и Судиславу глаголюще непрестанно: "Изѣидете на Галичъ, и примете землю Рускую. Аще не поидеши, укрѣпятся на ны"».

Однако, не только Галицкая, но и Галицко-Волынская земля может быть названа Русской землей, см. статью за 1241 г.: «И приде Батый Каменцю, Изяславлю, взять я. Видивъ же Кремьянѣць и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти ему, и отиде от нихъ. И приде к Володимеру, и взя и копьемъ, и изби и не щадя. Тако же и градъ Галичъ, инии грады многы, имже нѣсть числа. Дмитрови же, Киевському тысяцкому Данилову, рекшу Батыеви: "Не мози стряпати в землѣ сей долго, время ти есть на угры уже поити. Аще ли встряпаеши, земля ти есть силна. Сберуться на тя и не пустять тебе в землю свою". Про то же рече ему, види бо землю гибнущу Рускую от нечестиваго»¹¹.

Приведем другой пример, в котором и Козельск также причисляется к Русской земле: «Тогда бо бѣахуть Мьстиславъ Романовичъ в Киевѣ, а Мьстиславъ в Козельскѣ и Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичъ в Галичѣ, то бо бѣаху старѣйшины в Руской земли»¹².

Далее, понятие «русский» является этнонимом. «Русский» в ряде позиций противопоставляется ляхам, половцам, уграм и т.д. Вот пример из статьи за 1202 г.: «Въ лѣто 6710 [1202]. Собравшю же Рурику половци и руси много»¹³. Другой пример - из статьи за 1208 г.: «О нем же ѣдущимъ напреди ими к Лютой рѣцѣ, оже быша не приѣхалъ ляховѣи русь. И сошедшее *одва* препровадиша рѣку Лютую, половцемъ стрѣляющимъ и руси противу имъ»¹⁴.

Характерна и хвастливая поговорка бана Фильния: «Острый мечъ, борзый конь, многая руси...». При этом русью именуются и подданные князя Ростислава, правившего на Дунае, вне пределов собственно Русской земли.

И, наконец, понятия «Русь», «русский» являются политонимом и культуронимом¹⁵, обозначающим все пространство древней домон-

гольской Руси. Особенно это характерно для описания битвы при Калке – общерусской трагедии: «Бысть побѣда на вси князи рускыя. Тако же не бывало никогда же»¹⁶.

Отметим, что тема единой Руси вводится с самого начала повествования – с рассказа о Романе Мстиславиче: «В лета 6709 [1201] начало княжения великаго князя Романа, како державего бывша всей Руской земли князя галичкого. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержьца всея Руси...»¹⁷. Обратим внимание, что Роман Мстиславич именуется самодержцем, по-гречески – *αὐτοκράτωρ*. Таким образом, Роман считается преемником византийских василевсов. Для этого была известная причина: как считает А.В. Майоров, вторым браком Роман был женат на дочери Алексия Ангела¹⁸. Родство с царствующим византийским домом как бы давало Роману право на царский титул. Соответственно, Русь мыслится как некое царство. Это подтверждается и статьей за 1249 г. – рассказом о пребывании князя Даниила в Орде: «О злая честь татарская! Его же отец бѣ царь в Руской земли, иже покори Половецкую землю и воева на иные страны всѣ...»¹⁹. Следовательно, если Роман Мстиславич мыслится как царь в силу византийского преемства²⁰, то его власть является сакральной, и эта сакральность переносится и на его сына Даниила. И хотя автор оговаривается, что «сынъ того не прия чести», но эта оговорка относится ко всеобщему унижению русских князей под татарской властью: «То инынъ кто можетъ прияти? Злобѣ бо ихъ и льсти нѣсть конца»²¹.

Татарская власть такова, что унижает даже и царей: «Приходящая цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ водяше около куста поклонятися имъ».

Можно сказать, что отсвет отцовской священной власти падает и на Даниила. Отчасти поэтому измена ему становится духовным преступлением, не случайно в статье за 6738 (1230) г. бояре именуются «безбожными», а разрушение их планов является делом Божественного промысла: «Крамолѣ же бывши во безбожныхъ боярехъ галичкихъ: свѣтъ створше со братучадьемъ его Олександромъ на убьенье и преднее землѣ его. Сѣдящимъ же имъ в думѣ и хотящимъ огнемъ зажещи, милостивому Богу вложившу во сердце Васильку изиити вонъ, и обнажившу мѣчь свой играя на слугу королева, иному похвативши щитъ играючи. Невернымъ Молибоговидьчымъ узрѣвши се, страхъ имъ бысть от Бога, рекъшимъ, яко: "Свѣтъ нашъ раздрушися". И побѣгшимъ имъ, яко оканьны Святополкъ»²³.

Отметим, что изменники сравниваются со Святополком Окаянным, что не случайно, ибо, по свидетельству «Повести временных лет»,

Святополк умер где-то между Польшей и Чехией. Таким образом, изменники не только являются иудами и безбожниками, но и изгоями: Святая Русская земля их не принимает, а выбрасывает из себя, как море выбрасывает гнилое.

Еще более характерный эпизод – с проклятием Жирослава (1226 г.): «Князю же обличившу Жирослава изгна и от себе, якоже изгна богъ Каина от лица своего, рекы: "Проклять ты! Буди стоя и трясися на земли, якоже раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего". Якоже и Жирославъ раздвиже уста своя на господина своего, да не будетъ ему пристанька во всихъ земляхъ в Рускихъ и во Угорьскихъ, и ни в ких же странахъ, да ходитъ шатайся во странахъ, желание брашна да будетъ ему, вина же и олу, по скуду да будетъ ему, и да будетъ дворъ его пусть и в селѣ его не будетъ живущаго»²³.

Здесь мы видим две библейские аллюзии. Первая - из книги Бытия, истории Авеля и Каина: «Буди стоя и трясися на земли, яже раздвиже земля уста своя прияти кровь брата твоего» (Быт. 4, 11). Вторая - из псалма 108, который читался при анафематствовании: «Да будетъ дворъ его пусть и в селѣ его не будетъ живущаго». Стоит также упомянуть, что эта цитата присутствует в Деяниях Святых Апостолов при рассказе об Иуде, который приобрел «землю неправедной мздою» (Деян. 1,20)²⁴. Итак, Жирослав становится вторым Каином, а его измена приравнивается к первому братоубийству, оскверняющему землю. Кроме того, он – второй Иуда. Именно поэтому Святая Русская земля и извергает его из своих пределов и обрекает на скитания в чужих странах «стена и шатайся». Священное пространство, «земля живых» не терпит в себе духовного мертвеца и предателя.

В ГВЛ встречается прямая аналогия между Русью (точнее, Галицко-Волынской землей) и Израилем. Рассмотрим известие от 6737 (1229) г.: «Изииде же Бѣла риксь, рекъмый король Угорьскый, в силѣ тяжьцѣ. Рекшу ему, яко: "Не имать остатися градъ Галичь. Нѣсть кто избавляя и от руку моею". Вшедъшу же ему во горы Угорьскыѣ, посла на ны Богъ архангела Михаила отворити хляби небесныя. Конем же потопающимъ и самѣмъ възбѣгающимъ на высокая мѣста, оному же одинако устремисшися прияти град и землю. Данилови же молящуся Богу, избави и Богъ от руки сильных. И обиступи град, и посла посоль, и воспи посоль гласомъ великом и рече: «Слышите словеса великого короля угорьского. Да не уставляетъ васъ Дъмьянь глаголя: "И земля изиметь ны Богъ". Ни да уповаеть вашъ Даниль на Господа, глаголя: "Не имать предати градъ сесь королеви угорьскому". Толико ходилъ на ины страны, то кто можетъ одержати от руку моею и от силъ полковъ моихъ». Дъмьянь же одинако крѣпяшеса, грозы его не убоися. Богъ поспѣшникъ бысть ему.... Богъ попусти на нѣ рану фараонову. Градъ

же крѣпляшеся, а Бѣла изнемогаше. И поиде от града, оставившу же ему люди за собою, оружники многи и фаревники. Нападшимъ же на нѣ гражданомъ мнозимъ, впадаху в рѣку, инии же избѣени быша, инии язвени быша, инии же изоимани быша. Яко инде глаголетъ: "Скыртъ рѣка злу игру сыгра гражданомъ", тако и Днѣстръ злу игру сыгра угромъ. Отгуду же поиде король ко Василеву и переиде Днѣстръ, и поиде ко Пруту. Богъ бо попустилъ бѣашеть рану, ангель бѣашеть ихъ, сице умирающимъ: инии же изъ подъшевь выступахуть, акы ис чрева, инии же во конѣ влѣзъше, изомроша, инии же, около огня солѣзъшеся и мясь ко устомъ придевоше, умираху, многими же ранами разными умираху, хляби бо небесныи одинако топахуть. И ушедшу же ему за невѣрство бояръ галичкихъ, Даниль же Божьею волею одержжа градъ свои Галичъ»²⁵.

В этом диалоге мы видим прямую параллель с рассказом из книги Исаии (37) - приходом Синахериба (слав. Сеннахерима) под Иерусалим. И сама речь Белы напоминает горделивые слова Рабсака, вельможи Синахериба: «Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может спасти вас; и пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: спасет нас Господь; не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского. Не слушайте Езекии, ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, да не обольщает вас Езекия, говоря: Господь спасет нас. Спасли ли боги народов, каждый свою землю, от руки царя Ассирийского? Где боги Емафа и Арпада? Где боги Сепарваима? Спасли ли они Самарию от руки моей? Который из всех богов земель сих спас землю свою от руки моей? Так неужели спасет Господь Иерусалим от руки моей?» (Ис. 37, 15-20).

И, как известно, Синахериб кончил печально: «По той же дороге, по которой пришел, возвратится, а в город сей не войдет, говорит Господь. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего. И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, всё тела мертвые. И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский» (Ис. 37, 34-36).

Возникает вопрос: почему автор все же сравнивает Белу с фараоном, а не с Синахерибом? Вероятно, в силу обильных дождей, вызвавших эпидемические болезни в войске Белы, аналогия с потоплением войск фараона в Красном море была более выигрышной и понятной древнерусскому читателю, который слышал чтение о Сеннахериме раз в год, в Великий пост, а о коне и всаднике, свергнутом в море Чермное, – практически во время каждой утрени.

Однако та и другая реминисценции из Священного Писания говорят об образе Руси как новой Святой Земли, а русского народа – как Нового Израиля²⁶.

Соответственно, и жизнь Руси и русского народа во многом рассматривается в парадигме жизни Израиля – вождение Богом ко спасению и наказание за грех и непослушание. Вот как осмысляется победа татар при Калке: «Бысть побѣда на вси князи рускыя. Также не бывало никогдаже. Татаром же побѣдившимъ русьскыя князя за прегрешение крестьяньское, пришедшимъ и дошедшимъ до Новагорода святополчского. Не вѣдающим же руси льсти ихъ, исходяху противу имъ со кресты, они же избиша ихъ всихъ»²⁷.

В чем конкретно заключается христианское прегрешение, автор не поясняет, однако, исходя из контекста – рассказа о княжеской розни, которая привела к катастрофе, можно сделать вывод, что этим грехом было несогласие, «непособие» князей. К тому же могла присутствовать мысль о том, что Бог наказывает подобное подобным: за коварство князей во время междоусобиц Бог может карать коварством внешнего врага.

Однако, по мнению летописца, Бог смешивает наказание с милосердием. В известии за тот же год мы читаем: «Ожидая Богъ покаяния крестьянскаго, и обрати и воспать на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ кано ихъ таногуты убьень бысть. Ихже прельстивше и послѣди же льстию погубиша. Иные же страны ратми, наипаче лестью погубиша»²⁸.

Здесь присутствует нетривиальное известие о том, что Чингисхан при завоевании Тангутского царства был убит, а не умер своей смертью²⁹. Но для нас гораздо важнее, что война монголов на Востоке осмыляется как милость Божия к Русской земле, что типологически сопоставимо с теми или иными политическими событиями в истории Ветхого Завета, осмысляемыми как Божественное милосердие по отношению к Израилю.

В теме Руси как Нового Израиля особенно важна тема Нового Иерусалима. В ее контексте показательно похвальное слово Владимиру Васильковичу, которое исследователи по справедливости выводят из «Слова о Законе и Благодати»³⁰:

«И чести тя обѣщника Господь на небесехъ сподоби благовѣрья твоего ради, еже имѣ в животѣ своемъ, добръ послухъ благовѣрью твоему, обителниче святая, церькви святая Богородица Марья, юже созда прадѣдъ твой на правовѣрнѣй основѣ, идеже и мужественное твое тѣло лежитъ, жда трубы архангеловы. Добръ зѣло послухъ брат твой Мьстилавъ, егоже сотвори Господь намѣстника по тобѣ твоему владычеству, не рушаща твоихъ уставъ, но утверждающа, ни умаляюща твоему благовѣрью положения, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща, иже нескончанаа твоя учиняюща, аки Соломонъ Давида, иже в домъ Божий великий и святыи его мудростью созда на святость

и очищение граду твоему, иже всякою красотою украси, златомъ и сребромъ и каменьемъ драгимъ, и сосуды честными, яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ сторонам, акаже ина не обрящется во всей полунощий земля от востока и до запада. И славный городъ твой Володимерь, величествомъ, акы вѣнчемъ, обложень! Преда люди твоя и городъ святѣй славнѣй и скорѣй на помощь христьяномъ святѣй Богородици. Да еже челование архангелово дасть Богородици, - будетъ и городу сему. Ко оной бо: "Радуися, обрадованная, Господь с тобою!"», к городу же «Радуися, благовѣрный городе, Господь с тобою... Востани от гроба твоего, о честная главо, востани, отряси сонъ, нѣси бо умерль, но спишь до обыдаго востания! Востани, нѣси бо вмерль! Нѣсть бо ти умерети, лѣпо вѣровавшу во Христа, всему миру живодавча. Отряси сонъ! Возведи очи, да видиши, какая ты чести Господь тамо сподобив постави. И на землѣ не бес памяти ты поставилъ братомъ твоимъ Мьстиславомъ. Востани, видь брата твоего, *красящаго* столь земля твоя и зрениа сладкаго лице его насыщаея»).

Сопоставим этот фрагмент со «Словом о Законе и Благодати»: «Добръ послухъ благовѣрию твоему, о блажениче, святаа церкви Святыя Богородица Мариа, юже създа на правовѣрнѣи основѣ, идеже и мужьственное твое тѣло нынѣ лежит, жида трубы архангельскы. Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твои Георгии, егоже сътвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству, не рушаща твоих уставъ, нѣ утвержающа, ни умаляюща твоему благовѣрию положенна, но паче прилагающа, не *казяща*, нѣ учиняюща. Иже недоконьчаная твоя наконьча, акы Соломонъ Давыдова, иже дом Божии великыи святии его Премудрости създа на святость и освящение граду твоему, юже съ всякою красотою украси: златомъ и сребромъ, и камениемъ драгимъ, и съсуды честными. Яже церкви дивна и славна всѣмъ окружнымъ странамъ, яко же ина не обрящется въ всемъ полунощии земнѣмъ ото вѣстока до запада.

И славный градъ твой Кыевъ величествомъ, яко вѣнчемъ, обложилъ, прѣдаль люди твоя и градъ святии, всеславнии, скорѣи на помощь христьяномъ Святѣи Богородици, ей же и церковь на Великихъ вратѣхъ създа въ имя первааго Господьскааго праздника — святааго Благовѣщення, да еже цѣлование архангелъ дасть Дѣвици, будетъ и граду сему. Къ оной бо: "Радуися, обрадованаа! Господь с тобою!", къ граду же: "Радуися, благовѣрныи граде! Господь с тобою! Вьстани, о честнаа главо, от гроба твоего! Вьстани, отряси сонъ! Нѣси бо умерль, нѣ спиши до обыщааго всѣмъ вьстания. Вьстани, нѣси умерль! Нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшу въ Христа, живота всему миру. Оттряси сонъ, възведи очи, да видиши, какая ты чьсти Господь тамо съподобивъ, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ

твоимъ. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего, виждь егоже Господь изведе от чресль твоихъ, виждь красящаго столь земли твоеи - и возрадуися и възвеселися!"»³².

Итак, типологически Владимир связывается с Киевом, Владимир Василькович – со святым равноапостольным Владимиром, а церковь Успения во Владимире – с Десятинной церковью. Следует вспомнить, что в «Слове о Законе и Благодати», согласно авторитетному мнению исследователей, Киев описывается одновременно как новый Константинополь и новый Иерусалим, а Десятинная церковь - как Новый Сион³³.

Следовательно, в ГВЛ Владимир Волынский опосредованно является Киевом, Константинополем и Иерусалимом. С одной стороны, храм Успения является Новым Сионом, с другой стороны, весь город – Новый Иерусалим и Новый Сион – удел Пресвятой Богородицы.

С известной осторожностью можно выделить концепт «стана святых и города возлюбленных», присутствующий в Галицко-Волынской летописи при описании Холма:

«Холмъ бо городъ сиче бысть созданъ Божиимъ веленьемъ. Данилови бо княжашу во Володимѣрѣ, созда градъ Угорескъ и постави во немъ пискупа. Яздящу же ему по полю и ловы дѣющу, и видѣ мѣсто красно и лѣсно на горѣ, обходящу округъ его полю. И вопроша тоземѣць: "Како именується мѣсто се?" Они же рекоша: "Холмъ ему имя есть". И возлюбивъ мѣсто то, и помысли, да сожижеть на немъ градець малъ. Обѣщася Богу и святому Ивану Златоусту, да створи во имя его церковь. И створи градѣць малъ. И видѣвъ же, яко Богъ помощникъ ему, и Иоанъ спѣшникъ ему есть, и созда град иный, егоже татарове не возмогоша прияти, егда Батый всю землю Рускую поима. Тогда и церковь святой Троицѣ зажьжена бысть, и паки создана бысть. Видивъ же се князь Данило, яко Богу поспѣвающу мѣсту тому, нача призывати приходаѣ нѣмцѣ и русь, иноязычники и ляхы. Идяху день и во день и уноты и мастерѣ всяци, бѣжаху ис татаръ сѣдѣлници, и лучници, и тулници, и кузницѣ желѣзу, и мѣди, и сребру. И бѣ жизнь, и наполниша дворы окрестъ града поле села»³⁴.

С одной стороны, посвящение Холма св. Иоанну Златоусту города говорит о Константинопольских смыслах. С другой стороны, имя Иоанн вызывает в памяти имя св. Иоанна Богослова – тайнозрителя последних судеб человечества. Ключевыми словами являются слова о том, что татары не смогли взять его, а в дальнейшем он становится прибежищем для христиан, бегущих от татар.

Не лишне упомянуть о смысловой параллели – битольской надписи царя Ивана Владислава: «В лѣто 6525 от створения мира обнови си съ градъ зидаемъ и делаем Иоанномъ самодръжцемъ бльгарским

и помощью и молитвами пресвятыя Владычица наша Богородица и двуднадесяти апостоль на убежище и спасение и жизнь болгаромъ»³⁵.

Собственно говоря, особого обновления Битоля не было: были обновлены лишь стены города. Поэтому значимо то, что обновление стен считается обновлением города и соответственно неким церковным празднеством (греч. *ἐγκαθάρσις*), сравнимым с обновлением храма. Соответственно, Битоль становится неким святым градом, обновляемым с помощью Пресвятой Богородицы и двенадцати апостолов. Отметим, упоминание о Пресвятой Богородице наводит на мысль об образе Битоля как Нового Сиона.

Учитывая то, что Битоль создается «на убежище и спасение», он становится своеобразным Новым Иерусалимом, «станом святых и городом возлюбленных». Значима и вряд ли случайна параллель между словами «на жизнь болгаромъ» в Битольской надписи и «жизнь бэ» в ГВЛ.

Возвращаясь к Холму, отметим, что также значимо создание и Троицкой церкви. Посвящение Троице в домонгольской Руси весьма редко: из известных случаев – только церковь св. Троицы во Пскове. Само посвящение Троице связано с Пятидесятницей, с сошествием Святаго Духа на апостолов и, следовательно, со Святым Сионом, с горницей, где и произошло «снтие огненных языков» Духа. Наконец, Холм создается «Божииим велением», что отчасти указывает на необычный характер его создания.

Возможно, что характер описания церкви св. Иоанна также отчасти структурируется Апокалипсисом: «Созда же церковь святаго Ивана, красну и лѣпу. Зданье же еѣ сиче бысть: комары 4, с каждо угла преводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ человекскихъ, изваяно отъ нѣкоого хытрѣца. Окъна 3 украшена стеклы римскими; входящи во олтарь стояста два столпа от цѣла камени и на нею комара и выспрь же, вѣрхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ»³⁶.

Характерно, что автор данного фрагмента ГВЛ начинает свое описание не с купола или фасада, а с четырех столпов «с головами человеческими», что наводит на аналогию с четырьмя животными Апокалипсиса, на которых пребывает престол Бога. Аналогия с описанием небесного торжества в Откровении закрепляется описанием верха церкви, украшенного златыми звездами, который символизирует небо.

Все эти данные указывают на образ Холма как на Новый Иерусалим, «стан святых и город возлюбленных».

Основание города в ГВЛ временами связано с мессианскими христологическими пророчествами. Характерен рассказ в ГВЛ об основании Каменца в 1276 г.:

«И посеми вложи Богъ во сердце мысль благу князю Володимерови, нача собѣ думати, абы кде за Берестьемъ поставити городъ. И взя книги пророческыя, да тако собѣ во сердци мысля рче: "Господи Боже сильный и всемогий, своимъ словомъ все созидаю и растрояю, што ми, Господи, проявишь, грѣшному рабу своему, и на томъ стану". Розъгнувъ же книги, и выняся ему пророчество Исаино: "Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя благовѣстити нищимъ, посла мя ицѣлити скрушенымъ сердцемъ, проповѣдати полоненикомъ отпущение и слѣпымъ прозрѣние, призывать лѣто Господне приятно и день воздания Богу нашему, утѣшити вся плачущаяся, дати плачущимся Сивоону славу, за попель помазание... веселье, украшение за духъ уныния, и нарекутся роди правды, насаждение Господне со славу, и созиждутъ пустыня вѣчная запустѣвшая преже, воздвигнути города пусты, запустѣвшая от рода". Князь же Володимѣръ от сего пророчества уразумѣ милость Божию до себе, и нача искати мѣста подобна, абы кдѣ поставити городъ. Си же земля опустѣла, по 80 лѣт по Романѣ. Нынѣ же Богъ воздвигну ю милостью своею. Князь же самъ ѣха с бояры и слугами, и улюби мѣсто то надъ берегомъ рѣкы Лысны. И отреби е, и потомъ сруби на немъ городъ, и нарче имя ему Каменѣць, зане бысть земля камена»³⁷.

Это пророчество Исаии (Ис. 61, 1-4) на паримиях в Великую Субботу, в предпразднество Пасхи. Оно также цитируется в Евангелии от Луки (4, 17-19), которое читается в Новолетие, на церковный Новый год (1 сентября). Литургический контекст дает нам дополнительные смыслы, так на паримиях Великой Субботы читается и другой фрагмент из Исаии, непосредственно связанный с темой Нового Иерусалима: «Светися, светися, Иерусалиме, прииде бо светъ твой». Тема же Новолетия в византийском литургическом сознании была связана не только с благословением настоящего времени, но и эсхатологическим будущим. Соответственно, рассказ об обновлении некогда запустелого места и построении града связан в конечном счете с концептами нового неба и новой земли, а также Нового Иерусалима.

Подведем итоги.

1. Понятие Русская земля в Галицко-Волынской летописи является хоронимом, обозначающим Киевщину, Киевскую землю.

2. Этот хороним может в ряде контекстов относиться также к Галицкой и Волынской земле, а также и к другим русским княжествам, например, к Козельскому.

3. Понятие «русский» является этнонимом. «Русский» в ряде позиций противопоставляется ляхам, половцам, уграм и т.д.

4. Понятие «Русь, русский» является политонимом и культуронимом, обозначающим все пространство древней домонгольской Руси.

5. В связи с тем, что князь Роман Мстиславович именуется царем, можно утверждать, что Русь мыслится как некое царство и как царство священное, коль скоро измена Даниилу Романовичу рассматривается как безбожное деяние, подобное каинову или иудину греху.

6. В ГВЛ встречается прямая аналогия между Русью (точнее, Галицко-Волынской землей) и Израилем. Следовательно, Русь является святой землей, и ее судьбы во многом сравнимы с путем древнего Израиля, соответствуя концептам Божественного водительства, а также народного преступления и Божественного наказания. Один из примеров – сопоставление короля Белы с Синахерибом и фараоном.

7. В похвале Владимиру Васильковичу, а также рассказах о построении Холма и Каменца ощущается влияние концепта Святого Града – Нового Иерусалима.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полную библиографию см.: Галицко-Волынская летопись. СПб., 2005. С. 412-421 (далее ГВЛ, страница, затем в скобках – номер столбца по Ипатьевской летописи).

2. См., в частности: *Седов В.В.* Древнерусская народность // *Седов В.В.* Славяне. С. 576-580. М., 2005

3. Полную библиографию см. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. 1. Л., 1989. С. 251.

4. Там же. С. 240.

5. ГВЛ С. 89 (Кол. 640).

6. ГВЛ С. 100 (Кол. 660).

7. ГВЛ. С. 103 (Кол. 664).

8. ГВЛ. С. 108 (Кол. 673).

9. ГВЛ. С. 107 (Кол. 671).

10. ГВЛ. С. 78 (Кол. 622).

11. ГВЛ. С. 109 (Кол. 674). См. также: «Иде изо Угорь во Ляхы на Бардувь и приде во Судомирь. Слыша о брат? си и о дѣтх и о княгини своей, яко вышли суть из Руское землѣ в Ляхы предъ безбожными татары, и потосьнуса визискати ихъ, и обрѣте ихъ на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ, и возрадовашася о совокупленьи своемъ, и жалишася о побѣдѣ землѣ Руское и о взятъи град от иноплемьникъ множества». Там же. С. 110. Кол. 675.

12. ГВЛ. С. 89. (Кол. 640).

13. ГВЛ. С. 78. (Кол. 622).

14. ГВЛ. С. 82. (Кол. 629).

15. Под культуронимом автор имеет в виду термин, определяющий религиозную, этническую и культурную идентичность одновременно, например: кряшен, в отличие от татарина, босняк в отличие от серба и т.д.

16. ГВЛ. С. 90. (Кол. 643).

17. ГВЛ. С. 78. (Кол. 622).
18. См.: *Майоров А.В.* Ангел из Галича // Византийский временник (в печати). Версию о византийском происхождении супруги Романа Мстиславовича разделял ряд других ученых – Майлат, Баумгартен, Граля. См. ГВЛ. С. 185-186.
19. ГВЛ. С. 119 (Кол. 689).
20. Термин «царь» в ГВЛ постоянно употребляется только применительно к императору Священной Римской Империи. Единственный раз – по отношению к Великому хану (Менгу). О титуле см., в частности: *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. М, 1996.
21. ГВЛ. С. 119 (Кол. 689).
22. ГВЛ. С. 98-99. (Кол. 656).
23. ГВЛ. С. 92.
24. Интересно, что бунтовщик именуется Каином за шесть веков до возникновения революционной «каиической» традиции – до Байрона, Бодлера и Эжена Потье.
25. ГВЛ. С. 98. (Кол. 655-656).
26. Указание на помощь архангела Михаила также связано с темой Израиля: архангел Михаил встречает Иисуса Навина перед входом в Землю обетованную (Ис. Нав. 5, 13-15). Кроме того, согласно преданию, ангелом Господним, поразившим войско царя Синахериба, был именно Михаил. Наконец, потопление войска Белы силою архангела Михаила является своеобразной инверсией чуда архистратига Михаила в Хонех, где тот предотвратил потопление христианского храма. Отметим, что архангел Михаил является покровителем князя Даниила, как гласит известие за 6758 (1249) г., именно ему молится князь перед поездкой в Орду, «чужа беду страшну и грозну». См. ГВЛ. С. 118. (Кол. 688).
27. ГВЛ. С. 90-91 (Кол. 643).
28. Там же.
29. Вероятно, Даниил мог узнать об этом во время поездки в Орду. См. *Пащито В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 355.
30. См., в частности: *Насонов А.Н.* История русского летописания. М., 1969. С. 236-242.
31. ГВЛ. С. 168-169. (Кол. 772-773).
32. См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. М., 2005. С. 255.
33. Одно из последних исследований с исчерпывающей библиографией см.: *Акентьев К.К.* Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Иллариона в византийской литургической традиции // Византинороссика. Т. 1. Литургия. Архитектура и искусство византийского мира. СПб., 1995. С. 74-95.
34. ГВЛ. С. 134. (Кол. 715).
35. См.: *Йордан Заимов.* Битолска надпис на Иван Владислав самодържец български. София, 1970. С. 33.
36. ГВЛ. С. 134-135. (Кол. 716).
37. ГВЛ. С. 148. (Кол. 738).

Максим ЖИХ

ЛЕТОПИСНАЯ СТАТЬЯ 6714 г. ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И ВОПРОС О ВОЗНИКНОВЕНИИ ГАЛИЧА

Древнерусский город Галич, центр Галицкой земли, относительно поздно появляется на страницах летописей. Впервые он упоминается в Ипатьевской летописи под 6649 (1141) г. в рассказе о смерти Ивана Васильковича и вокняжении в Галиче Владимирка Володаревича¹. Однако из этого летописного сообщения совершенно понятно, что город этот существовал и ранее, так как речь там идёт о начале правления в нём князя, а, как известно, возникновение в том или ином городе княжеского «стола» означало не только то, что он был к тому времени довольно крупным центром, но и то, что вокруг него сформировалась собственная *волость* – территориально-политическая структура, построенная на основе иерархии общин и состоящая из общины главного города, общин подчинённых ему «младших» городов (*пригородов*) и сельских общин, типологически сходная с античным полисом, «город-государство», как называют её современные учёные².

Имеются и более ранние известия о Галиче в письменных источниках (например, в Киево-Печерском патерике³), однако они иногда вызывают сомнения в своей достоверности⁴.

Каково же время возникновения Галича и каковы его причины? Как и почему произошло возвышение этого города, превратившее его в один из крупнейших политических центров Юго-Западной Руси? На эти вопросы в современной науке нет однозначного ответа⁵.

Представляется, что пролить свет на вышеназванные вопросы способно уникальное известие Ипатьевской летописи, помещённое в ней под 6714 (1206) г. и сообщающее о том, что «Приведоша же галичане Мьстислава (*Мстислав Ярославич Немой – князь пересопницкий, при помощи которого галицкая община хотела избавиться от венгерской оккупации – М.Ж.*) на Бенедикта (*венгерский палатин, правивший в то время в Галиче – М.Ж.*), и прииде к Галичю; и не оуспевшу емоу ничто же, Щепанович Илия (*галицкий боярин – М.Ж.*) возведе и на Галициноу могилоу, ослабився, рече емоу: "Княже! оуже еси на Галицине могыле поседель, тако и в Галиче княжилъ еси"; смеяхоу бо ся емоу, воротися в Пересопницю. И по сём скажемь о Галицине могиле и о начатъи Галича, откоудоу ся почаль»⁶. К сожалению, последнего

обещания летописец не выполнил, но и того, что он сообщает, достаточно, чтобы заключить, что в окрестностях Галича существовала некая «Галичина могила», связанная в представлении летописца и его современников каким-то образом с возникновением этого города. При этом Я. Пастернак справедливо отмечал, комментируя приведённый летописный пассаж, что эта «Галичина могила» была некогда местом «интронизации первых галицких князей задолго до Владимирка (*Владимирка Володаревича – первого достоверно известного нам галицкого князя, о чём говорилось выше – М.Ж.*)»⁷. Именно это проступает в словах боярина Ильи Щепановича, обращённых к князю Мстиславу, в которых «сидение» на могиле соотносится с княжением в городе, правда, не в прямом значении, а «с ярко выраженным ироническим оттенком»⁸, что, по-видимому, объясняется пренебрежительным отношением галичан к второстепенному пересопнищкому князю⁹. Когда обычай интронизации галицких князей, связанный с этой могилой, «был изжит или, возможно, запрещён церковью, могила оставалась историческим местом»¹⁰.

Из приведённого летописного сообщения очевидно, что в древней Руси «Галичина могила» приписывалась некоему князю-эпониму – легендарному основателю города Галича. Поэтому в языческие времена именно на ней, по всей видимости, происходила интронизация галицких князей¹¹. Именно так и понимало этот летописный пассаж большинство историков. Так, например, М.С. Грушевский полагал, что «это должна была быть могила какого-то (или какой-то) Галицы – основателя-эпонима города, от которого он будто бы назывался, как Киев от Кия, а отсюда явствует, что начало Галича переносилось в какое-то далёкое время»¹². М.Н. Тихомиров отмечал, что «в первой половине XIII в. ещё существовало предание о Галиче, начало которого связывалось с соседней "Галичиной могилой" – каким-то высоким курганом. Название "Галичина могила" указывает на некоего Галича, основателя города, жившего ещё в языческие времена, судя по характеру его погребения в виде насыпной могилы»¹³. Соглашается с этими учёными ныне А.В. Майоров¹⁴.

Таким образом, можно довольно уверенно утверждать, что в древней Руси существовало предание о князе Галиче – основателе города Галича, аналогичное легенде о Кие – основателе Киева¹⁵ и князе Черном – основателе Чернигова¹⁶ и т.д. Аналогичные легенды о древних князьях-основателях, весьма вероятно, существовали и в других древнерусских городах, по крайней мере, в тех из них, названия которых имеют форму притяжательного прилагательного, но следов их в известных нам письменных памятниках, к сожалению, не сохранилось¹⁷. Аналогичные легенды существовали во всём славянском мире:

вспомним Крака – легендарного основателя Кракова, Сальверегина – Сандомира и т.д. Имеют ли эти легенды или, по крайней мере, некоторые из них реальную историческую основу? Вопрос этот крайне труден. С одной стороны, нам известны многочисленные случаи основания городов в древней Руси князьями¹⁸, и ничто не говорит о том, что аналогичного явления не могло быть в предшествующую – «докиевскую» – эпоху. В эпоху существования самостоятельных восточнославянских этнополитических объединений – *славиний*¹⁹ типа летописных древлян, кривичей, тиверцев и т.д. их князья также вполне могли создавать города. С другой стороны, многочисленные случаи основания князьями городов в «историческое» время могли приводить к сохранению (или даже возникновению) представления об аналогичном процессе во времена «доисторические».

Характеризуя одну из особенностей мышления древних и средневековых людей, Н.П. Павлов-Сильванский отмечал, что «народные предания, сохранённые летописями, обыкновенно связывают древние учреждения с именами государей или правителей-реформаторов. Они не могут представить себе возникновение учреждения иначе как в виде создания его волей законодателя. Как солнце, луна, звёзды и земля созданы были богом из ничего в семь дней творения, так точно и каждое учреждение должно иметь своего творца-законодателя, создавшего его из ничего в тот или другой год творения»²⁰. Вполне логично, что точно так же средневековое мышление персонифицировало и процесс возникновения городов, связанный, как известно современной науке, с определёнными сдвигами в социально-политическом развитии общества. Когда же появляются первые восточнославянские города, и каковы их общественные функции на раннем этапе?

На наш взгляд, правы те учёные, которые говорят о возникновении первых городов – в историко-социологическом смысле этого понятия – в восточнославянском мире в VIII-X вв., в период сложения значительных восточнославянских этнополитических объединений (поляне, словене, дреговичи и т. д.), жизнь которых была невозможной без наличия организующих политико-административных центров. Именно эти центры и явились первичными восточнославянскими городами. Их основными функциями на раннем этапе были военно-политические, административные и культовые²¹. Важно, что все социальные институты общества находились в единстве – там, где был князь, собиралось и вече, там располагался сакральный центр, туда стекалась дань и накапливался, следовательно, прибавочный продукт²². Разумеется, в каждой *славинии* был не один, а несколько подобных центров, между которыми существовала, по всей видимости, определённая иерархия²³.

Одним из таких этнополитических объединений восточных славян накануне их объединения под властью Киева были жившие в Прикарпатье и Верхнем Поднестровье хорваты²⁴. И есть основания утверждать, что Галич был одним из их политико-административных центров. Сам город берёт начало от славянского поселения, существовавшего ещё в VIII или, возможно, даже в VII в.²⁵ Однако современная наука определяет время превращения того или иного поселения в город созданием в нём укреплений²⁶. Когда же таковые появляются в Галиче? Н.Ф. Котляр, опираясь на устаревшие археологические данные, говорил о конце XI - начале XII в.²⁷, стремясь тем самым привязать начало Галича к первому летописному упоминанию о нём. Теперь мы знаем, что этот вывод неверен и первые укрепления в Галиче на так называемом Крылосском городище были возведены в середине X в.²⁸ В это же время ряд подобных центров возникает по всей территории будущей Галицкой земли²⁹, что было, видимо, связано с каким-то скачком в её социально-политическом развитии. По всей видимости, тут следует говорить об образовании новых этнополитических объединений прикарпатских славян и складывании их центров, одним из которых и был Галич³⁰.

В этой связи особый интерес вызывают недавно проведённые раскопки «Галичиной могилы» – одиноко стоящего кургана в урочище Качкив в южной части Крылосского городища. Собственно, могила эта исследовалась археологами с конца XIX в., но раскопки, проводившиеся в 1883, 1911 и 1934 гг. не дали результатов. Лишь в 1991-1992 гг. экспедиция В.Д. Барана и Б. П. Томенчука обнаружила в центральной части кургана на глубине около 2 м следы древнего погребения с остатками деревянного челна и снаряжением знатного воина³¹. Правда, следов человеческого захоронения и на этот раз обнаружено не было, что говорит о том, что могила могла представлять собой кенотаф или же урна с человеческими останками пострадала в годы Первой мировой войны, когда в этих местах, в том числе и на интересующем нас кургане, создавались блиндажи, существенно повредившие его древнюю насыпь³². Нельзя, однако, исключать и того, что необходимы ещё дополнительные археологические исследования «Галичиной могилы».

Исследователи сделали вывод, согласно которому «захоронение в челне и сооружение такого большого кургана диаметром 26 м в наивысшей точке древнего Галича, а также его название (*в форме притяжательного прилагательного – М.Ж.*) и упоминание в летописи указывают на то, что он мог быть сооружён в честь князя – основателя города»³³. Это тем более логично, что по времени обнаруженное в «Галичиной могиле» захоронение относится примерно к середине

X в., что поразительно точно совпадает со временем постройки первых городских укреплений Галича.

Таким образом, подытоживая сказанное, можно заключить, что в Древней Руси в ряду легенд о князьях – легендарных основателях городов существовала и легенда о князе Галиче – основателе города Галича, которого есть некоторые основания считать реальным историческим лицом, князем одной из группировок прикарпатских славян. Это подтверждается совпадением приписываемого ему погребения со временем возведения первых укреплений вокруг Галича. Первоначально (до покорения этих земель Киевом в конце X в.) Галич выполнял функцию одного из политико-административных и, вероятно, культовых³⁴ центров прикарпатских славян, а само его основание связано, по всей видимости, с возникновением какого-то их этнополитического объединения³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 2001. Стб. 308.
2. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.
3. Абрамович Д.І. Киево-Печерский патерик. Київ, 1991. С. 151-152.
4. Грушевський М.С. Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 465. Прим. 4.
5. Обзор новейшей историографии см.: Майоров А.В. Проблема основания Галича в современной историографии // Україна в Центріально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 3. Київ, 2003.
6. Ипатьевская летопись. Стб. 722. См. также: Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / Сост. Н. Ф. Котляр, В. Ю. Франчук, А.Г. Плахонин; Под ред. Н. Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 80.
7. Пастернак Я. Старий Галич. Краків; Львів, 1944. С. 51.
8. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 385.
9. Там же.
10. Пастернак Я. Старий Галич. С. 52.
11. Там же. С. 51-52.
12. Грушевський М.С. Історія України – Руси. Т. II. С. 466.
13. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 329.
14. Майоров А.В. 1) Галицко-Волынская Русь... С. 181-182; 2) О времени и обстоятельствах основания Галича: историография спорных и нерешённых проблем // До джерел. Збірник наукових праць на пошану О. Купчинського з нагоди його 70-річчя. Т. I. Київ; Львів, 2004. С. 688-711.

15. Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / Под реакцией В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. / Подготовка издания и дополнения М.Б. Свердлова. СПб., 2007. С. 9-10. Об исторических реалиях в легенде о Кие см.: *Сахаров А.Н.* Кий: легенды и реальность // Вопросы истории. 1975. № 10; *Рыбаков Б.А.* 1) Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 22-36; 2) Город Кия. Вопросы истории. 1980. № 5; 3) Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М., 1982. С. 90-107.

16. О ней см. в новейшем исследовании: *Щавелев А.С., Щавелев С.П.* Черная могила // Вопросы истории. 2001. № 2.

17. Одну из таких легенд попытался реконструировать В.В. Седов, предположивший связь названия Изборска – важного центра кривичей с именем легендарного древнеславянского князя Избора, который, по мнению В.В. Седова, был славянским эпическим героем, приведшим изборских кривичей на новое место их обитания и основавший там их новую столицу – Изборск (*Седов В.В.* 1) Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 246; 2) Изборск в раннем средневековье. М., 2007. С. 17-18).

18. Вспомним Ярославль, Владимир-Волынский, Владимир в Ростово-Суздальской земле, Изяславль и т.д. Вообще, по летописям прослеживается, что градостроительство – одна из основных функций древнерусских князей. Князь обязательно должен «ставить грады» (ср.: сообщение «Повести временных лет» о строительстве «градов» уже князем Олегом. ПВЛ. С. 14).

19. О правомерности применения этого наименования к восточнославянским этнополитическим объединениям типа древлян, вятичей, радимичей и т. д. см.: *Горский А.А.* Русь: от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 9-19.

20. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 218-219.

21. *Мавродин В.В., Фроянов И.Я.* Фридрих Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского государственного университета. 1970. № 20; *Фроянов И.Я.* 1) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории // *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 694-702; 2) Мятёжный Новгород. очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. С. 23-74; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства... С. 22-40; *Фроянов И.Я., Михайлова И.Б.* Город или протогород (Об одной надуманной исторической категории) // Раннесредневековые древности Северной Руси и её соседий. СПб., 1999. См. также: *Жих М.И.* Проблема происхождения древнерусских городов в работах И.Я. Фроянова в контексте отечественной историографии // Изменяющаяся Россия в контексте глобализации: материалы студенческо-аспирантского конгресса. 19-23 марта 2007 г. СПб. / Отв. ред. А.В. Петров; Сост. А.В. Воронович, Д.А. Завьялов, А.Ю. Круглов, Д.Е. Фадеев. СПб., 2007.

22. Эту функцию начальных восточнославянских городов особо подчёркивал А.В. Куза, по мнению которого, первоначальный древнерусский город – это, прежде всего, населённый пункт, в котором с обширной сельской

округи-волости концентрувалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведённого там прибавочного продукта: Куза А.В. 1) Социально-историческая типология древнерусских городов X-XIII вв. // Русский город (исследования и материалы). Вып. 6. М., 1983; 2) Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X-XIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 179. 1984; 3) Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 142-162.

23. Ср. со словами Новгородской первой летописи о множестве «градов» у словен и их союзников (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950 (репринт – Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. С. 106) и «Повести временных лет» – у древлян (ПВЛ. С. 28).

24. В это время, однако, в регион стали проникать также уличи и тиверцы, отступавшие на север из-за натиска печенегов (Седов В.В. Восточные славяне... С. 128).

25. Ауліх В.В. 3 історії долітописного Галича // Дослідження з слов'яноноруської археології. Київ, 1976.

26. Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б.А. Колчин. М., 1985. С. 39-104; Тимошук Б.А. Восточные славяне: от общины к городам. М., 1995; Куза А.В. Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников. М., 1996.

27. Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов в Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. С. 75, 114.

28. Баран В.Д., Томенчук Б.П. Підсумки досліджень Галицької археологічної експедиції в 1991-1996 рр. // Галич і Галицька земля. Збірник наукових праць / Ред. колегія: П.П. Толочко, В.Д. Баран (та ін.). Київ; Галич, 1998. С. 14-15.

29. Корчинський О. Про один тип городищ IX – початку XI ст. у Верхньому Подністров'ї // Населення Прутьсько-Дністровського межиріччя та суміжних територій. Тези Міжнарод. іст.-арх. семінару. Чернівці, 1994. С. 26-27.

30. Майоров А.В. О времени и обстоятельствах...

31. Баран В.Д., Томенчук Б.П. 1) Галичина могила // Галицко-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Тези доповідей і повідомлень. Галич, 19-21 серпня 1993 р.; 2) Підсумки досліджень... С. 11-14.

32. Там же.

33. Там же. С. 13.

34. Об этом свидетельствует почитание «Галичиной могилы», память о котором отражена в приведённом выше летописном рассказе.

35. Майоров А.В. О времени и обстоятельствах...

Василь КОЦАН

НАРОДНЕ БУДІВНИЦТВО ТА ПОБУТ РУМУН ЗАКАРПАТТЯ КІНЦЯ XIX – ПЕРШОЇ ЧВЕРТІ XX ст. (на прикладі експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту)

В Україні скансени як найбільш дійову форму комплексного показу творів народної архітектури, предметів побуту і знарядь праці в природному оточенні почали створювати ще з середини 60-х рр. XX ст. Так, найперше музей під відкритим небом було відкрито у 1964 р. в Переяславі-Хмельницькому, згодом у 1970 р. – в Ужгороді, у 1971 р. – у Львові, у 1976 р. – у Києві, ще пізніше – у Чернівцях [1, С. 304].

Під музей в Ужгороді було відведено один з наймальовничіших куточків Ужгорода – південний схил Замкової гори. Навіть не віриться, що музей розташований зовсім недалеко від центру міста, де вирує життя і всі кудись поспішають. Адже тут, в природному середовищі, серед плодкових і декоративних дерев ніби зупинилось минуле Закарпаття. Біля підніжжя середньовічного замку «поселилися» старовинні селянські житла і господарські будівлі, сільська кузня і водяний млин, колодязь-журавель і оборіг для сіна, церква, корчма і школа, які крізь глибину віків розповідають нам про життя, побут, матеріальну і духовну культуру населення краю з XVIII до 30-х рр. XX ст.

Поряд із зразками народного будівництва та побуту українського населення Закарпаття в музеї представлені садиби найбільш чисельних національних меншин – румун та угорців. На прикладі експозиції хати з с. Середнє Водяне ми спробуємо охарактеризувати народне будівництво та побут румунського населення краю. Але для початку дамо етнічну характеристику румун.

Румуни – самоназва «роминь». Найдавніші румунські села в Україні були засновані у XIII ст. вихідцями з Північно-Західної Валахії та Південної Трансильванії. В Закарпатті ж романомовне населення відоме з документів XIV ст. під назвою волохів, а з XIX ст. – румунів.

Зараз румуни Закарпаття проживають у 9 селах Тячівського району: Солотвино, Діброва, Глибокий, Потік, Топчино, Подішор, Бескеу, Корбунешть, Малий Боуц та 4-х селах Рахівського району – Біла Церква, Середнє Водяне, Плауц, Добрик [2, С. 32; 3, С. 10-11].

У 1975 р. 99,2 % румунів проживало в одноетнічних селах. Статистичні дані засвідчують поступове кількісне зростання румун у межах нинішнього Закарпаття. Якщо у 1921 р. їх нараховувалось всього 11 867 чол., то в 1930 р. їх кількість складала 12 777, у 1959 р. – 18 346, 1970 р. – 23454, 1979 р. – 27 155, а в 1989 р. – вже 29 845 [4, С. 70]. Кількісне зростання румунів мало виключно природний характер. Припливу романомовного населення, за винятком поодиноких випадків прибуття спеціалістів з Молдавії і Буковини, сюди не спостерігається. Про це, зокрема, свідчать статистичні дані з етнічного румунського села Середнього Водяного. В 1948 р. в селі проживало всього 600 жителів, а в 1989 р. в селі вже налічувалося 6 163 мешканців. За 40 років чисельність мешканців села зросла в 10 раз [5, С. 130].

Тривалі контакти румунів з українцями спричинили появу в них ряду спільних рис в дерев'яній народній архітектурі, окремих компонентах одягу, відгінному тваринництві, окремих стравах народної кухні. Водночас румунське населення зберігає специфічні риси культури, які проявляються в окремих деталях одягу, декоруванні ліжників, звичаях тощо.

Одним із головних елементів матеріальної культури, що найбільш яскраво характеризує побут народу є житло. В ньому знайшли своє відображення побутові традиції та естетичний смак народу. Хоч у будівництві житла багато спільних рис (зрубно-кроквяна конструкція, внутрішнє планування), у кожного народу створились свої індивідуальні особливості. Кожна хата має своє обличчя в плануванні, обробці стін, їх декоративному оформленні.

Народне будівництво і побут румун, як було зазначено вище, представлено **хатою з села Середнє Водяне Рахівського району**. Середнє Водяне (до 1948 р. – Середня Апша) – село, центр сільської Ради. Розташоване за 46 км від районного центру. В історичних документах Середнє Водяне вперше згадується у кінці XIV ст. Першими поселенцями були вівчарі-втікачі. Вже в ті часи мешканці села мушили здавати за наказом цареградського патріарха частину врожаю і худоби на користь монастиря. За переказами жителі села брали участь у національно-визвольній війні 1703 – 1711 рр. З тих часів у селі зберігався прапор, під яким селяни С. Водяного брали участь у війську Ференца II Ракоці. Цю бойову реліквію забрали угорсько-фашистські окупанти. Мешканці села брали участь у загонах ватажків-опришків Григора Пинті та Лайоша Кошута [6, С. 529].

В селі збереглись дві старовинні архітектурні пам'ятки – церкви початку XVII ст. Обидва храми однакові за стилем забудови і присвячені одному й тому ж святому – Миколаю. Одна церква називається Мико-

лай Верхній, а інша – Миколай Нижній. Очевидно, вони побудовані однією артїлєю в середині XVII ст. Однак, у другу забудову, Миколи Нижнього, майстри внесли деякі зміни. В церкві св. Миколи Верхнього зберігся іконостас XVIII ст. і частина настінних розписів. Живопис тут декоративний за простонародним стилем. Храми у Середньому Водяному зберегли багато рис суворої архітектури оборонного типу ще XIII – XIV ст. В них нема ніяких прикрас на зрубї на дверях. Вікна маленькі і скоріше схожі на «бойниці». Над бабинцем піднімається висока вежа з відкритою галереєю і пірамідальним завершенням. Широке опасання створює глибоку тїнь і ніби затискає до низу основний зруб. Через це крутосхилий дах здається ще більшим. Все це надає храмам в Середньому Водяному суворого, мужнього вигляду, що об'єднує їх із оборонним романським зодчеством. Їх силуети на фонї оточуючого пейзажу, невисоких пагорбів уявляються витесаними із сірого карпатського гранїту (див. фото 1) [7, С. 157].

Хата з с. Середнє Водяне являє собою типове житло селянина середнього достатку кінця XIX – першої половини XX ст. (див. фото 2). Побудована вона у **1928 р.** (в музей перевезена у **1969 р.**), хоча двері, вікна змінили свій первісний вигляд пізніше. У 30-х рр. відбувся процес внутрішньої перебудови камер, зокрема із зміною їх функціонального призначення: піч з кімнати винесена в сїни, які суміщають уже і функції кухні, комора перетворена у друге житлове приміщення, а в обох кімнатах встановлені муровані з цегли невеликі печі, верхню частину яких становить плита для приготування їжі.

Перш ніж потрапити в двір румунської хати, проходять через монументальний в'їзд, який складається з двох частин: дощатої хвіртки для проходу і широких дощатих воріт для возів. Система побудови воріт наступна. На відповідній відстані, розрахованій на ворота та хвіртку, в землю вбито три масивні, тесані бруси (діаметром

20 - 25 см). Над землею вони виступають 1 м. До даних опорних стовпів кріпляться більш масивніші стовпи, які є основою самих воріт і сягають у довжині до 2,5 - 3 м. На стовпи встановлюється дашок. Його

основу становлять щільно набиті дошки й двосхила каркасна конструкція, покрита дранкою. Дашок і профільні стовпи у верхній частині закріплені квадратними брусами, які декоровані прорізними фігурками у вигляді квіточок. Профілюючі стовпи, у нижній частині оздоблені різьбою. Орнаментальна композиція складається з дрібних ламаних ліній у поєднанні з вирізьбленими кружечками, що утворює своєрідний візерунок, надає воротам пишності.

Конструктивні особливості самих воріт чітко прослідковується із внутрішньої сторони (з двору). Ворота складаються з двох частин. Каркас кожної з них утворений з двох горизонтальних брусів (верхнього і нижнього), з'єднаних брусом, поставленим по діагоналі. На даний каркас набиваються дошки шириною 30-50 см, товщиною 2 см. Дошки набиваються у наростаючому порядку, тобто кожна наступна вища за попередню. У результаті цього при поєднанні обох частин воріт утворюється форма напівкола. Зі сторони двору обидві частини

воріт закриваються за допомогою довгого дерев'яного бруса, закріпленого у металеві скоби на профільних стовпах. Самі ж ворота прикріплені до стовпів за допомогою великих металевих скоб у верхній і нижній частині, а також металевого тросу закріпленого на скоби [8].

Отже, як бачимо, при забудові подібних масивних воріт основну увагу звертає на себе декоративне оздоблення стовпів. В більшості випадків на Закарпатті прикрашалась нижня частина стовпів. Характерний візерунок великої рельєфної

рїзьби, підкреслений відповідною тїнню, по сутї є основним мотивом архїтектурно-художнього вирїшення входу до садиби. Інодї рїзьба такого типу гармонїйно поєднується з прорїзною рїзьбою [9, С. 286].

Подїбнї типи ворїт та прийоми їх декорування широко застосовувались на Закарпаттї, навїть у 60-х рр. ХХ ст. й були яскравою окрасою вулиць (див. фото 3).

Народне дерев'яне будївництво села – жилї будинки, господарські споруди, пам'ятки монументальної архїтектури - являють собою частину величезної зони розповсюдження дерев'яного будївництва. При всїй своєрїдностї та самобутностї народна форма дерев'яного зодчества румунського населення краю розвивалось в тїсному зв'язку з схїднослов'янською, а особливо з українською народною дерев'яною архїтектурою, а отже має з нею багато спїльних рис (в архїтектурних формах, прототї, рїзноманїтностї та дотепностї багатьох народних будївельних прийомів).

У формуванні селянських садиб Середнього Водяного яскраво виступає традицїя розмїщення жилих будинкїв на передньому планї щодо вулицї, орієнтацїя хат причїлковими стїнами на пївдень. Їх планування було тїсно пов'язане з родом занять селян та їх виробничою дїяльностю [10, С. 25; 11, С. 41-42].

У будївництві житла використовували дерево та камїнь. Дуб обтїсували з чотирьох сторїн. Робили це для того, щоб досягти однакової товщини бруса на обох кїнцях, щоб стїни були гладкими. Пїдвалини ставили на пїдмурївку. Це викликано необхідностю вирївняти зруб в горизонтальній площинї, а також задля охорони зрубу вїд вологостї. В останнїй вїнець зрубу вставляли сволоки. На поздовжнїй сволок («геренду», «мештерницю») покладенї поперечнї сволоки, покритї дошками. Довгї зовнїшнї виступи сволокїв дозволяють робити великий винос даху.

Тип такої гостроверхої покрївлї характерний для передгїрських та гїрських районїв. Дах чотирисхилий, покритий дранкою. Дранка («драниця», «дошки») – це вїдщеплена вїд колоди дощечка довжиною 0,8 - 1,2 м, шириною – 15 - 20 см, товщиною – 1 - 1,5 см. Виго-товляли дранку в основному їз хвойних порїд дерева. Крили дах у два ряди, укладаючи дранку щїльно одна до одної у такий спосїб, щоб кожний наступний ряд перекривав стики попереднього. Це надїйно захищало житло вїд замокання [12, С. 146].

Вздовж фасадної стїни тягнеться напїввїдкрита галерея зї стовпцями, мїж якими наявнї дугоподїбнї рїзьбленї вставки, що надають галереї вигляду аркади. В нижнїй частинї галерею закривають дошки, прикрашенї прорїзною рїзьбою у виглядї тюльпанїв. Вхїд у галерею знаходиться навпроти вхїдних дверей у житло. Галереї були

не лише одним із прийомів самобутнього архітектурно-художнього оздоблення житла, а й мали відповідне функціональне призначення. Вони використовувались для тимчасового збереження і сушіння овочів, лікарських трав, виконання господарських робіт, а влітку тут відпочивали і навіть приймали гостей. Поступово галереї трансформувались у веранди. Цей процес розпочався у 20-ті рр. ХХ ст. із збільшенням ширини галереї і застосуванням раніше завжди відкритого простору між дахом і парапетом. Далі внаслідок функціональної сегментації на місці застосування галереї виникають додаткові підсобні приміщення, в тому числі і веранда [12, С. 152].

Зсередини хата обмазана глиною і побілена. Вона являє собою варіант тридільного житла: хата – сіни – хата. Вхід по центру головного фасаду в сіни, а звідти у жилі приміщення. Обидві кімнати служили для збереження різного роду майна (див. фото 4).

Сіни є зв'язуючою ланкою жилих приміщень. В даному випадку вони виконували функцію кухні. Навпроти вхідних дверей, у лівому кутку, розмістилась вариста піч. Цим пояснюється потреба господарки тримати під рукою хатній посуд в якнайкращому асортименті. Водночас сіни були найкоротшим шляхом зв'язку з господарським двором. При потребі, накинувши безрукавку («реклик»), брали до рук дійницю чи відро, які стояли на лаві поруч і завжди були наготові до послуг господарям у виконанні щоденних побутових потреб. Побутові речі нагадують про традиційне заняття румун – вівчарство. Тут, в сінях, бачимо посуд для приготування і зберігання овечого сиру, молока, особисті речі вівчаря. Для перевезення дрібних вантажів використовували тайстри («бисаги»), тканина для яких завжди була клітчатою. Вершник прилаштовував бисаги на коні, позаду себе.

Поступові етапи розвитку печі від курної до відокремленої з виведенням димоходу на горище та відкритою плитою – все це зумовило переобладнання хати, що дало поштовх до зміни в інтер'єрі житла. Праворуч від сіней знаходиться жила кімната. Селянин завжди виходив з принципу раціонального та найбільш повного, зручного викори-

стання внутрішнього простору хати. Двері відкриваються в сторону сіней, при цьому найбільш цінна жила площа економиться за рахунок підсобного приміщення.

Кожен предмет був по-своєму життєво необхідним. А саме призначення предметів зумовило їх форму, розміри та місцезнаходження. Інтер'єр житла – це завершений архітектурний організм, де все було взаємозв'язано. Жила кімната служила спальнею, кухнею, для виконання різного роду робіт по господарству. Ліворуч від входу знаходиться піч з відкритою плитою. Праворуч від дверей – мисник, який разом з піччю утворював кухонну групу інтер'єру. Важливе місце відведено столу, який складається з власне стола і підстолини – «стіл-скриня», де зберігали продукти, посуд. Вздовж глухої стіни, за піччю, стоїть ліжко, застелена соломою, зрідка сіном та покриті домотканими веретами. Своєрідним видом меблів була жердка, яку господар, як правило, робив відразу ж після спорудження хати. Жердка кріпилась над ліжком і призначалась для розвішування речей хатнього вжитку, одягу.

Румунське вбрання заслуговує на окрему увагу. Йому властиві певні особливості, що проявляються в крої окремих складових, у співвідношенні кольорів, орнаментальних мотивів. Румунському одягу характерний білий колір і яскрава поліхромія в орнаментатії. Традиційний костюм складався з сорочки, запасок, спідниці, безрукавки, уйоша, вовняної накидки («губе»), чоловічих сорочок та штанів, поясу-чересу («тісеу»). Голову жінки накривали хусткою

(«шерінкою»), чоловіки – шапки («калапи»). На ноги взували шкіряні постולי («опінч») або чоботи («ізме») (див. фото 12).

У межах області побутували два типи жіночого румунського костюму: один із тканими запасками («задьє»), а другий – із широкою спідницею.

Основним елементом жіночого костюму була сорочка. Особливо виділяються сорочки із села Хижа Виноградівського району. Вони привертають увагу своєю вишивкою на прямокутній горловині. Крім того вона розміщена на грудях, спині, плечах, а також навколо розрізу ззаду. Саму ж горловину оздоблюють вузькою смужечкою з геометричним орнаментом: ламана лінія, ромбики, трикутники, виконані технікою «набирування», «косої гладі» й оздоблені петельним швом. Народні майстрині з с. Хижа на жіночих сорочках вдало поєднують рослинний та тваринний орнаменти. В основу орнаментальної композиції вони ставлять смуги, де в єдине ціле (у віночок) поєднуються квітки, стебла, листочки. Цікавим є й кольорове вирішення. Переважають синій, червоний, бордовий, зелений кольори, із незначним крапленням оранжевого, голубого, рожевого та інших (див. фото 5) [13].

На початку ХХ ст. в румунських селах Закарпаття широкого поширення отримала юбка у вигляді двох полотнищ – «задьє». Одяг цього типу був запозичений із м. Сигет (область Марамуреш в Румунії), звідки її перевезли в Білу Церкву, Солотвино, Середнє Водяне та інші села. Юбка складалась з двох полотнищ – переднього і заднього. Заднє полотнище довше і вужче, переднє – коротке і ширше. Кожне полотнище тчуть на горизонтальному ткацькому верстаті у чотири «понужі», використовуючи для основи бавовняні нитки, а для піткання – шерстяні. На талії обидві частини скріпляються за допомогою двох шерстяних поясків. Задьє являє собою найяскравішу частину жіночого костюму. Його орнаментика складається із горизонталь-

них різнокольорових смуг, що чергуються. Ширина смуг неоднакова – після декількох широких йдуть вузькі, потім знову широкі. З другої половини ХХ ст. задьє носять лише як елемент святкового вбрання та й то не в усіх румунських селах. Найпоширеніша вона в Середньому Водяному і Білій Церкві (див. фото 6) [14, С. 71; 15; 16; 17].

Крім задьє у румунських селах поширені святкові спідниці («пінзатуре»). Шили їх з білого домотканого полотна за старовинним народним кроєм. Пояс вишитий чорними, синіми, червоним, жовтими нитками. Орнамент геометричний. Під пояском полотно збирене («морщене») на 5-6 ниток. На відстані 50-60 см від пояска розміщується прострочка, а під нею вишивка хрестиком. Нижня частина спідниці декорована вишивкою рослинного характеру (дві різні стрічки). Домінуючі кольори синій, коричневий, червоний. Знизу спідницю оздоблювали мережкою (див. фото 7) [18; 19].

Найдревнішим типом одягу, який носили поверх сорочки був жакет прямого крою з рукавами із шерстяної чи конопляної тканини – «уйош». Його шили жінки в кожній сім'ї. Уйош зберігав природний колір шерстяної пряжі – сірий або чорний. Цю частину костюму не прикрашали. Єдиним декоративним елементом є чорна смужка, якою обробляли поли і обкат уйоша. Пізніше, з середини ХХ ст. уйош носили лише жінки старшого віку. Замість них в моду ввійшли в'язані кофточки – «светри» [20, С. 12].

6

Жіночий верхній одяг для холодної, дощової пори не відрізнявся від чоловічого. Носили короткі свити («суман») і вовняні накидки («губе»). На голову жінки, зазвичай, одягали платки («батисте», «шерінке»), які завязували на вузол під підборіддям або на потилиці. Волосся заплітали у дві коси. В минулому жінки носили таке ж взуття як і чоловіки – «опінч». Це взуття на зразок українських постолів. Виготовляли його

із свинячої або коров'ячої шкіри. Для Закарпаття характерні «опінч» із зав'язкою з правої сторони й високим, загнутим вверх носком – «опінч ку гургуй». В якості святкового взуття дівчата носили довгі туфлі з широкими коленищами і високим каблукком. Починаючи з сере-

дини ХХ ст. жінки носили туфлі («топонжь») [14, С. 72].

Комплект чоловічого румунського костюму складався з білої сорочки з широкими рукавами («камеше»), яку носили на випуск поверх коротких широких штанів («гатів»). Поверх сорочки одягали безрукавку («кожож»), лайбик або уйош. В холодну пору в комплект чоловічого одягу входили «суман» або «губе».

Найкоротші сорочки носили молоді хлопці. Їх довжина сягала пояса, а у чоловіків старшого віку накривала пояс. Особливістю такої сорочки був широкий крій рукава – ширина дорівнювала довжині. Такий рукав розширювався донизу і манжетів не мав. Сорочки з манжетами з'явилися у 20-30-х рр. ХХ ст. (див. фото 8) [21, С. 66].

Літом чоловіки носили «гачі» – широкі, короткі штани із домотканого полотна. Їх довжина сягала до колін, ширина однієї штанини – до 1,5 см. В талії гаті підшивали куском полотна («парте»). Стягували штанини за допомогою пояса («бреченарь»). Низ святкових гатей оздоблювали вишивкою (див. фото 8). Зимом носили штани іншого крою.

Виділяють два типи зимових штанів: шерстяні («надрежь»), поширені в Середньому Во-

Солотвині та інших румунських селах Закарпаття, й шкіряні («чоаречь»), що зустрічаються у Білій Церкві. Найпоширенішим були «надрежь», «чоаречь» зустрічались рідше [22; 14, С. 73; 20, С. 66; 23, С. 10].

Для костюма закарпатських румун характерним було носіння пояса не поверх сорочки, а поверх штанів. Це викликано кроєм сорочки, яка була широко і короткою. Ця особливість відрізняє одяг закарпатських румун від інших груп східнослов'янських народів.

Румуни Закарпаття в минулому носили два типи поясів: шкіряний і шерстяний. Широкий шкіряний пояс – характерна деталь одягу горян. Шкіряний пояс – «тісеу» носили переважно молоді хлопці у святкові дні. Він входив як неодмінний атрибут в комплекс одягу, що складався з короткої сорочки з широкими рукавами і широких коротких штанів. За звичаєм пояс повинен був виглядати з-під сорочки. Ширина такого поясу сягала до 20 - 30 см. Він був оздоблений трьома-чотирма пряжками і декількома рядами мідних блискіток. Крім цього пояс прикрашали тисненим орнаментом або шкіряними аплікаціями [14, С. 74; 11, С. 45].

В кімнаті світлиці («каса маре») привітають на себе увагу масивні ліжка, застелені домотканими веретами («вілахами») та вишуканим ліжниками, а також грядка («жердка») над ліжками декорована надзвичайно пишною джергою (див. фото 10).

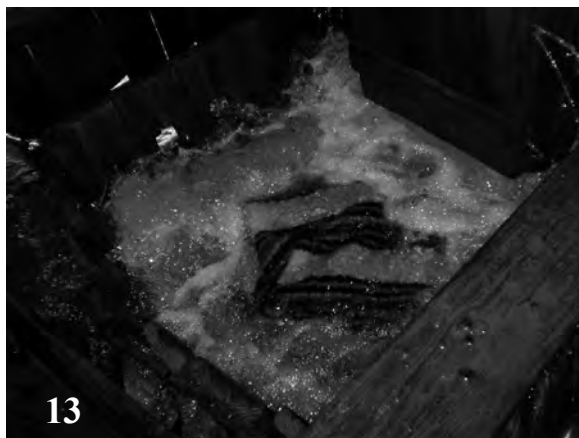

Виробництво ліжників та джерг було одним із основних ремесел як румунського, так і українського населення краю. Процес був дуже важким: «Перше вовну стрижуть, тоді помиють простим милом. Давно прали попело ("спузов") з бука. Як попрали, сушат на сонці. А далі вовна чекала свого часу в мішках, в "кошарках" коморах до осені... Далі вовну "чіхрала", тобто чесали дерев'яними щітками із залізними гачкуватими зубами. Тоді прядли на веретені нитку, намотуючи її на мотвило... Отже, ткане пофарбоване, і жінки стають до верстата. Працювали вони часто в парі. Робота за верстатом над одним ліжником тривала приблизно тиждень. Очевидно, не так уже й багато ліжників потрібно було в одній хаті. Але ж їх і дарували, і давали за придане на весілля. Та зіткати ліжник — це ще не все. Далі його "купають" у так званому валилі. А це таке пристосування, яке варте окремої уваги» [24, С. 8].

В Рахівському районі Закарпаття збереглися два валила: в сс. Видричка та Кваси Рахівського району. Конструктивно валило — це

конусоподібна посудина з товстих дубових дощок («клепок»). Нижня частина валила («бочки») вужча за верхню. Нижня частина клепок задовбана у днище так, щоб між ними були щілини (зверху 4 - 6 см, а знизу 1 - 2 см). Верхня частина клепок перепліталась

ліщиновим або вербовим пруттям. Днище укріплювали великим камінням. Камінням також обкладали кругом валила, щоб

13

14

його не зрушила вода. Вода до валила підводилась лотками з потоку, впадаючи в нього з такою силою, що могла збити дорослого чоловіка. Вода падає у валило, а через щілини уся витекти не встигає. У самій бочці утворюється щось на зразок виру (коловороту). Саме у цей вир потрапляє для останньої дії тканина джерги після кросен. Нитки, що йдуть на виготовлення джерг, товсті (м'яко прядені), в кроснах не збиваються. Тому їх треба ущільнювати («валяти»). Час валяння – 12 – 16 год. За цей час тканини відбілювалась і ставала пухнастою (див. фото 13 - 14) [25, С. 3; 26, С. 3].

Для румунських ліжників характерним є яскрава, насичена кольорова гама, рослинні мотиви у декоруванні.

Колориту хаті надають вишукано розвішані на стінах ікони на склі та фаянсові тарілки. Вони були фабричного виробництва, традиційної форми з глибоко вигнутими стінками, які чітко заломлюючись, переходять в розкосі «криси». Лицева сторона тарілок декорована підглазурним кольоровим розписом. На білому тлі поверхні чітко виділяється візерунок, який розміщено на дні і «крисах» тарілки. Орнаментальні мотиви різноманітні – рослинні, геометричні. Кольорова гама насичена. Краї оздоблювали різноманітними ланцюжками. На зворотній стороні, іноді стоять штампи, а через наскрізний отвір на стінці дна протягнутий шнурочок. Тарілки призначені для прикраслення інтер'єру (див фото 11) [27; 28; 29; 30].

По обидва боки столу розміщені стільці, на спинках яких експонуються жіночі безрукавки («кожок»). Шилась вона з овчини. Задню пілку кроїли із суцільного шматка. Спереду ж викроювали дві симетричні

поли. Обкати рукавних пройм глибоко врізані. Найважливіша овальна горлови́на. Краї бунди обшиті чорним баранячим смушком.

У нижній частині передніх піл наявні дві невеликі кишені («жеби») із в'яленої шкіри. «Жеби» декоровані різноманітними мотивами, зокрема, квітами, різними пелюстками. Все тло «кожка» пишно декорували рослинним орнаментом, що виконаний вовняними нитками технікою «гладь». Орнамент нагадує стилізовані гілочки квітів, стебла, розгалуження

яких поділяють вишиту площину на рівномірні вертикальні зони. Домінуючий колір вишивки червоний, що гармонійно поєднаний з темно-зеленим. Всі інші кольорові вкраплення рівно розкидані по площині «кожка». Подібні «бунди» побутовали і в українських селах Терезьянської та Тересвянської долини (Хустський, Тячівський райони) (див. фото 9) [31; 32; 33; 34, С. 5-6; 14, С. 71; 35, С. 130; 36, С. 123].

Охарактеризоване нами внутрішнє вбрання румунського житла через призму народних ремесел свідчить про соціальне становище господарів, характер господарства, розвиток домашніх ремесел та промислів, а також про рівень мистецтва. Про високий естетичний смак румунів свідчить все, що представлено в обох кімнатах, зокрема у світлиці («каса маре»). Барвисті вовняні килими, що висять на жердці вздовж глухої стіни, вирають веселкою, приємно милуючи око відвідувача. Джерелом для народної фантазії, художньої творчості незмінно було усе багатство барв, форм і ліній матінки-природи. Доповнюють святковість мистецьки прибраної світлиці окремі найбільш яскраві елементи традиційного вбрання – овчині безрукавки, торбини («тайстри»). Переконливий доказ відмінної риси тканин хатнього вжитку та одягу румунів – насичена палітра кольорів. Погодьтеся, урочисто і водночас затишно в цій оселі, а значна кількість теплих, м'яких вовняних килимів огортає вас лоскотним відчуттям затишку і тепла, що особливо відчутно у пору затяжної, досить таки суворой

зими високогір'я Карпат. Цікавим зразком народного живопису на склі є ікони, яким відводилось чільне місце на торцевій і фасадній стінах.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. *Скрипник Г.А.* Етнографічні музеї України. Становлення і розвиток. Київ: Наукова думка, 1989. - 304 с.
2. Добрі традиції закарпатських румун (за матеріалами О. Лугової, К. Югас, В. Йовдія, О. Мілашовського) // Світ Карпат. 2006. № 7. С. 32.
3. *Коцан В.В.* Оглядова екскурсія по Закарпатському музею народної архітектури та побуту // Архів відділу експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту.
4. *Копчак В.П., Копчак С.И.* Население Закарпатья за сто лет (1870-1970). Львов, 1977. – 219 с.
5. *Малець О.О.* Етнополітичні та етнокультурні процеси на Закарпатті 40-80-х рр. ХХ ст. Ужгород, 2004. – 230 с.
6. Історія міст і сіл Української РСР. Закарпатська область. Київ, 1969. – 516 с.
7. *Поп Д., Поп И.* Путешествие по архитектурным памятникам Подкарпатской Руси. Ужгород, 2007. – 132 с.
8. Польові матеріали // Архів автора.
9. *Самойлович В.М.* Народное архитектурное творчество Украины. Киев, 1989. – 344 с.
10. Методичні матеріали до хати з с. Середнє Водяне Рахівського району // Архів відділу експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту.
11. *Сологуб Т.Я.* Оглядова екскурсія по Закарпатському музею народної архітектури та побуту // Архів відділу експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту.
12. *Федака П.М.* Народне житло українців Закарпаття ХVІІІ – ХХ ст. Ужгород: Гражда, 2005. – 352 с.
13. Фонди Закарпатського музею народної архітектури та побуту, інвентарний номер (далі ФЗМНАП Е:) – ФЗМНАП Е: 10902/4215.
14. *Зеленчук В.С.* Костюм румынского населения Закарпатской области УССР // Карпатский сборник. М., 1976. С. 69-74.
15. ФЗМНАП Е: 1647/879.
16. ФЗМНАП Е: 1672.
17. ФЗМНАП Е: 1681.
18. ФЗМНАП Е: 5625/2561.
19. ФЗМНАП Е: 12710/207.
20. *Полянська О.В.* Оздоблення народного одягу угорців та румун Закарпатської області УРСР // Архів Закарпатського музею народної архітектури та побуту.

21. *Полянська Е.В.* Народная одежда гуцулов Раховского района // Карпатский сборник. М., 1972. С. 57-65.

22. ФЗМНАП Е: 1671.

23. Тематико-експозиційний план інтер'єру жилої кімнати в хаті з с. Середне Водяне Рахівського району // Архів відділу експозиції Закарпатського музею народної архітектури та побуту.

24. *Заник В.* Теплий, вовняний, сугастий і свій // РІО. 2007. 12 червня. С. 8.

25. Польовий матеріал зібраний у с. Видричка Рахівського району // Архів автора.

26. *Чендей В.* Чи потрібне валило в Дубовім? // Закарпатська правда. 1972. 25 липня. С. 3.

27. ФЗМНАП Е: 4138/8/2012/8.

28. ФЗМНАП Е: 4139/1/2013/1.

29. ФЗМНАП Е: 4141/6/2015/6.

30. ФЗМНАП Е: 4183/2095.

31. ФЗМНАП Е: 1639/872.

32. ФЗМНАП Е: 1640/873.

33. ФЗМНАП Е: 1641/874.

34. Польовий матеріал зібраний у с. Солотвино Тячівського району // Архів автора.

35. *Коцан В.В.* Іноетнічні запозичання та їх вплив на формування народного одягу долинян Мараморощини // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». Вип. 20. Ужгород, 2008. С. 128-134.

36. *Коцан В.В.* Народний одяг українців пониззя р. Терембі кінця ХІХ – першої половини ХХ ст. // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Історія». Вип. 19. Ужгород, 2007. С. 118-127.

Тетяна СОЛОГУБ

ОРНАМЕНТАЛЬНІ МОТИВИ ВИШИВКИ СОРОЧОК УКРАЇНЦІВ БЛОТИСЯНСЬКОЇ ДОЛИНИ КІНЦЯ ХІХ – ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ ХХ ст.

Вишивка – це один із найбільш поширених видів оздоблення тканини. В піснях, думах, народних приказках оспівана праця вишивальниць. Народом опоетизовані і художня фантазія майстрів, і сам процес праці.

Художнє багатство мистецтва вишивки на тканинах одягового та інтер'єрного призначення глибше розкривається при аналізі їх орнаменту, композиції, колориту. З орнаментом вишивки пов'язані образи добра, краси, захисту від усього злого в житті. Орнамент вишивок – це народна пам'ять про життєдайні сили землі і сонця. Він зігрітий теплотою людських рук. Орнамент розкриває складні питання світосприймання й світорозуміння, співвідношення – людина і природа, людина і праця, людина і творчість. Як писала у своїй роботі Р.В. Захарчук-Чугай: «Орнамент як мистецтво ритму в усій красі виступає в народній вишивці з специфічними законами осьової дзеркальної симетрії. Вишивальниці знайшли можливості побудови орнаменту, що захоплює нас продуманим порядком, лаконічною виразністю» [1, С. 94].

Збережені зразки вишивок ХІХ – початку ХХ ст. дають можливість стверджувати, що народні майстрині досягли вершини у розвитку орнаментального мистецтва. Вони розробили безліч варіантів зображення, різних елементів окреслень аж до найскладніших рішень. За змістом та формою побудови орнаментальні мотиви в основному поділяються на геометричні, рослинні, зооморфні та антропоморфні. Поступово виробились складні орнаментальні системи, властиві тій чи іншій техніці виконання, матеріалу, призначенню виробів.

Дана проблематика не повністю освоєна в наукових публікаціях. Немає окремої систематизованої, комплексної роботи, яка б дала нам цілісну картину етапів еволюції закарпатської народної вишивки. Наявний фактологічний матеріал потребує його системного, комплексного аналізу як на рівні краю в цілому, так і кожної етнографічної зони окремо взятої.

В наш час, коли бурхливо розвивається музейна справа, певним чином захоплюється розвиток вишивального та пов'язаних із ним видів декоративно-ужиткового мистецтва, проводяться різноманітні конкурси, фестивалі, виставки, дана тема чітко впливає із тіні забутих років. Вона має актуальне як науково-популярне, так і практичне значення.

Перед тим як почати огляд особливостей вишивки, необхідно зауважити, що гуцули є частиною українського етносу, які вирізняються культурно-побутовою специфікою, самоназвою, протиставленням себе оточуючим на основі взаємної компліментарності, мають локальну і загальну свідомість [2, С. 139]. За таким визначенням в сучасній етнографії гуцули є субетносом.

Гуцульщина знаходиться на східних високогір'ях Українських Карпат, нині на межі трьох областей. В силу історичних обставин Гуцульщина ніколи не мала спільних територіально-адміністративних кордонів, що позначилось на особливості їх традиційної культури і побуту. Тому в єдиному субетносі чітко виділяємо локально-територіальні групи гуцулів, а саме закарпатських, івано-франківських та чернівецьких. До гуцульської етнографічної групи слід віднести північно-західну частину марамороського повіту на території Румунських Карпат.

За теперішніми адміністративно-територіальними кордонами закарпатська частина Гуцульщини повністю охоплює Рахівський район Закарпатської області. Незважаючи на господарсько-культурну, побутову, матеріальну і духовну єдність гуцулів Закарпаття, тут існує внутрішній самоподіл на ясінянських, богданських, рахівських та великобичківських гуцулів. У етнографії ці малі групи населення називають малими етнографічними округами чи територіально-популяційними групами. Таким чином, термін «Закарпатська Гуцульщина» є умовний, бо традиційна культура субетносу загалом спільна, де можемо зауважити лише деякі господарсько-культурні особливості, особливо у системі естетичних переваг, що виразно проявилось у способах вишивання та оздоблення одягу.

Закарпатська Гуцульщина є унікальним регіоном України, в якому і досі зберігається цілий ряд архаїчних рис в культурі. Зокрема це відноситься до вишивок, що вирізняються яскравістю. Архаїчність гуцульських вишивок простежується у орнаментальних мотивах, техніці вишивання. Збереження цих рис в одязі та вишивках можна пояснити як природно-географічними факторами (гори, складні перевали), так і соціально-економічними (помітна віддаленість населення цієї частини Закарпаття від великих промислових та культурних центрів, основних торгівельних шляхів). На сьогодні народна вишив-

ка Закарпатської Гуцульщини ще недостатньо вивчена як мистецьке явище, як на регіональному, так і загально українському рівні.

Переходячи до аналізу регіональних особливостей вишивок, необхідно зазначити складові частини традиційного одягового комплексу гуцулів. Основою типового строю місцевих гуцулів є «кошуля» (сорочка). У чоловіків вона була тунікоподібного крою із коміром-стійкою, рукави прямі і широкі. За давнім звичаєм сорочку не заправляли в штани, а підперезували поясом («окрайкою»), який зав'язували з лівого боку. Вишивкою прикрашали комір-стійку, пазуху, верхню частину рукавів, манжети. Візерунковим швом («циркою») оздоблювали повздовжні бокові шви сорочки. Її вишиті частини пов'язані між собою спільним колоритом та композицією візерунку [3, С. 98].

Основу жіночого строю складає довга сорочка, зібрана навколо горловини, спереду з розрізом («пазухою»), рукави широкі і довгі, зібрані у зап'ясті. Сорочка оздоблювалась вишивкою на комірі («обшивці»), манжетах («дудиках»), вставлених частинах рукавів («уставках»). Декоративними швами підкреслювали крій сорочки. Жіночим поясным одягом були запаски, які ткали з вовняних ниток. Головним декоративним елементом запасок був сам колір, який завжди гармоніював із загальним колоритом строю. Поряд з оздобленням кептарів в округах побутовали також відмінності у колориті запасок. Інші елементи жіночого одягового комплексу є спільними з чоловічим одягом і відрізнялися лише незначними відмінностями в оздобленні [3, С. 99].

Таким чином, приступаючи до аналізу локальних відмінностей одягових вишивок, вирізняємо їх за такими найхарактернішими рисами, як величина вишивки, загальний колорит, домінуюча кольорова гама, кількість використаних кольорів, принцип побудови орнаменту, переважаючі орнаментальні мотиви, матеріали та техніка вишивки. На підставі цього, при аналізі збереженого у музеях матеріалу, зокрема Закарпатському музеї народної архітектури та побуту, власних спостережень під час польових досліджень маємо підстави твердити, що барвистість сучасних гуцульських уставок не передає давнього колориту. Відповідно бачимо, що колір вишивок був підвладний змінам та впливам. З найдавніших часів важливу роль в створенні колориту відігравали натуральні кольори вовни, лляного полотна, вибілених ниток та способи фарбування природними барвниками. Давня верховинська манера вишивати червоними та синіми, червоними і чорними або цілком чорними нитками під впливом моди змінюється. На зміну традиційних кольорів впливало сусідство з іншими народами та розвиток промислового виробництва анілінових барвників, які сильно вплинули на кольорову гаму пізніших вишивок, що зруйнувало

стриманий традиційний колорит. Більш давньою та стійкою до змін є композиція вишивок та орнаментальні мотиви [4, С. 159]. Своєрідність локальних особливостей вишивок найбільш чітко прослідковується в домінуючій структурі побудови орнаменту, переважаючих мотивах, домінуючому колориті.

Спираючись на напрацювання попередніх років, враховуючи їх достовірність, лаконічність викладу, характеризуючи наявні зразки одягової вишивки Закарпатської Гуцульщини, можемо виділити чотири основні осередки (ареали) її поширення: ясінянський, богданський, рахівський, великобичківський, кожен із яких має свої локальні особливості.

Метою ж даного дослідження є спроба аналізу локальних особливостей орнаментальних мотивів вишивки сорочок богданських гуцулів. Локалізацію колористичних особливостей «богданського осередку» можна окреслити селами долини річки Біла Тиса (Розтоки, Видричка, Богдан, Бреболя, Луги, Говерла, Тишора). Серед основних особливостей вишивок цієї округи є те, що їх старі уставки вужчі ніж у інших локальних групах гуцулів. Однак, через вплив різних факторів (часу, міграцій, запозичань) поширювались й широкі п'ятирядові уставки. Запозичались також й колористичні комбінації. Відмічаємо й той факт, що в богданських вишивках часто зустрічається стилізовано рослинний мотив.

Типовими для богданського осередку є п'ятирядові уставки, в яких орнаментальна композиція обрамляючих смуг («поверхниць») є логічним завершенням чи половиною візерунку, розміщеного в центральній смузі («власне уставці»). Основними мотивами даних уставок є ромб та стилізована квітка, внутрішня площа яких закомпонована різноманітними орнаментальними композиціями. Найхарактерніші з них ми спробуємо описати.

Уставки середини ХІХ ст. з богданської округи мають дрібноузорний візерунок. Виконувались вони в основному технікою «низина», «сотано», «звиворіткове» лише зрідка – «хрестиком». Домінуючими були чорний, коричневий, синій кольори із крапленнями жовтого, зеленого, червоного. Самі мешканці досліджуваних нами сіл кажуть, що кольори їхньої вишивки – «чорнобриві». Збереглося тут чимало й своєрідних деталей орнаменту. Так, в основі деяких уставок лежать ромби із усіченою верхньою та нижньою частинами. Своєрідними є елементи внутрішньої площини даних ромбів, що відрізняють цю уставку від інших. Вишивальниця зображує стилізовану квітку, подаючи її пелюстки у вигляді видовжених завитків («крючків»), розмішених попарно й обернених один проти одного. Завдяки такому прийому утворюється своєрідна квітка («жучок»). По кутам

«жучка» розміщені дрібні хрестики, а в його серцевині маленький ромбик («цятка»). Поміж великими ромбами вишито по два дрібніші ромбики. Їх особливість полягає в тому, що контури вишиті у формі хрестиків, а внутрішня площа набирає форму квадрата з вусиками. Допоміжними елементами центральної орнаментальної смуги служать зелені трикутнички з дрібними хрестиками у верхньому куті (див. фото 1) [5; 6, С. 47; 7, С. 107].

Провідним мотивом уставок є також ромб з усіченою верхньою та нижньою частинами. Контури ромба окреслені червоними лініями, між якими з однієї сторони чорними нитками вишито пряму лінію, а з іншої – вертикальні смужечки («партички»). В результаті цього біла незаповнена вишивкою частина полотна має вигляд смуги з виступами. Ці смуги обрамляють ромб. В народній вишивці України такі орнаментальні смуги називають по-різному. Для західноукраїнських областей характерною є назва «поле», «вівсяне поле». І тут ми знову на прикладі орнаментики спостерігаємо народну мудрість. Що головне в житті селянина? Це робота на полі, вирощування зерна. Подібними мотивами обрамляють великі площинні візерунки, внутрішня площа яких, зазвичай, закомпонована стилізовано рослинними орнаментами. В нашому випадку в основі ромба лежить восьмипелюсткова квітка,

по кутам якої зображуються хрестики. Поміж великими ромбами розміщені стилізовані напівквіточки та листочки. В основі візерунку обрамляючих вузьких смуг («червачків») лежить мотив хреста, вписаного в квадрат (див. фото 2) [5; 1, С. 90; 8, С. 36].

Цікавими за змістом є орнаментальні композиції уставок, в основі цен-

трального ряду яких лежать стилізовані квітки («ружі»). Їх характерною особливістю є те, що пелюстки розмежовані прямим та скісним хрестами, які пересікаються. «Хрести» як один із мотивів української народної орнаментики сформувався ще в добу неоліту. Дохристиянським його поширенням пояснюється те, що в українській народній орнаментиці порівняно мало канонізовано-емблематичних зображень цього знака, звичних для церковно-релігійного мистецтва. Однак, невичерпність народної фантазії засвідчують сотні варіантів улюблених хрестикових візерунків. Завдяки прийому пересікання двох видів хрестів утворюються вісім пелюстків. Прямий хрест ділить площину квітки на чотири частини («пелюстки»), а за допомогою скісного, кожна з них в свою чергу поділяється ще на дві. Таким чином утворюється стилізована восьмипелюсткова квітка чи розетка. У народі даний мотив отримав досить цікаве трактування: прямий хрест – символ чоловічого начала, сонця; скісний хрест – символ жіночого начала, місяця. Поєднання цих начал дає всьому життя. А утворена розетка є символом самої природи. Слід відмітити, що розетка – це один із найбільш поширених архаїчних мотивів в гуцульській вишивці (див. фото 13) [9].

Зустрічаються уставки, де домінуючим є чорний колір із вкрапленням синього, жовтого і червоного, орнаментальною площиною подібною до вищезгаданих. Тут внутрішня площа ромбів, розміщених в ряд, закомпонована двома мотивами. По центру

вишито стилізований прямий хрест, на чорному фоні якого зображено ромб (по центру) та дрібні хрестики (по кутам) жовтими нитками. Навколо хреста зображені чотири пташки («качечки»), розміщені попарно, одна навпроти одної. Птахи тут виступають символом радості, родинного щастя (див. фото 3) [10; 11, С. 47].

Головними мотивами могли служити й стилізовані квіти у поєднанні з есовидними мотивами. Так, у досліджуваному нами регіоні поширені орнаментальні композиції, в яких пелюстки квіток утворені із зелених та жовтих листочків, а серцевина подається у формі хрестика. Квітка вписана у своєрідне коло, контури якого зображені у формі завиточків різної форми. Поміж великими квітками розміщений дрібніший візерунок, де домінуючими є есовидні мотиви (див. фото 4) [12].

Крім стилізованих квіток, центральним мотивом давніх богданських уставок служили й восьмикутні розети, вписані в ромб. По кутам такого ромба вишивали прямі хрести. Поміж ромбами у два ряди розміщували трикутники, а проміжки між ними і ромбами набували вигляду скісних хрестів. Їх внутрішня площа декорувалась дрібноузорними мотивами, де центральним знову ж таки виступала розета. Крім того, могли вишивати стилізовані пелюстки, листочки, стебла. Візерунок «червачків», зазвичай, виконувався у вигляді ламаної лінії («кривулі») [13].

Оригінальними є уставки, де основним мотивом є восьмипелюсткова квітка, пелюстки якої вишиті різнобарвними нитками, з серцевиною у вигляді хреста. Дані квіти послідовно чергуються з фігурою у вигляді скісного хреста. Зображення хреста подається через використання мотиву «дубове листя». Яскрава кольорова гама виділяє дану уставку з поміж інших [10].

Одним із найдавніших орнаментальних мотивів гуцульської вишивки, зокрема на уставках Білотисянської долини, є напівквадратики з різноманітними різьками, загнутими під різними кутами, з вусиками

або без них. Подібні мотиви у народі називають «трубки», «бочарки». Є уставки, де «бочарки» є домінуючими. Тут в основі центральної широкої смуги лежать два ряди (у нижній і верхній частині) «трубок». Вони мають форму

напівквадратиків чи трикутників, до верхнього кута яких приєднано ріжки («трубки»), загнуті вниз. Між двома рядами «трубок» утворюється ромбічна площина, яка закомпонована ромбом (квадратом) з вусиками («восьмиріг»). Подібні зображення квадратів з виступаючими кінцями кожної сторони нагадують вінець зрубу дерев'яної будівлі. Такий мотив дуже поширений у вишивці. Він у сполученні з іншими елементами до цього часу зберігся у росіян, білорусів та українців. Чітко виявлений орнамент цього типу зустрічається, зокрема, в Калінінській області у росіян, в Могилівській області – в білорусів, на Поліссі та Закарпатті – в українців [14, С. 76-77]. Візерунок «поверхниці» описуваної нами уставки складається із рядка «трубок» з вусиками (див. фото 5) [15; 16, С. 16; 17, С. 41].

Більше уставок, де «трубки», зустрічається лише на «поверхницях». «Червачки» в таких уставках в основному декорують ламаними лініями («кривулями»), скісними хрестами, квадратами із вписаними в них прямими хрестами. Основу ж «власне уставок» творять покладені навскіс квадрати чи ромб із складною внутрішньою площиною. Так, на одній із уставок площина ромба закомпонована дрібними ромбічними мотивами із виступаючими вусиками. Серцевиною служить «восьмиріг». Між ромбами в два ряди розміщені трикутники, які можна вважати незавершеними зображеннями основного мотиву – «ромба» (див. фото 5) [18].

Свій колорит мають уставки, в яких ромби в центральній широкій смужі поділені на чотири рівні частини, або одну велику та дванадцять менших, що оточують її. В нашому випадку площина цих частинок закомпонована фігурою у вигляді квадрата з виступаючими кінцями («восьмирога»). Його середина має вигляд дрібного ромбика («очка»). Допоміжними мотивами в подібних уставках служать трикутники з вусиками («відрогами», «крючками») або ромб із заокругленими всередину ріжками («бочарки») [13; 18]. Подібні мотиви, коли ромб ділиться на частини, є дуже давніми. Матеріали археологічних розкопок свідчать про те, що в X – XII ст. на тканинах східних слов'ян вже був добре розвинений геометричний орнамент. Він складався з

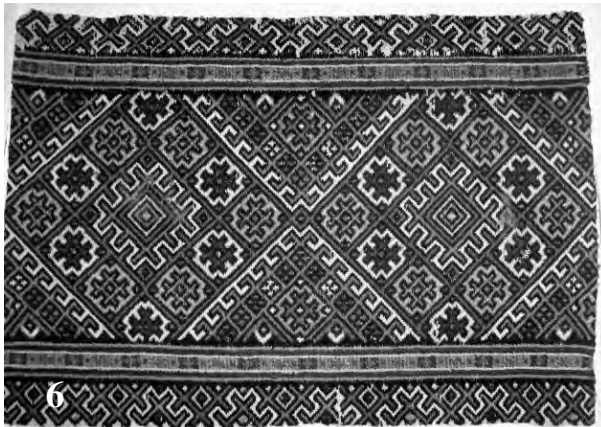
5

поставлених навскіс (на ріг) квадратів, кожен з яких був поділений на чотири частини, а в центрі кожної з них були поставлені крапки, малі кружечки чи інші узори. Коли порівняти цей стародавній узор з пізнішими, то можна побачити, що на території Закарпатської Гуцульщини (Рахівський район) у ХІХ ст. жіночі сорочки прикрашались подібним орнаментом. Такі ж орнаментальні мотиви маємо й у вишивках Закарпаття першої половини ХХ ст. У багатьох випадках квадрат компонується з іншими, досить складними геометричними фігурами (див. фото 6.) [19, С. 23; 14, С. 76; 20, С. 402-405].

Рідкісними є п'ятирядові уставки, у яких основним мотивом виступають скісні рядки, закомпоновані трикутниками. Фон даних уставок синій. За допомогою скісних смуг він ділиться на частини. Дані смуги могли бути білими або ж пересікатися дрібними вертикальними рисочками («партичками», «партиціями»). Внутрішня площина скісних рядків декорувалась червоними, жовтими чи оранжевими трикутниками із дрібними «цятками», «квіточками», «хрестиками» всередині. Чотири трикутники розміщувалися попарно (у верхній та нижній частині), симетрично площині скісного рядка. Подібні скісні мотиви називають «розкоси» (див. фото 7) [21].

Надзвичайно яскравими в колористичному відношенні є уставки з с. Богдан Рахівського району виконана технікою «лічильна гладь». Дана техніка вишивки виконується рядками, міняючи кольори необхідні для створення орнаментальної композиції. В основі візерунку даної уставки лежить восьмипелюсткова розета з серцевиною у вигляді хрестика. Пелюстки вишиті синіми, жовтими, зеленими та рожевими нитками, а контури – чорними. Квітки торкаються одна одної. На їх стику утворюється ромб, обабіч якого вишиті трикутники (див. фото 8) [22].

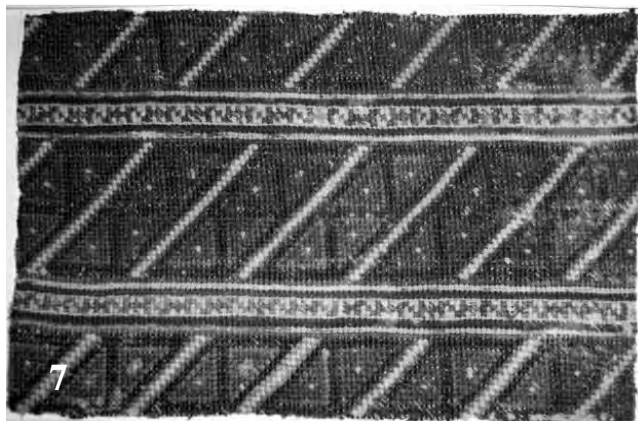

Серед взірців богданських уставок можемо спостерігати й такі, яким властивий сітчастий орнамент. Це означає, що вся площина орнаменту заповнена зором. Звідси і назва уставки – «сітчаста». В основі орна-

ментальної композиції лежать горизонтальні вузькі смужечки («путки»), розміщені в дев'ять рядів. Площина між «путками» закомпонована двома мотивами. На бордовому тлі вишито скісні хрести та ромби, що послідовно чергуються. Багаторядність площини уставки, симетричність у розміщенні орнаментальних мотивів створює ефект решітчастого полотнища, яке можливо нагадує шахову дошку. Поєднуючи мотиви трьох сусідніх рядків утворюються форми ромба (див. фото 9) [23].

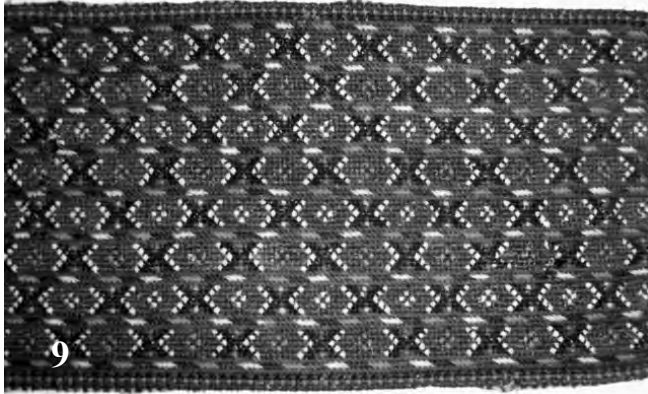
Колоритними є уставки, в яких як основні використовуються білий та бежевий кольори. Допоміжними тут виступають бордовий, чорний, фіолетовий, рожевий, сірий, зелений кольори. Уставками подібної кольорової гами оздоблювали сорочки жінок середнього та старшого віку.

За своїм структурним поділом вони п'ятирядові. В їх основі лежать різні типи ромбів зі вписаними в них фігурами. Найпростішим варіантом є, коли в ромб вписано восьмипелюсткову розету та дрібні ромбики по кутам. Поміж ромбами зображено великі стилізовані квіти («ружі») та розети. Між розетами розміщені фігури, що нагадують церковні вежі з хрестами наверху. Візерунок «поверхниці»

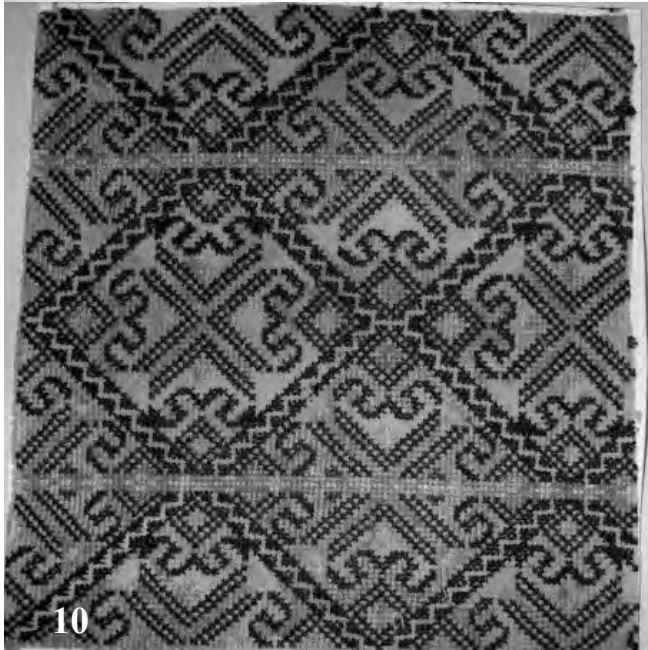

є половинчастим зображенням «власне уставки». Контури ромбів вишиваються чорними нитками, що на фоні стриманих, неяскравих кольорів відразу ж кидаються у вічі. Такий прийом використання одного яскравого кольору акцентує увагу на основних елементах уставки [24].

Зустрічаються й інші орнаментальні композиції уставок з бежевою колористикою. Зокрема, тут в бежевих та світло-коричневих тонах подаються «червачки» та проміжки між основними мотивами «власне уставки» і «поверхниці». Центральна смуга («власне уставка»)

закомпонована мотивами двох видів: двома ромбами, що кутами входять один в одного, та ромбом з відростами («вусиками», «павуками»). Внутрішня площа обох мотивів декорована фігурою, кожен з елементів якої нагадує знак подібності в різних варіантах. Така фігура легко може отриматись й із квадратів при заокругленні їх кутів. Цю думку підтверджує мотив закарпатської вишивки, в якому меан-

дровий візерунок, перериваючись утворює мотиви, схожі до лежачих есовидних. Однак, ця фігура може бути визначена по-різному. Вона зустрічається, як у нашому випадку, складеною у формі квітки, або ж смугами чи окремо як на кавказьких килимах і в монгольській орнаментиці, або як типовий елемент на тканинах і вишивках Буковини, Румунії, Угорщини, Сербії, Хорватії, Болгарії, Албанії і т. д. [25; 17, С. 41-42].

Не менш цікавими є монотонні (бордові), із незначним вкрапленням жовтого, рожевого кольорів уставки, в яких основний мотив ромб, закомпонований чотирма прямими «ріжками», які розміщені таким чином, що утворюють форму скісного хреста. У верхній частині ріжки доповнені крученими завитками, що разом утворюють форму серця («сирцята»). Контури усіх деталей орнаменту цієї уставки виконані бордовими нитками, а їх внутрішня площа – жовтими, рожевими. Є на полотнищі уставки місця не заповнені вишивкою (див. фото 10) [15].

Серед богданських уставок зустрічаємо й п'ятирядові, в яких на відміну від вищеописаних смуги відрізняються за розмірами. Центральна та обрамлюючі її смуги однакові, крайні ж трохи вужчі. В основі орнаменту даних уставок лежать ромб, що ділиться на 4 частини скісні хрести, трикутники, дві ламані лінії («кривулі»), що пересікаються. На одній із уставок відбувається поєднання двох технік: «низини» та «хрестика». Низиною вишита центральна смуга, а інші – хрестиком (див. фото 12) [24; 26].

Цікавими є уставки 20-30 рр. ХХ ст., в яких переважає рослинний, стилізовано-рослинний, згеометризований орнамент та яскрава поліхромія. Тут орнамент «власне уставки» складається із ромба

з усіченими кутами, в який вписана стилізована квітка («ружа») у різних варіаціях. Форми квіток утворюються за допомогою різних мотивів: «завитків», «стебел з ли-

сточками», «видовжених листків», з'єднаних кружечків («вісімка») та ін. Цікавим є зображення орнаменту «поверхниці» на одній із цих уставок. Воно являє собою зрізану верхівку стилізованої квітки з «власне уставки». Зрізана частина нагадує «корону» (див. фото 11) [23; 27; 28; 29].

В основі центральної смуги деяких уставок з рослинним орнаментом лежать чотири стилізовані квітки («ружі»), що з'єднані за допомогою фігури у вигляді стилізованого стебла з листочками, розміщених у лежачому положенні. Допоміжними мотивами є дрібні ромбики («очка»). На «поверхницях» зображено віночки з квіток, стебел та листочків. Рослинні мотиви можна вважати впливами сусідніх румунських чи румунсько-українських сіл, або ж сіл Тересвянської долини, що межує з Рахівщиною, оскільки для гуцулів не був характерним чисто рослинний орнамент [30].

Крім уставок вишивкою оздоблювали й інші деталі сорочок, зокрема, манжети («дудики») та ошийники («ошийки»). Їх орнаментальні мотиви та кольорова гама схожі до тих, що ми спостерігали на уставках. Серед основних:

- 1) ромб з усіченими верхніми та нижніми частинами зі вписаними в нього стилізованими квітами чи розетами;
- 2) скісні хрести;
- 3) ламані лінії («кривулі»);
- 4) обрамляючі лінії («путки»).

Однак і тут можна прослідкувати свої певні особливості.

Так, на деяких зразках манжет («дудиків») в основі орнаментальної композиції лежать два мотиви. Перший мотив утворює усічений ромб, в який вписано скісний хрест. Його контури окреслені фіолетовими лініями із загостренням на кутах. Завдяки цьому утворюється фігура у вигляді стилізованої розети. Обабіч неї розміщені дрібні ромбики («очка») з крапкою («цяткою») посередині. Другий мотив – у вигляді ромба із загнутими вниз ріжками. Подібні мотиви ми спостерігаємо на уставках, вони мають назви «трубки», «бочарки» [31; 17, С. 41].

Зустрічаються манжети, які по краям декорували стилізованими рядками («шахівничкою»). Головними мотивами центральної смуги є великі та малі ромби, які перетинаються кутами. У місці їх перетинання утворюється маленький ромбик («цятка»). Внутрішня площина великого ромба закомпонована стилізованою восьмипелюстковою квіткою. Її пелюстки творять фігури у формі серця. Подібними мотивами декорували деталі одягу молодих дівчат. Вони символізували любов, щастя, добробут [31; 8, С. 37].

Цікавими є манжети, у яких провідними мотивами є скісні лінії («розкоси») або ж ламані лінії («кривулі»). Контури даних мотивів вишивають яскравими нитками, їх фон, зазвичай, був чорним або синім. Основними ж мотивами служили скісні рядки з дрібних квадратиків («очок») чи ламані («меандрові») лінії. Останні є надзвичайно давнім мотивом. Вони зустрічаються ще в мистецтві давньої Греції і дістали свою назву від звивистої річки Меандр (нині Мендерес). Поміж ламаними чи скісними смугами розміщували або дрібні геометричні мотиви, або ж стилізовано рослинні [32; 27; 16, С. 13].

Подібними до вищезгаданих за композиційною структурою є «дудики», поділені скісними лініями на рівні частини. Особливість подібних орнаментальних композицій полягає в тому, що всі ці частини по центру перетинає хвиляста лінія, яка ділить їх пополам. Обабіч ламаної лінії подається стилізований дубовий листок. Його внутрішня площина закомпонована восьмипелюстковими розетами та квадратами з виступаючими кінцями («восьмиріг») [33].

Як і в уставках, так і в манжетах («дудиках») зустрічаються есовидні мотиви. Тут вони вписані в пелюстки стилізованих чотирипелюсткових квітів. Есовидні мотиви розміщені симетрично, один навпроти іншого. Такий мотив є зародженням або ж елементом мотиву «свастики». Подібний прийом спостерігаємо ще в одному із зразків. Однак тут есовидні фігури не вписані в основний мотив, а є одним із основних (чергуються з ромбом) [27; 33; 34, 9].

Серед орнаментальних композицій «ошийок» цікавими є ті, в яких домінуючими є чорний та синій кольори із вкрапленнями жовтого, червоного, синього. Чорний колір виконував функцію фону, а іншими вишивались орнаментальні мотиви. Провідним серед них є ромб, восьмипелюсткова розета, трикутники, розміщені вершинами вгору і вниз, скісні хрести та лінії з виступами знизу та зверху («вітрячки») [35].

Таким чином, бачимо, серед основних особливостей вишивок богданської округи є те, що їх старі уставки вужчі за уставки першої половини ХХ ст. Однак, через вплив різних факторів (часу, міграцій, запозичань) поширювались й широкі п'ятирядові уставки. Запози-

чались також й колористичні комбiнації. Для богданської вишивки середини XIX – початку XX ст. характерними були чорний, зелений, червоний, синій кольори, з 20-х рр. XX ст. починають поширюватись жовтий, білий, бордовий. Тут зустрічаємо такі давні орнаментальні мотиви: напiвквадратики з рiжками («бочарки», «трубки»), ромб із виступаючими сторонами («восьмириг»), що нагадує зруб, скісні та прямі хрести, стилізовані конфiгурації квітів («рачки», «мороки»), есовидні мотиви («глисти», «нумери») та інші. Відмічаємо й той факт, що в богданських вишивках часто зустрічається стилізовано рослинний мотив.

Узагальнюючи вище сказане, можемо констатувати, що орнаментальне мистецтво є одним із найяскравіших елементів матеріальної культури. Безперечно, повністю виявити й оцінити художньо-образний зміст орнаменту найкраще можна безпосередньо на тих предметах, на яких він використаний або для яких він створений. Це особливо стосується тих виробів, форма яких, матеріал, техніка виготовлення кладуть певний відбиток на характер орнаментальних узорів. Орнамент, як і інші види мистецтва, становить своєрідну форму образного відображення дійсності. Він піддається змінам залежно від соціально-економічного і культурного розвитку суспільства. Нові соціально-економічні умови, нові художні запити закономірно і неминуче викликають до життя нові форми орнаменту, його нові стильові ознаки. Для кожної епохи характерний той чи інший орнамент, об'єднаний спільними стильовими рисами, незалежно від того, на яких виробках він виступає. Орнамент є, таким чином, рівноправною, значною галуззю духовної культури народу.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ ТА ЛІТЕРАТУРИ

1. *Захарчук-Чугай Р.В.* Українська народна вишивка: західні області УРСР. Київ, 1988. – 191 с.
2. *Тиводар М.П.* Етнологія: навчальний посiбник. Львів, 2000. – 326 с.
3. *Пилип Р.* Локальні особливості одягової вишивки Закарпатської Гуцульщини // Науковий збiрник Закарпатського музею народної архiтектури та побуту. Ужгород, 2005. Вип.1. С. 97-104.
4. *Білан М.С., Стельмащук Г.Г.* Український стрій. Львів, 2000. – 326 с.
5. Фонди Закарпатського музею народної архiтектури та побуту, iнвентарний номер (далі ФЗМНАП Е.): 12531/380.
6. *Богуславская И.Я.* Русская народная вышивка. М., 1972. - 120 с.
7. *Богуславская И.Я.* Художественные особенности русской народной вышивки с геометрическим орнаментом (XIX – XX вв.) // Советская этнография. 1982. № 1. С. 101-112.

8. *Чорновський О.* Нові елементи та тематичні мотиви в орнаменті українських народних тканин // Народна творчість та етнографія. 1965. № 1. С. 35-40.
9. Польові матеріали зібрані в селах Білотисянської долини (сс. Розтоки, Видричка, Богдан, Луги, Говерла Рахівського району) // Архів автора.
10. ФЗМНАП Е: 12335/214.
11. *Матейко К.* Локальные особенности одежды гуцулов конца XIX – начала XX в. // Карпатский сборник. М., 1976. С. 57-66.
12. ФЗМНАП Е: 12602/451.
13. ФЗМНАП Е: 12489/338.
14. *Добрянська І.О., Симоненко І.Ф.* Типи та колорит західноукраїнської народної вишивки. // Народна творчість та етнографія. 1983. № 4. С. 75-83.
15. ФЗМНАП Е: 12628/477.
16. *Литвинець Е.М.* Українське народне мистецтво вишивання та нанизування. К., 2004. – 335 с.
17. *Маковський С.К.* Народное искусство Подкарпатской Руси. Прага: Пламя, 1925. – 155 с.
18. ФЗМНАП Е: 12627/476.
19. *Динцес Л.А.* Историческая общность русского и украинского народно-го искусства // Советская этнография. 1941. № 5. С. 20-34.
20. История культуры древней Руси. Т. II. М.; Л., 1951. – 549 с.
21. ФЗМНАП Е: 12487/336.
22. ФЗМНАП Е: 12484/333.
23. ФЗМНАП Е: 12307/186.
24. ФЗМНАП Е: 12346/225.
25. ФЗМНАП Е: 12607/456.
26. ФЗМНАП Е: 12635/484.
27. ФЗМНАП Е: 12547/396.
28. ФЗМНАП Е: 12607/456.
29. ФЗМНАП Е: 12635/484.
30. ФЗМНАП Е: 12334/213.
31. ФЗМНАП Е: 12310/189.
32. ФЗМНАП Е: 12308/187.
33. ФЗМНАП Е: 12613/462.
34. *Штала Ф.* Подкарпатские вышивки. Гуцульское вишиване на низину и другие. Прага, 1920. – 24 с.
35. ФЗМНАП Е: 12486/335.

Журнал консервативной мысли

«Золотой Лев»:

www.zlev.ru

РУСИНСКАЯ ТЕМАТИКА В ИЗДАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

УКРАИНА Закарпатская область

ББК Ф7 (4 УКР – 4 Зак) 6

Б 27

УДК 329.71 (477.87) «1980/1990»

ISBN 978-966-224-3

Басараб М.М., Токар М.Ю. Громадські організації Закарпаття в боротьбі за державність України (кінець 80-х - початок 90-х років ХХ століття): Монографія / Серія «Studia Regionalistica»; НДІ політичної регіоналістики; ДВНЗ «Ужгородський національний університет». - Ужгород: Видавництво «Карпати», 2009. - 336 с.

В монографії ужгородських дослідників аналізується процес створення і діяльності перших громадських організацій Закарпаття в новітню епоху

борьбы за государственную независимость Украины. Авторами осуществлен анализ формирования общественно-политического массового движения, создания общественно-политических, культурно-просветительских, патриотических организаций, обществ, объединений. Исследованы условия их функционирования, проблемы структурного развития, аспекты сотрудничества. Показаны причины противостояния партийным институтам власти. Определен вклад закарпатцев в процесс развития Украинского государства. Издание рассчитано на широкий круг читателей.

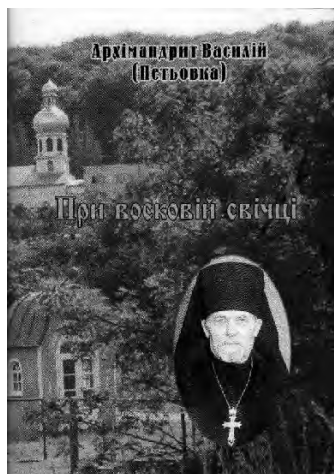
X55

ISBN 978-966-8760-47-1

Хланта І., Мельник С. Копашнівський Свято-Іоанно-Богословський жіночий монастир. – Ужгород: ВАТ «Патент», 2008. – 32 с.

В брошюре в краткой форме изложены история и сегодняшнее положение православного женского монастыря в с. Кошашнево Хустского района Закарпатской области. Авторами собраны биографии настоятельницы и священников монастыря.

ISBN 966-8279-23-2

Архімандрит Васи́лій (Петьовка). При восковій свічці. Духовні вірші. Упорядкування та передмови Ю.Данильця та П.Мідянки. – Мукачєво: Карпатська вежа, 2008. – 60 с.

В книге впервые печатаются духовные стихи архимандрита Василия (Петьовки) (1949-2002). Стихи собрали и подготовили к печати к.и.н. Ю. Данилец и поэт П. Мидянка. Книга начинается предисловием «Висока печать духа» П. Мидянки. В нем автор анализирует духовное наследие архимандрита. Далее представлен биографический очерк Ю. Данильця о жизни архимандрита Василия. В книге также есть фотографии из личных архивов родственников архимандрита Василия.

Диякон Олександр Монич. Свялявський Свято-Троїце-Кирило-Мефодіївський жіночий монастир. (Короткий історичний нарис). – Ужгород, 2009. – 48 с.

В брошюре представлен краткий исторический очерк о женском монастыре в Сваляве. Условно работа делится на две части. В первой дается краткая справка по истории монастыря, во второй – биографии основателей, настоятельницы и священников. Книга предназначена для широкого круга читателей.

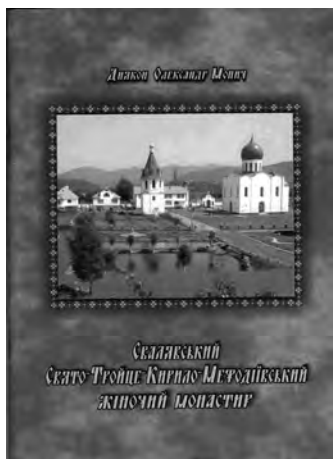
ББК 83.3 (4 УКР)

С 58

ISBN 978-966-8924-7

Світлинець А., Канайло С. Свято-Архангело-Михайлівський монастир у селі Драгово-Забрід. – Ужгород: Гражда, 2009. - 224 с. + 8 с. кол. іл.

Как известно, центрами православной идентичности и аскетизма были монастыри. Одной из таких обителей на Хустщине, а именно Свято-Архангело-Михайловскому женскому монастырю в селе Драгово-Забродь, посвящена новая книга краеведов Андрея Свитлинца и Сергея Канайло. В прошлом из-

под их пера вышел труд об истории Свято-Серафимовского монастыря в селе Приборжавское Иршавского района. Новый проект осуществлен по благословению Марка, архиепископа Хустского и Виноградовского, и при финансовой поддержке настоятельницы обители игуменьи Митродоры (Поп). Общий тираж книги - 400 экземпляров, что чрезвычайно мало для такого рода работ. Надеемся, что в будущем найдутся благодотворители, которые помогут напечатать второе издание.

Структура книги основывается на сочетании хронологического и тематического принципов. Это четыре главы, рассматривающие историю монастыря с начала XVIII в. до современности. Отдельно выделен материал о священниках и настоятелях монастыря. В конце книги представлены интересные дополнения: грамоты, справки, письма, таблицы. Данная форма подачи материала, по нашему мнению, дает возможность проследить все этапы развития обители и подчеркнуть главные аспекты деятельности монашества. Предисловие к книге подготовил Юрий Данилец, а послесловие написал член Союза писателей Украины Петр Мидянка.

Чтобы раскрыть поставленную проблему, авторам пришлось хорошо поработать в различных архивных учреждениях. Большинство документов из древней истории монастыря А. Свитлинец и С. Канайло обнаружили в фондах Государственного архива Закарпатской области. Не менее важные факты были найдены в текущих архивах Мукачевской и Хустской православных епархий, архиве Драговского монастыря, частных коллекциях. В книге можно прочесть воспоминания монахинь, их близких, жителей окрестных сел.

Исследователи проанализировали и соответствующую научную литературу. Это труды историков М. Лучкая, Ю. Жатковича, И. Панькевича, о. Василия (Пронина), Ю. Данильца, В. Фенича. Украшением книги являются многочисленные фотоиллюстрации, запечатлевшие праздники и будни монастыря в Драгово.

Следует отметить, что данное издание является первым комплексным исследованием истории Драговского монастыря с XVIII в. до нашего времени. Авторы рассматривали деятельность монастыря на фоне политического развития края. Это дало им возможность выявить особенности государственно-церковных отношений и отношение различных режимов к православной монашеской святыни.

Новая книга А. Свитлинца и С. Канайло раскрывает перед читателем широкие пласты закарпатской церковной истории. Она побуждает к продолжению работы как самих авторов, так и всех исследователей истории православия на Закарпатье.

ISBN 966-9178-4

Рубіш Ф., Довганич О. **Закарпатці під пресою сталінського свавілля.** – Мукачєво: Карпатська вежа, 2009. – 440 с.

Книга біографічних очерків об учасниках руху проти тоталітарного режиму, о боротьбі за збереження свого народу, його самобитності, культури, державних атрибутів. Из использованных архивных документов и воспоминаний очевидцев читатель может узнать о зверствах сталинского режима против закарпатской молодежи, как борцы не сломались и как в лагерях и после них продолжали свою деятельность. Книга вышла к 80-летию со дня рождения авторов.

ISBN 966-8964-30-3

Пагири В. **Серце диктує перу. Нариси, статті, рецензії, есеї.** – Мукачєво: Карпатська вежа, 2009. – 104 с.

В книзі представлені газетні матеріали і статті автора, які раніше не публікувалися. Книга виходить як науково-методичне посібник для вчителів шкіл з викладанням творчості письменника Василя Пагири на уроках української мови і літератури.

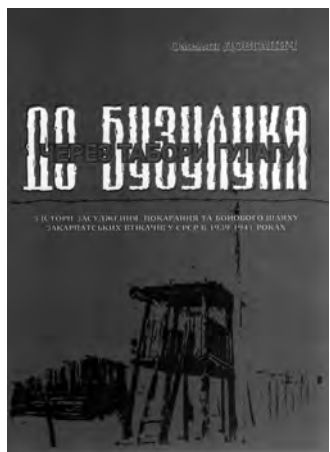
Б Б К
83(4УКР)

Д58

ISBN 978-966-8924-94-1

Довганич О. **До Бузулука через табори ГУЛАГу.** – Ужгород: Гражда, 2009. – 268 с.

Населення Закарпаття крайнє негативно зустріло окупацію в 1939 г. этой території Венгрією. Спасаясь от возможных расправ за малейшее неповиновение, нежелание служить в венгерской армии и невероятной безработицы, закарпатцы начали в массовом порядке покидать родные дома и нелегально переходить через границу в СССР. Там их никто не ждал, их судили за нарушение границы и отправляли в исправительно-трудовые

лагеря. И только с образованием на территории СССР чехословацких военных частей эти люди были амнистированы, освобождены из лагерей и как бывшие граждане Чехословакии отправлены в Бузулук, где эти части формировались. С 1943 г. до конца войны закарпатцы прошли боевой путь до Праги, где встретили Победу. 70-летию начала вышеупомянутого события, характерного только для Закарпатья периода Второй мировой войны, посвящено это издание.

ББК 83 (4УКР)

Д58

ISBN 978-966-176-005-8

Довганич О. Голгофа жертв політичних репресій. – Ужгород: Гражда, 2009. –304 с.

В новой книге известного автора собрана серия биографических очерков о государственных и общественных деятелях, мастерах литературы и искусства, ученых, отдельных гражданах Закарпатской области, осужденных в 1939-1955 гг. особыми совещаниями при Министерстве государственной безопасности СССР, военными трибуналами, спецсудами Закарпатской Украины и Закарпатским областным судом за так называемый украинский буржуазный национализм, антисоветскую деятельность в организациях ОУН Карпатской Украины, «Карпатской Сечи», различных политических партиях, подпольных молодежных националистических организациях и группах, за нелегальный переход границы и религиозные взгляды. Книга издается к 15-летию бессменного пребывания автора в должности руководителя научно-редакционного отдела областного тома «Реабилитированные историей».

ББК ТЗ(4Укр-4Зак)47

Д18

УДК 94(477.87) «17/18»

ISBN 978-966-332-054-7

Данилюк Д. Історична думка на Закарпатті епохи національного відродження (кінець XVIII - середина XIX ст.). – Ужгород, 2009. – 400 с.

История Закарпатья XVIII-XIX вв. не перестает интересовать как местных, так и зарубежных исследователей. Недавно вышла в свет монография доктора исторических наук профессора заведующего кафе-

дрой истории Украины Ужгородского национального университета Дмитрия Данилюка под названием «Историческая мысль на Закарпатье эпохи национального возрождения (конец XVIII - середина XIX века)». Д. Данилюк - известный в крае и далеко за его пределами ученый. Он - автор и составитель 12 отдельных изданий, вступительных статей к I и IV томам «Истории карпатских русинов» М. Лучкая, соавтор «Очерков истории Закарпатья» в трех томах. На основании обработки рукописных произведений, публикаций конца XVIII-XIX в. Д. Данилюк вернул немало забытых имен закарпатских ученых, деятелей национального возрождения, а их научное наследие вывел на всеукраинский уровень. Исследования о них опубликованы в таких изданиях, как «Украинский исторический журнал», «Историческая наука на пороге XXI века: итоги и перспективы», «Историографические исследования в Украине» и др. На его труды ссылаются ведущие историографы Киева, Харькова, Черкасс, Каменец-Подольского. Результаты исследований помогут по-новому оценить научный и культурно-образовательный уровень Закарпатья в прошлом. За плодотворную и многолетнюю педагогическую работу, значительный вклад в развитие исторической науки, в частности, историографии и карпатоведения, профессор Д. Данилюк награжден орденом «За заслуги» III степени и Почетной грамотой Министерства образования Украины.

Новая монография продолжает исследуемую автором тему становления и развития исторической мысли на Закарпатье с древнейших времен до наших дней. В книге с новых позиций оценен важный период в истории Закарпатья конца XVIII - первой половины XIX в. Работа написана на основе рукописей, редких публикаций XVIII-XIX вв. Д. Данилюк знакомит с научным и творческим наследием закарпатских общественно-политических и церковных деятелей и ученых: А. Коцака, И. Пастелия, Д. Бабиля. Широко проанализирован первый печатный труд И. Базиловича, который уже в конце XVIII в. представил историю Закарпатья в тесной связи с историей восточных славян, в частности, Киевской Руси. Впервые опубликованы переписка И. Базиловича с цензором Г. Тарковичем, письма епископа А. Бачинского к императрице Марии-Терезии с просьбой покупать книги в Галиции, письмо Е. Шенборна об открытии типографии в Закарпатье. Представлены документы о деятельности епископа Бачинского, направленной на расширение сферы употребления родного языка и внедрение всеобщего обязательного обучения. Всесторонне проанализировано научное наследие М. Лучкая, ставящее его в ряд историков демократического направления в европейской историографии. Исследована активная деятельность А. Духновича по обоснованию необходимости воссоединения Закарпатья с сопредельными украинскими землями. Последний отмечал, что «русины угорские давнейше с галицкими случены были».

Завершается монография анализом труда А. Балудянського «История церковная Новаго Завета». Автор отмечает, что в этой работе было поднято немало проблем, в частности, автохтонности русинов, миссионерской деятельности равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, прихода венгров.

Значительную часть книги занимает научное наследие вышеупомянутых историков. Кроме того, представлены отдельные научные труды И. Орлая,

Ю. Гуцы-Венелина, А. Духновича, обнаруженные в библиотеках и архивах Украины и за ее пределами.

Таким образом, в новой книге Д. Данилюка по-новому оценен период второй половины XVIII - первой половины XIX в. В частности, доказано, что национальное возрождение началось не с приходом русской армии в 1848-1849 гг., его составляющие имели место уже в конце XVIII в.

Надо отметить научный аппарат книги, который включает архивные и рукописные материалы, периодику XIX в., зарубежную историографию Закарпатья. Подготовлен обширный именной указатель. Об авторе как исследователе рассказано в послесловии профессора М. Вегеша. Книга станет хорошим подарком для учащихся, студентов, учителей и всех, кто интересуется историей Закарпатья.

ББК 86.372(4Укр-4Зак)

Д77

УДК 281.96(477.87)

ISBN 978-966-8760-65-5

Монич Олександр, диякон. За-невський монастир на Полонинах: нариси з історії Угольського та Угляньського монастирів. – Ужгород: ВАТ «Патент», 328 с., іл.

История святого православия на Закарпатье уходит в глубокую древность. Большинство исследователей связывают распространение христианства греческого обряда с именами св. Кирилла и Мефодия или, по крайней мере, их учеников. Есть также версия, что первые монахи на Закарпатье появились

во времена Киевской Руси. Они могли прийти в Венгрию с дочерью Ярослава Мудрого Анастасией и основать обитель в Мукачево. По мнению известного церковного историка архимандрита Василия (Пронина), ученики св. Кирилла и Мефодия, которые были вынуждены оставить Сазавский монастырь и чешские земли, положили начало основанию Угольского монастыря. Таким образом, мы видим, что древнее монашество на Закарпатье возникло в тесной связи с другими центрами православного мира.

Изучение деятельности святых обителей началось на Закарпатье достаточно давно. Конечно, эта тема неисчерпаемая и требует все новых и новых подходов. Одним из первых, кто серьезно занимался церковной историей Закарпатья, был М. Лучкай. Потом его миссию продолжили А. Кралицкий, Ю. Жаткович, А. Петров, И. Кондратович, А. Дехтерев и др. В последнее время в связи с возрождением православных монастырей на Закарпатье появилось множество трудов, посвященных миссионерской и социально-экономической истории монашеских обителей. Первой ласточкой стала в

1994 г. книга мукачевского краеведа Василия Пагири «Монастыри Закарпаття». Этой проблеме посвятили свои труды Андрей Свитлинец и Сергей Канайло, Степан Чопик, Григорий Рачук и автор этих строк. Недавно этот ряд исследователей пополнил историк с богословским образованием протоиерей Александр Монич. В 2008 г. он издал книгу об истории Грушевского монастыря, а совсем недавно из-под его пера вышла книга с довольно интригующим названием «Заневский монастырь в Полонинах: очерки истории Угольского и Углянского монастырей».

История Угольского монастыря начинается в начале XIII в. Автор книги приводит важное свидетельство из «Списания обителей Мараморошских древле бывших»: «Сія обитель когда ся начала знати не мож. Повідають люде, иж разом из селом роздана єсть. Село місто под него дало обширное под полонинами, майже на милоу земли отстоит».

В Ипатьевской летописи под 1262 г. есть первое упоминание о монастыре в Полонинах. Летописец сообщает, что «Войшелк крести Юрия Львовича; тот же потом идее в Полонину ко Григорьеву в монастырь, и пострижесе в черньце, и бысть в монастыри у Григорья 3 лета, отголе же поиде Святую Гору, прием благословение от Григорья». По словам о. Александра, версию о том, что в летописи упоминают именно Угольский монастырь, поддерживали Я. Головацкий, митрополит Макарий (Булгаков), архимандрит Василий (Пронин).

О том, что монастырь в Полонинах играл важную роль в жизни Западной Руси, говорит тот факт, что в 1552 г. его посетили послы московского государя Иоанна IV Грозного (1530-1584). Информацию о поездке посольства московского царя мы находим в «Хронографе» начала XVII в.

Впервые записку «О Занове Угорском» опубликовал известный российский филолог-славист Александр Востоков в 1842 г. В научный оборот «Карпатской истории», как утверждает о. А. Монич, записку ввел Алексей Петров в 1906 г. Здесь мы должны сделать небольшое уточнение. Заслуги А. Петрова в исследовании истории Закарпаття, бесспорно, значительные. Однако следует отметить, что впервые информация из «Хронографа» на Закарпатье была опубликована еще в 1856 г. на страницах «Церковной газетъ», которая выходила в Будине. Это периодическое издание было основано о. Иоанном Раковским и выходило в 1856-1858 гг. После закрытия газеты австрийскими властями некоторое время он издавал «Церковный Вестникъ» (1858 г.). Несмотря на то, что о. Иоанн был униатским священником, он исповедовал русофильские взгляды и тайно поддерживал православие. Его деятельность также привела к возрождению православного движения в с. Иза на Закарпатье в начале XX в. Интересен тот факт, что после публикации в газете ее редактор Иоанн Раковский обратился к читателям с просьбой помочь в сборе информации о древнем монастыре.

Книга имеет интересную структуру. А. Монич разделил материал на 15 глав, которым предшествует небольшое предисловие кандидата исторических наук директора Закарпатского государственного архива Михаила Делегана. Потом во вступлении автор проанализировал главные источники и научную литературу, которая относится к теме книги. Фактически большей

своей частью книга написана с использованием документов вышеупомянутого архива, архивной коллекции Закарпатского краеведческого музея и других заведений. Научный тандем Мукачевская епархия – Государственный архив Закарпатской области, как и раньше, дал хорошие результаты. При помощи руководства архива и других работников о. А.Моничу удалось обнаружить уникальные неопубликованные источники и донести их до общественности.

В первой главе, которая называется «Заневские антитезисы», автор рассуждает о нестыковках в давней истории Угольского монастыря. Проанализировав документы XIII-XVIII вв., он приходит к выводу, что, возможно, древний монастырь находился в Полонинах (современное село Малая Уголька), а в XVIII в. был перенесен монахами в село Угля. Какие факты приводятся в подтверждение этой гипотезы? В первую очередь, автор утверждает, что до XVIII в. в архивных источниках фигурирует название монастыря как «Угольський», а с XVIII в. – «Углянский». Во-вторых, обнаружена грамота 1776 г., написанная жителями с. Угля, с просьбой об основании монастырского храма в их селе. Здесь надо отметить, что после смерти последнего православного епископа Досифея Феодоровича в 1734/1735 гг. в восточной части Закарпатья – Мараморощине начинает распространяться уния. Православные обители, которые были основаны для защиты православия, начинают терпеть разные притеснения. Следует также отметить, что большинство населения Закарпатья не знало о подписании унии с Римом в Ужгороде (1646 г.). Униатская литургия мало чем отличалась от православной, священники на приходах остались прежние (хотя они и приняли Символ Веры, население об этом факте не ведало). Таким образом, даже в начале XX в. множество закарпатских униатов считали себя православными. Можно привести примеры из документов, когда в начале XX в. закарпатских русинов не пускали в православные обители, а они даже не ведали, что они униаты. Наверное, в связи с таким же неведением связано и обращение жителей с. Угля в 1776 г. к руководству униатской епархии. В связи с этими фактами утверждение, что монастырь в Угле могли основать униаты, не имеет под собой фактов. Православная традиция Угольского монастыря не была прекращена, она продолжилась в новом монастыре в Угле.

Во второй главе «Первые исторические известия о Заневском монастыре в Полонинах» собраны все источники по истории Угольского монастыря раннего периода. Следующие главы имеют названия «Посольство московского царя Иоанна IV Грозного в Заневском монастыре», «Деятельность последнего православного епископа Досифея Феодоровича Угольского», «Судьба Заневского (Угольского) монастыря после смерти епископа Досифея». Раскрывая историю монастыря в Угольке, автор не мог не сказать о деятельности преп. Иова Кундри. Этот святой земли Карпатской трудился на ниве церкви Христовой в XX в. Для написания главы о. А. Монич широко использует ранее опубликованные материалы, в том числе и статьи автора этих строк. Следующие главы книги не менее интересны – «Смена юрисдикции Заневского (Угольского) монастыря», «История основания нового монастыря в с.Угля в XVIII веке». Это увлекательное повествование об истории монастыря в

XX в. Благодаря деятельности иеромонаха Викентия (Ороса) и сельских жителей обитель смогла возродиться в 1933 г. В это время православные общины Закарпатья (Подкарпатской Руси) относились к юрисдикции Сербской православной церкви. Владыка Дамаскин (Грданичка) много времени уделял возрожденному скиту. Монашеская обитель возродилась как женский скит. Первой настоятельницей была назначена монахиня Рафаила (Рыбарь).

В советское время скит подвергли гонениям, а в 1959 г. ликвидировали. Поучительна биография обновителя монастыря архимандрита Викентия (Ороса). В 1952 г. по надуманным обвинениям он был арестован и осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Немного позже вышла книга краеведов Андрея Свитлинца и Сергея Канайло о Драговском монастыре, где биография о. Викентия изложена более подробно.

Далее раскрыто современное положение монашеской жизни в Угле, приводятся биографии настоятельниц монастыря и его духовников.

В приложениях к книге автор разместил около 30 документов. Это, в первую очередь, копии документов, их расшифровка, списки монахинь и т.д.

Отдельно следует отметить высокое полиграфическое качество книги и множество иллюстраций.

Считаем, что книга о. Александра Моница не ставит точку на проблеме изучения истории Угольского монастыря, она приглашает ученых к дискуссии и дальнейшему исследованию русской истории.

ББК 86.372(4Укр-433ак)

X89

УДК 281.93 (477.87)

ISBN 978-966-2921-01-4

**Храм Покрова Божої Матері /упор.
Прот. М.Кабачій, І.Ладжун. – Ужгород,
2007. – 64 с.**

В книге собрана информация о деятельности храма-памятника русским воинам, погибшим в годы Первой мировой войны в Ужгороде. Издание хорошо проиллюстрировано фрагментами иконописи и фотографиями.

Юрий ДАНИЛЕЦ, Наталия ДАНИЛЕЦ

Владимир АНИКИН

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ ИСКУССТВА В ЛИЦАХ И ПЕРСОНАЛИЯХ

Замечательный подарок получили специалисты-искусствоведы, все любители художественного творчества Молдовы и, конечно же, России. Увидел свет первый том био-библиографического словаря-справочника «Молдавско-русские взаимосвязи в искусстве в лицах и персоналиях (XVIII - I половина XX в.)». Впервые в отечественной истории на основе сохранившихся архивных документов и других редких источников нашли отражение достижения разноплановой художественной культуры Бессарабии XVIII – I-й половины XX ст. Прделана огромнейшая многолетняя работа. Не случай-

но авторы-составители этого издания – искусствовед, литературовед, культуролог и писатель Константин Шишкан и музыковед, музыкальный критик, журналист-культуролог, композитор и педагог Сергей Пожар сами поразились грандиозности своего замысла, способности да и, в немалой степени, возможности его реализовать. И вот – о, чудо! – книга увидела свет, а вместе с ней в нашей, чего греха таить, не всегда благодарной памяти воскресли из небытия, восстановлены и озвучены незаслуженно забытые и малоизвестные имена славных представителей художественной культуры, деятельность которых в большей или меньшей степени связана с нашим краем на ниве молдавско-русских взаимосвязей в искусстве.

Общей тональности рецензируемого словаря-справочника как нельзя лучше, на наш взгляд, соответствует использованное в качестве эпиграфа значительное и глубокое изречение классика молдавской и

румынской литературы Георге Асаки: «Для того, чтобы проследить за нашей историей, мы часто должны говорить о делах россиян, которые совершили коренную реформу в нашей политической жизни и национальных обычаях. Отношения или связь между нашей историей и историей этой нации обуславливают настоятельную необходимость знать их обеих».

Логическим продолжением яркой мысли классика является первый раздел биобиблиографического словаря-справочника «Деятели искусства России в Бессарабии (XVIII - 1-я половина XX в.)». Поразительно разнообразно и емко (с учетом преодоленных трудностей в поиске необходимой информации) его содержание. Раздел включает в себе следующие направления (подразделы) художественного творчества: «Архитектура и градостроительство», «Изобразительное искусство», «Драматический театр», «Композиция и музыковедение», «Дирижирование», «Инструментальное искусство», «Хореография» и, наконец, «Цирковое искусство».

О ком же и о чем повествуют представленные материалы в указанных подразделах? Первый подраздел, «Архитектура и градостроительство», по праву открывается культурологическим эссе о выдающемся русском архитекторе, профессоре Петербургской академии художеств Аврааме Мельникове, создавшем проекты многих церквей и гражданских сооружений. В частности, по его проекту (по предложению тогдашнего новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова) в Кишиневе воздвигнут Рождественский (Кафедральный) собор со звонницей (1830-1836), ставший затем главным культовым центром края и ныне остающийся одним из символов столицы Молдовы. Это образцовое культовое сооружение, построенное исключительно в традициях позднего русского классицизма, послужило эталоном для целого ряда церковных строений на бессарабской земле.

Внешний и духовный облик современного Кишинева трудно представить без бронзового бюста поэтическому гению А.С. Пушкину, установленного в городском саду (1885 г.) в память о пребывании его в главном городе Бессарабии. Памятник этот, созданный выдающимся русским скульптором, действительным членом Петербургской академии художеств Александром Опекушиным, и поныне остается предметом гордости и восхищения жителей и гостей столицы. Думается, читатели с интересом познакомятся с представленными в этом подразделе творческими биографиями известных русских мастеров и с интересом узнают об истории создания подлинных шедевров искусства.

Может быть, скромнее, чем ожидалось, представлены персоналии в подразделе «Изобразительное искусство». Зато какие имена! Все-

мирно известный живописец-маринист академик Иван Айвазовский, выдающийся художник-баталист Василий Верещагин, видный русский живописец, график, книжный иллюстратор Михаил Врубель, великий русский живописец академик Илья Репин. Их, как и других представленных в этом подразделе художников и скульпторов – А. Бейдемана, С. Волнухина, М. Иванова, Л. Ларионова, объединяла тесная творческая связь с Бессарабией. К примеру, пребывание в крае в период Русско-турецкой войны в 1877-1878 гг. вдохновило Ивана Айвазовского на создание двух картин – «Днестр» и «Угощение солдат на кишиневском вокзале в 1877 г.». Картины эти экспонировались на выставке Художественного салона в Кишиневе и стали для местных художников своеобразным мастер-классом. Василий Верещагин приехал в Кишинев в 1877 г. во главе группы известных художников-баталистов. Его полотна, написанные во время боевых действий, пользовались огромным успехом среди бессарабских ценителей искусства. Местное «Общество любителей изящного искусства» постоянно выставляло полотна И. Репина, И. Левитана, В. Маковского, В. Верещагина и местных художников. Ставшие впоследствии известными в крае художники Н. Гумалик, Е. Малешевская, Н. Иванова и И. Хесс занимались в классе академика И. Репина в Петербургской академии художеств. Они во многом усвоили реалистическую манеру живописи своего учителя. Не обошел своим вниманием И. Репин и уроженцев Бессарабии А. Щусева, П. Шиллинговского и И. Кройтора. Ни одна выставка работ художников-передвижников в Кишиневе не обходилась без известных полотен И. Репина, И. Левитана, И. Шишкина, В. Васнецова, В. Поленова. Произведения И. Репина экспонировались и на выставках «Товарищества южнорусских художников».

Солидная галерея славных имен представлена в подразделах «Драматический театр» и «Композиция и музыковедение». В представленных материалах об актерах и актрисах, режиссерах и композиторах, пианистах и дирижерах, певцах, этнографах, фольклористах, педагогах, меценатах и антрепренерах прослеживается весьма насыщенная театральная и музыкальная жизнь нашего края в контексте взаимосвязи с мировой и русской культурой. Узнать об этом читателю словаря-справочника будет тем более интересно, поскольку ни в столице, ни в других крупных городах Бессарабии не существовало собственного стационарного театра. Между тем, в Кишиневе гастролировали известные театральные труппы Павла Гагарина, Виктора Петипа, Веры Комиссаржевской и других антрепренеров. Кишиневцы восторгались мастерской игрой таких видных российских актеров и актрис, как Борис Богданович, Константин Варламов (сын популярного компози-

тора Александра Варламова, чья родословная уходит корнями к бессарабским помещикам), Владимир Давыдов, Евлалия Кадмина, Вера Комиссаржевская, Александр Ленский (уроженец Кишинева), Корней Полтавцев.

На поприще музыкального искусства на подмостках Кишинева, Бендер, Дубоссар и других городов блистали композитор и пианист, дирижер и педагог Антон Аренский, скрипач европейского уровня, композитор и педагог Генрик Венявский, друживший с величайшим пианистом эпохи, выходцем из Бессарабии Антоном Рубинштейном, выдающийся композитор и пианист Александр Скрябин, певец и драматический актер Семен Гулак-Артемовский, композитор, автор первого российского гимна «Гром победы, раздавайся», знаток молдавского фольклора Осип Козловский, один из организаторов создания в Кишиневе отделения Российского музыкального общества, музыкальных классов и первого в крае музыкального училища, композитор, пианист и педагог Владимир Ребиков.

Уверен, с большим интересом и пользой для себя читатели познакомятся с фактами биографии и основными творческими достижениями мастеров искусства, изложенными в материалах подразделов «Дирижирование», «Инструментальное искусство», «Вокальное искусство», «Хореография» и «Цирковое искусство». Наряду с достаточно широко известными именами, такими, как певцы Александр Вертинский и Анастасия Вяльцева, Леонид Собинов и Надежда Плевицкая, Федор Шаляпин и Антонина Нежданова, артисты цирка Иван Заикин, проживший немало лет в Кишиневе, братья Дуровы, представлена целая плеяда лиц, о существовании которых мало кто знает сегодня. Это, в частности, побывавший в разное время в Кишиневе со своим хором «Славянская капелла» дирижер Дмитрий Агренов-Славянски; хоровой дирижер, композитор и основатель «Бессарабского музыкального общества» (1931 г.) Вячеслав Булычев; хоровой дирижер и педагог, один из организаторов хоровой капеллы «Дойна» (г. Тирасполь, 1931 г.) Константин Пигров; пианист, дирижер и композитор, преподаватель консерватории в Кишиневе Иван Базилевский; «царь виолончелистов века» Карл Давыдов; скрипач и педагог Василий Салин; оперные певцы и певицы Мария Алешко, Иван Алчевский, Василий Анненков; певец и преподаватель кишиневской консерватории Василий Долев-Горчаков; оперный певец и знаменитый антрепренер Владимир Любимов; выдающийся камерный певец Александр Мозжухин; видный певец и педагог Николай Фигнер; артисты балета и талантливые хореографы Тамара Карсавина, участники первых в крае показов классической хореографии Георгий и Лидия Какшт, Сергей Легат; видные балерины Евгения Лопухова и Мария

Петип; крупнейший балетмейстер и танцовщик Михаил Фокин; известный клоун-дрессировщик, один из родоначальников знаменитой артистической династии Дуровых Владимир Дуров и его брат Анатолий и многие другие основательно забытые и полузабытые мастера искусств, представители богатой русской художественной культуры XIX и первой половины XX ст.

Ярким свидетельством живого взаимодействия и взаимовлияния молдавской и русской национальных культур являются тщательно подготовленные материалы об основных вехах биографии и творческих достижениях целого созвездия выходцев из Молдавии и уроженцев Бессарабии, внесших значительный вклад в развитие русского национального искусства. Вот их имена: выдающийся композитор, пианист и дирижер, прямой потомок господя Штефана Великого Сергей Рахманинов и его двоюродный брат, видный пианист, дирижер и музыкальный редактор Александр Зилоти; выдающийся пианист-виртуоз, обладатель «поющих рук», композитор и педагог, организатор профессионального музыкального образования в России Антон Рубинштейн; видный артист драмы, оперный и опереточный певец, театральный режиссер и педагог Александр Ленский; уроженец Кишинева, музыковед-академик, педагог и музыкальный деятель Александр Оссовский; пианист, композитор и педагог, народный артист СССР Александр Гольденвейзер; выдающаяся оперная певица, профессор Московской консерватории народная артистка СССР Антонина Нежданова (чьи предки из Бессарабии); оперная и камерная певица, «солистка Его Величества» Аделаида Большка (урожденная Скомпска); известный оперный певец, исполнитель главных ролей Николай Горчаков (настоящая фамилия Попа); оперная певица Елена Катульская и другие наши земляки. Еще в конце XVIII в. в Молдавии начинал свою музыкальную карьеру (в ставке светлейшего князя Григория Потемкина) Даниил Кашин, ставший впоследствии известным русским композитором, пианистом, дирижером, педагогом и собирателем фольклора.

Второй раздел словаря-справочника «Деятели искусств Бессарабии (XVIII – 1-я половина XX в.)» включает в себя те же жанровые подразделы, что и первый (кроме циркового искусства). Особо следует отметить, что в указанный период творческие контакты мастеров искусств России с бессарабцами не теряют своей интенсивности (гастроли оперных и драматических трупп, известных певцов и музыкантов, хоровых коллективов, мастеров цирка и др.). В данном разделе, так же как и в первом, с интересом читаются материалы, посвященные и выходцам из Бессарабии, вписавшим немало ярких страниц в историю русской и зарубежной художественной культуры.

Самобытный архитектор и градостроитель Алексей Щусев создал в России ряд шедевров архитектуры, искусно вплетая в свой творческий арсенал традиции молдавского зодчества. В свою очередь, благодаря его «верному глазу и хорошему вкусу», молдавские архитекторы начали применять метод ансамблевой застройки городов. Гавриил Барановский основал в Санкт-Петербурге журнал «Зодчий», стал автором многотомной «Архитектурной энциклопедии». Одним из самых искусных художников-реставраторов своего времени рекомендовал себя живший в Москве и Париже Ион Кроитору. Известный художник и скульптор академик Фома Райлян редактировал и издавал журнал «Свободные искусства» и газету «Против течения» (Санкт-Петербург). Талантливый график, живописец академик Павел Шиллинговский преподавал в Петербургской академии художеств. Гордостью русской оперной сцены стали выпускники Петербургской и Московской консерваторий А.П. Антоновский, Л.Я. Липковская, Е.Е. Луч (Лучезарская), Г.Д. Афанасиу, Я.Л. Горский, оперная и опереточная певица Иза (Изабелла) Кремер, легендарная исполнительница русских и цыганских романсов Варя (Варвара) Панина. Своим педагогическим и исполнительским искусством прославили Бессарабию Гавриил Музическу, Евгений Кока, Константин Златов и многие другие наши талантливые земляки. А сколько новых, неизвестных имен откроют еще каждому из нас страницы словаря-справочника!

Годы учебы студентов из Бессарабии и Молдавии в лучших учебных художественных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Одессы, многолетнее знакомство жителей края с достижениями русской художественной культуры трансформировались в конкретные результаты, позволившие приступить к непосредственному формированию в крае профессионального многожанрового искусства. Местные кадры, что называется, «ковались» в частных и официальных музыкальных и художественных школах (училищах), в мастерских и на персональных выставках, в ходе многочисленных концертов перед публикой. Во втором разделе словаря-справочника речь, кстати, идет только о ста девятнадцати (в первом разделе о ста трех) конкретных носителях материальной и духовной культуры, внесших неоценимый вклад в сокровищницу национального искусства края: архитекторах и градостроителях, художниках, актерах драмы и кино, композиторах и музыковедах, дирижерах и музыкантах, певцах и певицах, хореографах. Может быть, не каждая биография представлена достаточно полно, однако читатель должен понимать, что такое случается в основном из-за отсутствия необходимой информации. Тем не менее, надо согласиться, что даже десяток-другой строк о человеке-творце закрепляет его образ в памяти поколений. И это справедливо.

К чести авторов-составителей нужно сказать, что более глубокому и тонкому восприятию представленных в книге статей помогает умело подобранный иллюстративный материал. Большинство сообщений сопровождается фотографиями, повествования об архитекторах и градостроителях дополняются снимками их лучших строений, рассказы о художниках – иллюстрациями их лучших полотен, сведения о композиторах – списком лучших произведений, сообщения о певцах – перечислением лучших сыгранных партий в спектаклях, режиссеры драмы представлены списком лучших постановок и т. д. Приводятся также персональные сочинения и список литературы о лицах и персоналиях.

Думается, что не только специалисты, но и рядовые читатели с интересом познакомятся с культурологическими статьями, помещенными в разделе «Приложения», а также с историко-культурологическим очерком идейного вдохновителя создания словаря-справочника и одного из его авторов Константина Шишкана «Плоды одного дерева», предворяющим это издание. Характерно, что лица и персоналии, представленные в словаре-справочнике, адекватно отражают складывавшийся веками полиэтничный состав населения нашего края: здесь рассказывается о представителях многих народов – молдаванах и русских, украинцах и евреях, поляках и греках, немцах и французах, итальянцах и русинах.

Уверен, читателей не может не порадовать качество издания, его типографское и художественное оформление. Книга издана по инициативе и при поддержке Правительства Москвы, Международного Совета российских соотечественников, Посольства Российской Федерации в Республике Молдова, Конгресса русских общин Республики Молдова и Кишиневской общины россиян.

Итак, проделана огромная поисковая коллективная работа. Результат налицо. Свою лепту в этот труд внесли ученые Академии наук Молдовы, а также научные сотрудники других институтов и творческих организаций. Во введении к изданию, в частности, отмечается, что оно «не претендует на охват абсолютно всего художественного процесса (да это и невозможно), но представление о нем поможет составить достаточно полное». Как бы то ни было, появление в свет этого издания вызовет большой общественный, несомненно, положительный резонанс не только в нашей республике, но и в России. Работа над вторым томом издания, охватывающим вторую половину XX – начало XXI в., продолжается.

Михайло ФЕЙСА

ТРИ НОВИ ВИДАВАТЕЛЬНИ ПОДНЯЦА РУСНАЦОХ

Док, з єдного боку, економска криза прициска шицки сфери живота войволянских Русинох / Руснацох, з другого боку, як кед би ше то не одношело на видавательство. У остатніх штирох мешацох зоз друку вишли три окреме значни публикації.

Першу представя Информатор «Руснаци у Сербії» у виданю Национального совита рускей националней меншини, Завода за культуру войволянских Руснацох и Новинско-видавательної установи «Руске слово». Слово о кнїжки, до хторей инкорпоровани найзначнейши историйни и актуални податки о рускей националней заєднїци у Сербії. Информатор публиковани на трох языкох – руским, сербским и англійским. Информатор фактично публиковани як два кнїжки, у двох верзийох – у руско-сербскей и руско-англійскей. Зоз руского на сербски язык текст преложела Тат`яна Яким, а на англійски – проф. др Михайло Фейса¹.

Информатор творя 6 поглавя: «Историят», «Национални символи», «Образованє и воспитанє», «Культура», «Медії» и «Виросповіданє». Попри жзатого препатрунка 260-рочного живота Руснацох на просторох Бачки и Срима, основних податкох о гербу, застави и националним швету, о улоги и составу Национального совиту рускей националней меншини, о образованю (од предшколского по високошколске), од огромного значеня же ше координаторки Проекта Тат`яни Якимовей, по перши раз попишело пописац руски институції, организациї и асоциациї (начишлени 20), манифестації при Руснацох (начишлени 25) и медії (начишлени 14). Информатор ше закончує зоз поглавїом, хторе пошвещене Апостолскому егзархату за грекокатолїкох у Сербії и Чарней Гори.

Публикация богато илюстрована зоз 230 фотографиями. За сучасни дизайн найвецей заслужни Любомир Сопка. Податки у Информатору презентовани на популярни и сучасни способ. До публикацииї уключени 60 адреси, 143 телефонски числа, 60 електронски адреси и 20 Интернет-адреси. Информатор доступни и у електронскей форми на адреси www.rusini.rs.

Публикация промовована 22. юния у просторийох Завода за культуру войволянских Руснацох. О ней бешедовали председатель Национального совита рускей националней меншини Славко Орос, директор

Завода за культуру войволянских Руснацох Мирослав Кевежди, одвичательна редакторка Елена Перкович спред Новинско-видавательней установи «Руске слово» и координаторка Проекта Тат'яна Яким. Шицки ше зложели же слово о кнїжки од винїмкового значеня. Окреме наглашене же публикация оригинални продукт з оглядом же ані єдна национална заеднїца у Сербїї не ма подобну публикацию. Вона вшелїяк може послужити другим национальным заеднїцом як приклад.

Друга промоция отримана у Дюрдьове, 27. августа, на Кампу волонтерох, хтори ше зишли зоз цалого швета рестауроуач очкодовани образи на иконостасу у Грекокатолїцкей церкви Пресвятей Богородици у Дюрдьове. На промоциї председатель Национального совета рускей национальной меншини Славко Орос представел и Национални совет Руснацох, и змист Информатора, хторого и подзелел каждому з учаснїкох. Проф. др Михайло Фейса перше прекладал слова Славка Ороса симултано на англійски, а потим отримал преподаване о Руснацох тиж на англійским язїку. Числени и рижнородни питаня у часци намененей за дискусию указую не лем же Славко Орос и Михайло Фейса заинтересовали слухачох, але и же исти неспорно буду у своїх жемох прави амбасадоре рускей культуры и руснацтва. Просто фасцинує думка дзе ше на Жемовой кулі Информатор будзе хасновац и на хтору точку глобуса вон шицко дойдзе.

Друга публикация - результат штвартого² медзинародного русинистичного сотрудничтва «Народ нїодкадз» професора Павла Роберта Магочия. Кнїжка, иншак, попри рускей верзиї (промовованей 4. юния на 10. Конгресу Русинох/Руснацох/Лемкох швета у Руским Керестуре), ма и англійску, русинску, словацку, украинску, румунску и горватску верзию (промовована 5. юния на 10. Конгресу Русинох/Руснацох/Лемкох швета у Петровцох).

Змист кнїжки творя дзевец поглавя, а змист перших штирох: 1) Географске положене Карпатскей Руси; 2) Держави и народи; 3) Вчасна история Карпаторусинох (V-VI ст.); 4) Политика, религия и националне самоосвидомене од XVI по XVIII век) за читательох виданьох НВУ «Руске слово» по тоту хвильку бул своефайтова табула раза. За войволянских Руснацох история починала так, як є представена, меди иншим, и у ТВ-филму «Атлантида ещи существуете» – од подписованя контракту о присельованю зоз Горнїци, то єст зоз сиверних крайох тедишней Австро-Угорскей. Нашо историчаре од тей подїї доходза углавним лем по 1918. рок, цо у «Народу нїодкадз» покрива лем єдно, и то 5. поглаве. Змист 6. и 7. поглавя у Сербїї/Войводини лем предмет поединечних статїях³.

У «Илустрованей истории Карпатских Русинох» (цо поднаслов кнїжки провокативного наслова «Народ нїодкадз»⁴) находзи ше квин-

тесенция русинской/русской/лемковской истории. У ней дата, мож повесц, азбука живота войволянских Русинох / Руснацох. Историйни події представени преглядно, жгато и концизно. На моменти аж и префактативно. Одношене текста и фотографского, илюстративного и маперского материялу дзешка виедначене. А познате же фотография заменое вельо дзешатки словох.

«Народ нїодкадз» академика Магочия, без сумні, спричині же генерални попатрунок Руснацох Войводини/Сербиї на нас самих вещей не будзе исти. Кнїжка заслужуе буц приручник за историю Руснацох на шицких уровньох школованя – од основного по високошколски. Окреме є необходимо на високошколским ступню, прето же ше и нешка спорадично зяваю публикации, у хторих ше уж такой у першим виреченю надрилюе априорне становиско автора же Руснаци часц украинской нації (оп. напр. Рамач, 2007: 23). Кед вежнеме до огляду же материя у дотичней публикації ма за тему живот русской национальной заеднїци лем по перши децениї 20. века, по часи кед украинство Руснацом було цудзе, постава ясне же авторови циль транспоноват синхронию (односно його нешкайше особне политичне становиско) на дияхронию (на историйни период, хтори оброблюе) и же ту не слово о чистой науки⁵.

Видавательства Валерия Падыка фотографії поробело наисце на високом уровню. Звичайного хаснователя кнїжки може збунїц же як то, кед совидаватель тей кнїжки НВУ «Руске слово», нет шарварох, голем дас на двох-трох фотографийох, на цо нас уж скоро звикли директор Владимир Паланчанин и главна и одвичательна редакторка новинкох «Руске слово» Елена Перкович. Мож повесц же Карпаторусини и їх история за НВУ «Руске слово» представляли скоро табу теми. Наприклад, лем зявйованє синтагмох Перше, Друге и Треце национальне будзене (цо наслов 9. поглавя кнїжки) за виданя НВУ «Руске слово», а окреме за «Шветлосц» Миколи Цапа, дошка цо асоцира на наукову фантастику и дацо екстратерестрияльне⁶.

Автор Павел Р. Магочи зоз тоту 120-бочну кнїжку, мож повесц, унесол значне количество шветлосци до цмоти, хтора претендовала запановац у издавательству войволянских Руснацох. Дзекуючи велькому русинскому меценови Стивенowi Чепови прикладник кнїжки преїг диструбутерох бесплатно подаровани каждому предплатникови «Руского слова»⁷. Змист кнїжки, без сумніву, обезпокої тих цо роками пласую флоскули типа Руснаци – Украинци, наш язык диялект украинского и подобни⁸.

Преклад на руски язык покончили Анита Говля, студентка на мастер-студийох, Одделеня за русинистику Филозофского факултета, етнограф Любомир Медеши зоз Саскатуна у Канади и координатор прекладательного тима, проф. др Михайло Фейса.

Трета публикация, «Функционоване конструкції/форми Вø у преношено часо-видових одношеньох у приповедкох Гавриїла Костельника», представена 24. августа у Заводу за культуру войволянских Руснацох. Лингвистична студия, у сущности, представя предлужене авторових двох предходзащих. Док ше у «Английских елементах у руским язике» (1990) автор повецел лексичному уровню и анализи англизмох у руским язике, у «Часу и виду у руским и английским язике» (2005) – контрастивней анализи двох насловених дієсловних категорийох у найзначнейшим язике шветовой комуникації и у єдним зоз наймладших славянских язикох, хтори хасную 16.000 людзе у Сербії (т.е. у єдним з микроязикох, як руски язык класификує професор Александер Д. Дуличенко зоз Естонії). Контрастивна анализа, базована на сучасних лингвистичних спознаньох славистики и англистики, резултовала зоз виробком методології, хтора може послужити, з єдного боку, за дальши контрастивни вигледованя руского и других неславянских язикох, а, з другого боку, за компаративистични вигледованя знука славянских язикох.

Як на промоції наглашел проф. др Предраг Новаков, шеф Одзелєня за англистику Филозофского факултета и єден з рецензентох тей студії, професор Фейса не покончел лем всестрану анализу граматичних категорийох часу и вида у руским и английским язике, цо тема вигледовацкей часци роботи, але преїг глібокого и зложеного морфосинтаксичного и семантичного приступа гу тим категорийом, обезпечел методологийну основу за будучи язични анализи од общелингвистичного значєня. Окремне доприношенє професора Фейси у тим же видзелел и ясно дефиновал дієсловну категорию акционсарта и, паралелно з тим, редефиновал традиційни дефиниції категорийох часу и вида.

Мр Гелена Медєши, як єден з рецензентох «Функционованя конструкції/форми Вø», визначєла же тоту озбильну, фундаменталну и насампредз хасновиту студию др Михайла Фейси найширше препоручєла видавательови за обявйованє пре три основни причини:

1. Студия обяжне доприношенє подполному спатраню дієсловних формох и конструкцийох у нашим язике на найсучаснейших методологийних основах у лингвистики, хтори незаобиходни у дальших русинистичних и вообще славистичних и англистичних вигледованьох;

2. Студия будзе велька помоц професором и наставніком руского языка у обробку дієсловних формох, а студентом оможліви вельо ширше и детальнейше спатриц спомнуту тематику, хтора их уведзе як до проблематики контрастивного виучованя двох язикох, так и до проблематики критичного одношеня гу граматичним датосцом;

3. Студия, на концу, и ширшому кругу читачох укаже на можливосци функционованя конструкції/форми *Вø* у преношеном часо-видових одношеньох на нешкайши язык, яки у часе кодификатора руского языка др Габра Костельника були фреквентни.

«Функционованє конструкції/форми *Вø*», мож повесц, представля примену розробеней поняцовой и терминологийней основи на руски корпус, хтори у тим конкретним случаю твора перши целосни прозни тексти на руским языку – 96 боки зоз коло 2.000 виреченьями – зоз другей, трецей и штвартей децениї двацетого вику, у хторих зазначена жридлова, народна бешеда Руснацох. З оглядом же язык Костельникових 10 приповедкох источасно и дакедишня бешеда Руснацох, неасимілована у таким ступню, у яким є нешка, ей запис представля неутрални и обективни вигледовацки корпус, хтори автонови оможлівел з иншакого боку приказац анализовану проблематику у шицких наших трох потерашніх руских граматикох⁹. Преїг конструкції/форми *Вø*, хтора традиційно наволована презент, автонови ше поспишело спатриц целосну дієсловну систему руского языка.

Кніжку видали Видавательна хижа «Прометей» и Филозофски факултет – Одзелене за русинистику з Нового Саду. Спред видавательох на промоції бешедовал директор ВХ «Прометей» Зоран Колунджия и, попри винчованкох авторови, визначел же остатні пол децениї їх видавательна хижа глібоко зачирена до лексикографских виданьох, як сербских, так и и язичних виданьох на руским языку. «Прометей», наприклад, попри тим же видал капитални «Вельки словнік странских словох и виразох» Ивана Клайна и Милана Шипки (2006), по конєц 2009. року пририхтує и публикованє двох правописних словнікох – сербского и руского языка. На чолє редакції «Правописного словніка руского языка» праве автор промовованей лингвистичней студії.

Шицки три значни публикації не лем же найду свою читательну публику, але су каждая на свой способ значни прилог необсяжней библиотеки зоз рускей филології и маю место у студентскей литератури. Перша и друга спомнута за курс «История Руснацох», треца – за курс «Руске дієслово».

ПРИЗНАЧКИ

1. Слово о першим интегралним прекладу зоз руского языка на английски язык при Руснацох у Войводини. Треба, медзитим, наглашиц же перши интегрални преклад з руского на английски язык зробени не у Сербії, але у Канади, дзе на английски язык мр Славомир Олеяр зоз Торонту преложел кніжку Дюри Папгаргая «Путованє на юг».

2. Публикация «Let's Speak English and Rusyn / Бешедуйме по английски и по руски» академика Павла Роберта Магочия и профессора др Михайла Фейси (обявена 1998. року у Новим Садзе) представля перши значни медзи-народни русинистични проект, до тогого включени и войводянски Русини / Руснаци. Шлідзели еши два винімно значни, хтори означели початок третьего милениума и, з єдного боку, потвердзели русински язык як єден зоз 14 славянских языкох, а, з другого боку, Карпатских Русинох уведли як таких, як Русинох/Руснацох/Лемкох, а не як даяких иншаких, гевтаких або тамтаких, до глобалней енциклопедистики. «Слово о публикацийох Русинський язык» (обявеной 2004. року у Ополу, Польска; главни редактор Павло Роберт Магочи) и «Encyclopedia of Rusyn History And Culture» (обявеной 2002. року у Торонту, Бафалу и Лондону, главни редакторе Павле Роберт Магочи и Иван Поп).

3. Винімок у тим напр. кніжка «Руснаци у Войводини», хтора обявена по сербски, Владимира Бильні (оп. Biljnja, 1987).

Публиковане при сербских видавательох, иншак, не єдинствени случай, окреме кед слово о публикацийох, хтори чуваю руску традицию як руску. Так, наприклад, порозумене за репрезентативну публикацию порушану з нагоди 260-рочніци приселеня Руснацох на тоти простори, кед Руснаци мигровали зоз сиверних до южных крайох Австро-Угорскей, автор тих шорикох находзи не при своєї єдиней рускей, националней видавательней хижи, чийо заняти по логики ствари би прето у ней и мали буц заняти, але при сербскому видавательови, при Видавательней хижи «Прометей» з Нового Саду, односно єй директорови Зоранови Колунджийови.

4. Гоч кніжка професора Магочия ма провокативни наслов «Народ нїодкадз» (хтори приволює способ представляню у шветових розмирох славного снователя поп-арта Ендия Воргола, односно Андрия Варголи, карпато-русинского походзеня), змист кніжки, напроцив, дава рамки за похопіюване походзеня и егзистованя Карпатских Русинох/Руснацох/Лемкох. Вони ані случайно не народ нїодкадз. Вони ані случайно ту не спадли, хто зна одкадз. Ані ми Руснаци Войводини / Сербії не жиєме лем у пар општинах у Бачки.

5. На 23. боку у 1. виреченю параграфа 1.1.1. проф. др Янко Рамач у своєї докторскей дисертациї (обявеной 10 роки по хвильки одбраньованя у Ужгороду, у Україні, пред Комисию, чийо члени як и держава, хтора их плаци вообщє не припознаваю Русинох/Руснацох як таких), пише же: «Русинох на Закарпат`ю, у Галичини и Руснацох у Южней Угорскей у тей студії, ше третира як часц українского народу», и попри тим же историйна правда же у периодзе, хтори автор обробоє, цо визначене и у самим наслову («Руснаци у Южней Угорскей - од 1745. року по 1918. рок»), т.є. по концє Першей шветовой войны, були урядово у шицких крайох Австро-Угорскей (а и по єй розпадованю, углавним по фамозни Сталїнов декрет, по законченю Другей шветовой войны) познати як Руснаци/Русини/Ruthén-и, цо далєй значи же нет основи до наукового змиста инплантовац политични, ненауково, приватни становиска автора, насампредз прето же як таки вообщє не маю вязи зоз обробиювану тему. Кніжка би була добра и без тей априорней констатациї, а так, евидентне, автор своєю синхроне, однародзуюце становиско пресадзує

на дияхрони, историйно потвердзуюци ентитет. И то не з целью же би на-словена тема була вичерпана, але же би тема була инструментализована. Автор тих шорикох просто не може вериц же дотични историчар не свидоми того, у чим ше находзи и вон и його матична жем, єдина держава у швецехтора не припознава Руснацох як Руснацох.

6. Треба повесц же ше, правда, на єдним боку тижньовніка «Руске слово» з часу на час и зяви тематика пошвєцєна Руснацом за гранїцами, але 50 % од той тематики ше по правилу главней редакторки муши не дотикац активносцох Руснацох рускей свидомосци, але Руснацох однародзуюцей, украинскей свидомосци. То, иншак, найдиректнейши пошлїдок штучно запровадзєного балансерая з тенденцию же би ше руска и неруска опция представляли читательству у одношеню фифти-фифти. Одрєдзєна групочка, инфилтрована до НВУ «Руске слово», непрерывно ше намага надрилиц у сущносци анї несуществуюцу дилему, хто зме цо зме, скриц одрєдзєни историйни факти и фалсификовац змист документох. Велї фундаментални историйни факти, документи и мапи преїг «Народа нїодкадз» перши раз доступни широкому кругу Руснацох-читательох.

7. Кнїжка предствая витворєне єдней з догваркох, хтору направели академик П.Р. Магочи, проф. др М. Фейса (под час реализованя стипендиї Стивєна Чєпи) и п. Стивєн Чєпа у октобру 2007. року у Торонту.

8. Медзи хторима и редакторє «Шветлосци» и Видавательней НВУ «Руске слово», чийо мєна з тей нагоди нєт потреби анї споминац. Вони напрупарто онєможлївою зопєранє фалсификованя историйї (по хторим ше пред 260 роками до Коцура и Вєрбасу присєлєли Украинци, а нє, як то потвердзую числєни примарни историйни документи – Руснаци грекокатолїцкей вири).

9. *Гаврил Костельник* (1923) «Граматика баваньско-рускей бєшєди» у: *Гаврил Костельник* (1975) «Проза». Нови Сад: Руске слово; *Микола М. Коцши* (1977) «Граматика руского языка: Фонетика – морфология – лексика I». Нови Сад: Покраїнски завод за видаванє учебнїкох; *Юлиян Рамач* (2002), «Граматика руского языка». Бєоград: Завод за уцбєникє и наставна средства.

ЛИТЕРАТУРА

Barić E. (2007). *Rusinski jezik u procijepu prošlosti i budućnosti*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje.

Biljnja V. (1987). *Rusini u Vojvodini*. Novi Sad: Dnevnik.

Дуличенко А.Д. (1981). *Русинский язык у: Супрун, А.Е. и Калюта, А.М.* (1981) *Введение в славянскую филологию*. Минск: Высшая школа. С. 132-134.

Дуличенко А.Д. (1995). *Jugoslavo Ruthenica I*. Роботи з рускей филології. Нови Сад: Руске слово.

Дуличенко, А.Д. (2002). Кнїжка о руским языку (умножєне як рукопис, без рецензєнтох). Нови Сад: Руске слово, Дружтво за руски язык, литературу и культуру.

- Дуличенко А.Д.* (2003-2004). Славянские литературные микроязыки I-II. Образцы текстов. Тарту: издательство Тартуского университета.
- Дуличенко А.Д.* (2009). Jugoslavo Ruthenica II. Роботи з рускей филології и исторії. Нови Сад: Филозофски факултет, Руске слово.
- Костельник Г.* (1975). Проза. Нови Сад: Руске слово.
- Кочиш М.М.* (1971). Правопис руского языка. Нови Сад: Покраїнски завод за издаване учебнікох.
- Кочиш М.М.* (1977). Граматика руского языка: Фонетика – морфология – лексика I. Нови Сад: Покраїнски завод за издаване учебнікох.
- Магочи П.Р. и Фейса М.* (1998). Бешедуйме по англійски и по руски / Let's Speak English and Rusyn. Нови Сад: Руске слово.
- Magosci P.R. i Pop I.* (2002), editors. Encyclopedia of Rusyn History And Culture. Toronto - Buffalo - London: University of Toronto Press.
- Магочи П. Р.* (2009). Народ нїодкадз. Ужгород; Нови Сад: Видавельство Валерия Падыа, НВУ «Руске слово».
- Медеши Г.* (2008). Язык наш насущни. Нови Сад: Дружтво за руски язык, литературу и култур.
- Орос С., Яким Т. и др.* (2009). Руснаци у Сербії: Информатор. Руски Керестур: Национални совет рускей националней меншини, Завод за культуру войвођанских Руснацох, НВУ «Руске слово».
- Рамач Ю., Фейса М. и Медеши Г.* (1995, 1997). Српско-русински речник / Сербско-руски словнік. I-II. Београд; Нови Сад: Завод за учебніки и наставни средства, Универзитет у Новом Садзе, Филозофски факултет, Катедра за руски язык и литературу, Дружтво за руски язык и литературу.
- Рамач Ю.* (2002). Граматика руского языка. Београд: Завод за уцбенике и наставна средства.
- Рамач Я.* (2007). Руснаци у Южней Бачкей (1745-1918). Нови Сад: Войвођанска академија наука и уметности.
- Фейса М.* (1990). Англійски елементи у руским языку. Нови Сад: Руске слово.
- Фейса М.* (2004). Социолингвистични аспект руского языка: Войводина у: Русиньский язык Opole: Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej. P. 373-383.
- Фейса М.* (2005). Време и вид у русинском и енглеском језику. Нови Сад: ИК «Прометеј», Универзитет у Новом Саду, Филозофски факултет, Одсек за русински језик и књижевност.
- Фейса М.* (2007), гл. ред. Русини/Руснаци/Ruthenians (1745-2005) I. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК «Прометеј», КПД ДОК - Куцура.
- Фейса М.* (2007). «Руско-англійска контрастивистика» у: Русини/Руснаци/ Ruthnians (1745-2005) I. Нови Сад: Филозофски факултет, Одсек за русинистику, ИК «Прометеј», КПД ДОК - Куцура.
- Фейса М. и Медеши Г.* (2007). Правописни проблеми руского языка у ойводини у: Jazyková kultura a jazyková norma v rusinskom jazyku. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove, Ústav regionálnih a národnostných štúdií.

Фейса М. (2008). Руски язык у урядовой сфери у: Русинський язык меджі двома конгресами. Пряшів: Світовый конгрес Русинів, Інститут русиньского языка і культуры Пряшівской універзیتی в Пряшові. С. 92-95.

Фейса М. (2008). Учебнік за початне виучоване англійского. Ерато над Куцуром/Коцуром, 12. ИК «Прометеј», КПД ДОК - Коцур. С. 25-27.

Фейса М. (2009). Найвисши ступень меншинского образования у: Карпатские русины в славянском мире. Москва; Братислава: Univerzita Komenskeho v Bratislave, Filozofická fakulta, Katedra všeobecných dejín, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, кафедра истории южных и западных славян. С. 257-269.

Фейса М. (2009). Функціоноване конструкції/форми Во у преношеню часо-видових одношеньох у приповедкох Гавриіла Костельника. Нови Сад: ИК «Прометеј», Филозофски факултет, Одзелене за русинистику.

Фейса М. (2009). Тенденції розвою нормованя руского языка войводянских Руснацох // Международный исторический журнал «Русин». [Кишинев]. 2009. 1 (15). С. 101-109.

ПАТРИАРХ КИРИЛЛ ПРЕДЛОЖИЛ НОВЫЙ ТЕРМИН - СТРАНА РУССКОГО МИРА

Выступая на Третьей ассамблее Русского мира в ноябре 2009 г., патриарх Московский и всея Руси Кирилл предложил использовать термин «страна Русского мира» для обозначения объединенных русской культурой государств. Русский мир патриарх описывает как пространство, где русский язык используется как межнациональный, где развивается русская культура и хранится общая историческая память.

Патриарх отметил, что Русский мир не должен быть уникальным объединением. В качестве аналога он привел, в частности, британское Содружество наций. В качестве задач такого объединения стран Кирилл назвал установление системы отношений между элитами и гражданскими обществами этих стран, а также сохранение традиций русской культуры.

В частности, среди стран Русского мира обязательно должен соблюдаться принцип соборности, только тогда они смогут стать сильным субъектом международного права, отметил Кирилл. Также патриарх высказался против ассоциирования Русского мира с «матрешками, платками и самоварами». По словам Кирилла, в прошлом географически единое пространство Русского мира сейчас разрушено государственными границами различных стран. Тем не менее, народы, живущие на территории исторической Руси, должны чувствовать свою «общую цивилизованную принадлежность» и воспринимать Русский мир как «наднациональный проект».

По материалам Lenta.ru, РИА Новости

Аполлон СКАЛЬКОВСКИЙ

РУМЫНСКИЕ ДОБЛЕСТИ

Довольно обширный и многолюдный край, известный теперь под именем «Румынского Королевства», долгое время мало был известен в России. Для того мы считаем нужным напомнить нашим читателям, что он лежит между Дунаем, Прутом и Карпатскими горами и граничит с запада с Австрийско-Семиградской областью, или Трансильванией, а с севера с Бессарабией, т.е. Россией. Он состоит из двух отдельных частей, родных по происхождению и языку народностей, но почти всегда враждебных друг другу: Валахии и Молдавии. Часть последней под именем Бессарабия с 1813 г. принадлежит России. Южная часть этой части между Днестром и «Траяновым валом» была совершенно другого происхождения и обитаема совершенно другими жителями не румынских родов. Это Буджак, обиталище, а до 1807 года кочевье орды ногайцев. Это нынешний Аккерманский, частью Бендерский и частью бывший Кагульский уезды Бессарабской губернии. Часть Западной Бессарабии по Днестру называлась «Хотинской райей» и принадлежала собственно султанскому двору, а южная, обитаемая татарами, или Буджак – Порте Оттоманской только как сюзерену, а составляла в сущности удел или чефлик крымских ханов до конца 1770 годов.

Таков был край, называемый теперь «Румынией»; и многим русским людям, мало знакомым с историей Южной России, любопытно будет узнать значение этого наименования Молдавии и Валахии. Мы постараемся объяснить это имя по возможности. Турки, завоевав в течение XV и XVI столетий все земли Византийской империи и Италии в Крыму и на Азовских берегах, которую они называли *Рум*, т.е. Римом, оставили за некоторыми частями империи еще живое для них страшное имя римской провинции. Таким образом, собственно Греция называлась да и доселе называется у них *Рум*, город Неаполь в пров. Морее *Наполи ду Романи*, а вся бывшая Македония и часть древней Болгарии называлась Румелией и так называется и доселе. Но *румали*, или румы, как нация, обитавшая в упомянутом нами крае, никогда не назывались так в старые годы. Это имя скорее книжное, или хоть письменное, но не народное. Одна часть края называется Валахией, а в народе Мунтованами, т.е. горцами, из чего поляки сделали свое ей название *Multawy*, или Молдавия дальняя. Нет сомнения, что название Молдавии и молдаван весьма новое и произошло от р. Мол-

давы, как говорят историки Польши XVI столетия. Но откуда появилось название «Валахов», «Валахии» или *волоши*, как называли их воевавшие с ними козаки и поляки – определить трудно. Есть указание у Лелевеля и других польских историков, что это имя *доисторическое* и произошло от галлов – тех галлов, имя которых приурочено к автономам: в Валлийском княжестве в Англии, в Галиции Испанской и даже в Галиче Червонной Руси. Оттого некоторые этнографы полагают, что горные румыны хотя говорят на одном языке с молдаванами и исповедуют одну православную веру, называются волохами или влахами¹, а соседние с Бессарабией молдаване – от долин р. Молдавы, где они первоначально поселились. Но этот вопрос мы решать не смеем.

Другой вопрос, кто были первобытные или автономные жители Румынских княжеств, до сих пор не разрешен. Древние и средневековые писатели называют край этот «Дакийей», а главную часть жителей считают римскими колонистами, т.е. легионами, пограничными с теми из провинций, куда они были в наказание высланы, подобно нашим поселенцам Сибири. В числе их был и Овидий, злополучный поэт и царедворец Рима. В письме знаменитый поэт говорит о степях Румынии и Бессарабии:

Solitudo Gaetarum
Inermis et inaquosa.

А в другом письме – что варвары, к которым его сослали, считали его за «варвара» – незнакомого даже с туземным языком: *Barbarus hic ego sum quia non intelligor ulli* (Ovid. *Trist. ex Pont. X*). Он бы не мог сказать этого, если бы жил среди римлян, вольных или сосланных единоплеменцев.

Но мы имеем еще два неоспоримых документа о том, из каких элементов составилось существующее народонаселение Румынии. Это этнографический его состав в отношении земли, им заселенной, и его язык. На этот последний вопрос мы имеем довольно серьезное указание *Г. Гинкулова* в его сочинении – на русском языке – об элементах румынского языка². Вот что он говорит на стр. XIII своего предисловия:

«Вообще, в отношении к количеству слов, составляющих язык румынский, можно допустить следующую приблизительную пропорцию: от 4/10 до 5/10 слов в нем латинских, около 3/10 славянских, остальные же заимствованы большей частью из языков: венгерского, турецкого и греческого». Но о древнем языке туземном – гетском и дакийском – не сказано ни слова, хотя целые сотни слов и названий молдавского языка явно не принадлежат к упомянутым языкам, а имеют корень в автономном наречии – как само название Бессарабии, ибо поэт Овидий в своих «*Tristitia*» называет знакомых ему варваров «бес-

сами». В настоящее время судить об этом вопросе очень трудно, ибо так называемый книжный язык у молдаван представляет такую смесь разных языков и наречий, что в нем разбираться трудно и бесполезно.

Гораздо важнее для этнографа Румынии изучение географических названий местности, хотя бы, например, в XVIII столетии, на что имеются документы в атласах. Так, в карте Молдавии 1811 года, изданной в Вене абб. *Гербертом* по чертежам русского инженера *Боура* (1787-1796), мы находим чисто русские или славянские названия урочищ, а именно: Братушны, Слободы, Глубоко, Солощи, Млады, Кожуци, Коросты, Липовец, Владычно и др., рядом с полурумынскими и полуславянскими названиями: Вале-Солощи, Вале-Добри, Вале-Соколы, и чисто латинскими: Фогли, Ларги, Гальбни, Галети, Ридни; и это встречается на всяком шагу в северных, т.е. чисто молдавских уездах.

Но есть имена урочищ, рек, долин (балоне, вале) и, следовательно, селений, где звучат неведомые для нас названия, вероятно, туземного автономного происхождения, – быть может, от тех гетов, даков и даже «скифов», от которых и самую страну Овидий называет *solitudo Gaetarum*. Таковы: Балчане, Колцуне, Гинкул, Чучулея, Кацалея и т.д.

Мы уже не напоминаем о татарских названиях местностей собственно в степях Буджака, т.е. южной части Бессарабской губернии, напр.: Дручинж, Чимышлия, Абаклы, Садыклы, Татар-Кончак, Акмангит, Байрамча и др., так как они появились едва в XV или XVI столетии, т.е. после завоевания этой части Южной России турками и их вассалами – крымскими и ногайскими татарами. Самое название главного города Бессарабии – Кишинев (Кишла-нев), т.е. новое селение, есть уже смесь татарского с латинским, а название реки Бык славянского происхождения.

Но возвращаемся к языку румынских народностей, особенно же к славянскому. Славянский язык (преимущественно болгарское наречие) и его письменность имеют большое влияние на обитателей Румынии по следующему обстоятельству. Г. Гинкулов говорит (1 с. стр. XIV), что «славянская азбука была введена в молдавский письменный язык в XV столетии, когда старанием митрополита Феокиста при молдавском государе Александре Добром в богослужебных книгах латинские буквы заменены славянскими, да и самый язык понемногу введен в употребление. Тогда церковные книги, господарские грамоты и другие акты более двух столетий были писаны и даже печатаны; да и само богослужение в церквях совершалось на языке дунайских славян (болгарском)³. Но, прибавим, что в то же время не только народы Румынии, но само духовенство (большой частью) языка славян не понимало. Далее почтенный автор присовокупляет: «Только во время российского в княжествах управления (в 1830 году) правитель-

ство наше обратило бдительное внимание и на народное образование и вследствие этого заводило училища, предпринимало периодические издания, словом, дало толчок национальному просвещению».

А в политическом отношении что сделала Россия, т.е. русское правительство для пользы, спокойствия и развития в Румынских княжествах – увидим ниже.

Предшественники наших полков в Юго-Западной России: козачество, Литва, а после и Польша в XVI и XVII столетиях имели с владыками-завоевателями Румынии – турками и татарами многие и многие войны. Вся история этих двух столетий наполнена событиями разных, всегда почти пагубных и для края, и для неприятеля, чисто наезднических, можно сказать, подвигов не только воинов запорожских, но даже гетманов и королей польских на эти злополучные области. Всем известна катастрофа, постигшая короля польского Иоанна Альберта в 1498 году в лесах Буковины, где вся почти его армия погибла и сам король едва не пал, и если Польша не была разорена валахами, турками и татарами – то единственно благодаря жестокой и внезапной зиме, постигшей нападавших. Затем все рыцари, т.е. главные и меньшие гетманы: Конецпольский, Замойский, Жолкевский и др. - пробовали счастья завоевать для Польши или, лучше сказать, для себя Молдавию. И все эти наезды оказывались или бесплодны или губительны для наездников: кн. Вишневецкого замучили в Константинополе, Жолкевского убили под Цецорой в Бессарабии.

Россия, как держава еще непорубежная, позже других выступила на этом поприще. Всем известно, что первые военные шаги наши в этом крае были весьма для нас тягостны, хотя руководил ими бессмертный монарх Петр Великий. Мы говорим о так называемом Прутском походе, предпринятом по убеждению турецкого эмира – молдавского воеводы князя Кантемира и в надежде на его содействие и на помощь румун в доставлении – разумеется, за деньги – продовольствия и других припасов; о военной же помощи молдаван и речи не было. Но все обещания исчезли, как дым, когда русская армия явилась на берегах Прута и при устьях Дуная. Под предлогом засухи и саранчи войска наши не получали ни хлеба, ни фуража, несмотря на громадные суммы, отпущенные боярам-поставщикам, и сам Кантемир, не имевший в княжествах никакого значения, должен был спастись в рядах русской армии, чтобы его собственные подданные не выдали его султану. Но эта кампания слишком известна всякому русскому, чтобы еще раз повторять злополучный ей эпизод. Ее последствием было заключение с турками Прутского договора 12 июля 1711 г., с потерей Азова и крепостей, построенных русскими на берегах Азовского моря и Днепра, и в том числе и нового города на мысе Таганрог.

Тоже горькие события принесла нам кампания, окончившаяся Белгородским договором 16 августа 1739 г., несмотря на храбрость русской армии и победы Миниха – взятие Очакова и Кинбурна, затем и почти всей Северной Бессарабии. Но русские войска не могли проникнуть к югу Бессарабии, покорить Буджак, прогнать в Крым ногайцев и занять Аккерман, Бендеры и другие меньшие днестровские крепости. Напрасно Ласси бил хана крымского и разорил его владения. Но, благодаря лживой союзнице – Австрии, спешившей заключить отдельный мирный договор с Турцией во вред России, русская армия должна была отступить и не спасти ничего из петровских завоеваний, а главное – не позволили нам достигнуть заветной мечты великого царя – свободного плавания по Азовскому и Черному морям русским, даже торговым кораблям.

Здесь в первый раз политические сношения России с Турцией на счет румынских областей определяются категорически. Так, дополнительными к белградскому трактату договорами в Ниссе и Константинополе 3 октября и 28 декабря 1739 года определено: «Крепость Хотин и все места, занятые россиянами в *Молдавии*, будут возвращены Турции в таком положении, в каком они находились».

Из этого договора всем нам видно, что Румыния как держава за 100 лет не существовала, а ее области возвращаются, как утраченная временно ее собственность.

Но наши серьезные политические сношения с Румынией, или лучше сказать, за румынов, начались в царствование императрицы Екатерины II и продолжались уже более столетия – но для их только пользы. Всем известны достославные договоры, заключенные с Турцией в 1774 и в 1791 годах. В первом, т.е. Кучук-Кайнарджинском трактате 10 июля 1774 года ст. XVI в 10 параграфах выражены категорически все те милости, которые излиты Россией княжествам Молдавскому и Валахскому, добыты жертвой тяжкой войны (1769-1774 гг.) с могущественною тогда Турцией, при поддержке еще ее нашей милой союзницей, – и жертв крови нашего благородного русского войска и многих миллионов рублей, затраченных на сии наши кампании. Мы списываем здесь дословно некоторые пункты таких договоров, чтобы показать современникам, какие тяжкие жертвы несло наше отечество для пользы или, лучше сказать, политического воскресения православных, хотя и чуждых нам по языку и обычаям народов⁴.

«§ 1. Порта возвратит княжествам все права и преимущества, какими они пользовались до начала войны.

§ 3. Возвращены будут все земли, занятые во время войны с турками, принадлежавшие монастырям и частным лицам, в округах: Браиловском, Хотинском и Бендерском.

§ 6. Порта не будет требовать от жителей княжеств никакой уплаты старых долгов.

§ 9. Господари сих княжеств будут иметь при Константинопольском дворе уполномоченных от себя, с коими Порта должна поступать благосклонно, как с особами, пользующимися правами народными.

§ 10. Российские посланники при Порте имеют право действовать, если встретят в том надобность, в пользу княжеств Молдавии и Валахии.»

Но «угнетение» Россией румынского «народа», говоря языком нынешней молдавской интеллигенции⁵, еще этими милостями не довольствовало, как видно из следующих строк предварительного договора с Турцией 27 декабря 1789 года (§ 4), которым императрица Екатерина II потребовала от Турции «согласия на то, чтобы из Молдавии и Валахии образовано было независимое государство, коего монарх будет греческой веры»⁶.

Так желало и действовало наше благородное и великодушное правительство, а союзница России в этой войне Австрия, видя свои армии везде разбитыми турками, воспользовалась благовидным предложением смерти своего императора Иосифа II и предложила Турции мир, пренебрегая военными успехами, а тем более явными интересами, предоставляя России одной ведаться с огромным тогда и стойким войском оттоманов. Австрия не могла допустить осуществления такого предложения России - мысли об учреждении независимого государства в 6 000 000 жителей на Дунайской границе, по вере и преданиям естественных союзников русских, считая ее угрозой для своего непрочного и так существования в середине Европы – и война продолжалась.

К счастью, и тогда, как и теперь, Россия не нуждалась в союзниках, хотя тогда ее армия не была еще велика и едва устроилась по образцу Фридриха В. После Румянцева, в 1790-х годах, были во главе ее Кутузов, Потемкин и главный бессмертный истинно русский витязь Суворов. Их победы в поле, взятие штурмом Очакова и Измаила и вслед за ними крепостей приднестровских решили кампанию и открыли для империи блистательную политическую будущность. К несчастью, хотя Ясским договором 29 декабря 1791 года русский рубеж на юге шел по Днестру, но Бессарабия до 1812 года, как часть Молдавии, вместе с обоими княжествами возвращена Турции. Статья IV этого достопамятного договора гласит:

«Россия возвращает Турции Бессарабию, Бендеры, Аккерман, Килию и Молдавию с тем, чтобы Турция исполняла все обязанности, принятые ею на себя по прежним договорам в отношении княжества Молдавского»⁷.

Как дополнение к предыдущей благотельной статье договора в пользу румынов может служить следующая конвенция с Турцией 12 сентября 1802 года:

«Господари Молдавии и Валахии должны пребывать в своем достоинстве семь лет, считая со дня утверждения их в оном. Прежде истечения сего срока Порта не имеет права сменять их, если только они не будут обличены в явном каком-либо преступлении и в неприязненных намерениях против султана. Если же случится сие, то Порта должна предварительно уведомить о том российского посланника, находящегося при дворе, который, совокупно с чиновниками султана, рассмотрит дело господаря и, буде найдет его действительно виноватым, изъявит Дивану согласие на сменение его»⁸.

Эта замечательная «Конвенция» была краеугольным камнем защиты политической и, следственно, будущего развития полуавтономных румынских княжеств. Но России предстояла новая война с Турцией, именно от изложенного выше русского покровительства. По обычаю, турки не церемонились, подстрекаемые французским правительством, – как в 1850 и 1870 годах английским и австрийским правительствами, – нарушили конвенцию, сменив без согласия России господарей Мурузи и Ипсиланти. Война снова возгорелась на суше и на море и продолжалась почти 5 лет, несмотря на подвиги Кутузова, Сеньявина, Каменского и др. Война эта в тех же пределах и за те же вопросы была для России тяжелым бременем, ибо, несмотря на Тильзитское свидание и договор с пугалом Европы Наполеоном I, Франция с огромной своей армией и с войсками половины Европы напала на Россию в 1812 году и вызвала на помощь и силы Порты. Турки в этом случае стали жертвой, были всюду побиты, а плодом русских подвигов было приобретение Бессарабии, северной т.е. части Молдавии, и южной – Ногайских и Буджакских степей и крепостей по Днестру, а именно: Хотина, Бендер и Аккермана. Тогда Россия подтвердила все трактаты к положению Молдавии и Валахии законными с присовокуплением очищения их от турецких войск и учреждения собственной народной милиции. Таким образом, столь важный для России Бухарестский трактат 12 мая 1812 года, благодаря храбрости наших войск, доблести генералов и, правду сказать, усилиям дипломатов, был заключен, и мир с турками продолжался более 16 лет сряду.

Вот перечень жертв и стараний Русского двора в течение 50 с лишком лет в пользу полудикой области, богатой от природы, но народы которой, за исключением святых истин православной Христовой церкви, были погружены во тьму варварства под игом не только мусульманских владык, но и своей собственной интеллигенции, воспитанной в австрийском и французском разврате. Но, благодаря

упомянутым выше, а тем более близким к нам трактатам, русское покровительство, обеспечивая безопасность извне и внутри княжества, развило в румынах желание просвещения духовного и светского. Но до какой степени еще их безопасность даже в начале текущего столетия была непрочна, мы увидим ниже из прилагаемых подлинных документов, самими румынами писанных.

Мы вполне уверены, что тяжкая война Крымская и недавняя кампания за невольных болгар слишком известны всем не только в России, но и во всей Европе, чтобы доказывать их влияние на благоденствие княжеств и на их совершенную неблагодарность к своим спасителям и освободителям. Довольно вспомнить, как, сделавшись приятелями англичан и, разумеется, дорогих наших союзников, они добились уступки им части Бессарабии на ее главнейшем рубеже – именно устьев Дуная от Измаила до Систова. Вспомним те бесстыдные жалобы и иеремиады, когда по Берлинскому трактату Подунайская Бессарабия возвращена России-победительнице. Вспомним, наконец, и ту дерзость румынов, когда, вызвав удаление войска из княжеств, они собирались с оружием в руках не допускать болгар в определенные им земли и крепости. Но Россия продолжала заботиться о своих молдавских подданных и еще недавно уничтожила крепостное, т.е. чисто рабское землевладение в Бессарабии⁹.

Вот перечень, повторяем, тех безмерных и плодотворных милостей, которыми наделила Россия оба княжества, жертв войн и побед над турками. Но внутренние распорядки, заведенные русским правительством, введенные после войны для возрождения княжеств после целых столетий политического и домашнего рабства, от бесчинств бояр, варварства народа, грубого, но трудолюбивого и честного – поистине бесчисленны и скоро приносили плоды сторицей. Учрежденные Россией «диваны» под руководством таких государственных людей, как граф Ф.П. Пален, а после Киселев, побороли почти все накопившиеся веками злоупотребления, хищничество и духовное безверие. Эти государственные люди уверяли (что я и сам лично слышал), что простой молдавско-валахский люд, несмотря на вековое рабство, имеет все элементы добра: трудолюбие, семейные добродетели, веру в Бога и его православную церковь – но очень туг к «просвещению», на грамоту и книжный разум, высшие же классы, бояре и бей-зая (князья¹⁰), то, что теперь называются интеллигентами, хотя воспитаны венскими и парижскими учителями, а еще более учительницами (актрисами, танцовщицами и т.д.), никогда ни к чему не способны, кроме интриг и разврата. Это утверждал уже 50 лет назад почтенный *Гинкулов*, говоря в упоминаемой нами своей книге, что молдавское дворянство, т.е. князьки, бояре и чиновники, неохотно учились сами и учили сво-

их детей в таких школах, которые учреждены по начинанию или под покровительством русского управления в обоих княжествах. Даже духовные верования подверглись разным расколам, особенно католическому учению, столь противному для простого румынского народа.

Были еще другие большие милости и благодеяния Румынии от столь ненавистной теперь для бояр России. Так, например, тысячи эмигрантов всех сословий не только спасались от турок, но и обогащались в наших пределах. Мы уже говорили в другом месте¹¹, какое обширное поле-приют открылось в 1740-1760-х годах в плодородных степях Новороссии в рядах Новосербского поселения и корпуса для вызываемых и добровольно приходящих христиан, особенно из православных. Сперва образовывались из них целые, хотя и небольшие военные отряды, например, Молдаво-гусарский полк¹², а затем возникли настоящие военные поселения, главой которых был молдавский офицер *Лукул*, переименованный в полковника Зверева. Первая усадьба молдаван большей частью из бежавших от татар пленных и ясыря, т.е. захваченных ими в набеге на Бессарабию, был поселок у Днепра на устье р. Суры в 20 верстах от Половицы, ныне Екатеринослава, существующий под названием Волоские хутора, на почтовой дороге от сего города до Никополя, бывшей тогда главной пограничной переправы через Днепр на Крымскую сторону, или Никитской заставы. В 1750 и 1760 годах число их было довольно значительно, тем более, что вместе с румынами селились и бежавшие в Турцию в «прежние времена» из Малороссии поселенцы. Им отведены были многие тысячи десятин земли в северной части нынешнего Елисаветградского уезда, между Ольвиополем (Запорожским Орликом), Новоархангельским шанцем и даже до Буга, и отсюда были вытеснены многие запорожские зимовники и даже усадьбы, за что до конца существования Сечи, т.е. до 1775 г., велась страшная борьба с козаками.

Кроме того, за особенные услуги во время 1770 и 1780 годов после Бухарестского мира многие молдаванские бояре и чиновники получили большие участки земли в Херсонской губ., которые в 1803 году простирались до 300 000 десятин. По официальным земским спискам в Очаковской области, в Одесском и Тираспольском уездах дано:

1. Бригадиру Катаржи	24 000 десят.
2. Коллежскому советнику Гаюсу	22 425 «
3. « « Эм. Бальшу	18 765 «
4. « « Макарескуль	17 850 «
5. Полковнику Кесоглу	14 090 «
6. Коллежскому советнику Карпову	12 280 «
7. Титулярному советнику Керстич	11 160 «
8. Полковнику Ромодано	12 374 «

9. Действ. ст. советнику Скарлату-Стурдзе ¹³	12 000 «
10. Князю Деляр Кантакузену	10 750 «
11. Майору Ремази	12 377 «
12. Надворному советнику Стамовичу	7 655 «
13. Коллежскому советнику Кука	6 050 «
14. Подполковнику Курт ¹⁴	4 706 «
15. Братьям Граматик	6 008 «
16. Коллежскому советнику Кука	6 050 «
17. Портаресу Эскапорити	4 600 «
18. Титулярному советнику Эскапорити ¹⁵	4 620 «

Но кроме здесь поименованных были еще пожалованы в последствии земли: князю Кантакузену по р. Мертвоводу и Бугу (близ «Соколов», нынешнего Вознесенска), Лупулу (Звереву), Адабашу, Акацатову, Алымовым и пр. Мы не говорим уже о целых обществах поселенцев, перешедших после 1812 г. с дозволения правительства на левый берег Днестра и оставшихся там; прекрасные селения их и до сих пор существуют.

Заметим еще, что многие такие румынские бояре или чиновники получили всякие чины военные и гражданские и считались в действительной государственной службе, хотя большая часть из них ни в армиях, ни в администрации не участвовала.

Один из важнейших вопросов, на который мы обращаем внимание наших будущих историков, это вопрос духовный, или, лучше сказать, церковный, православный. Россия после падения исполинского «Рума», т.е. Византийской империи, сохранила с Константинополем, т.е. патриархом вселенским, сыновние, а с ее провинциями: Румелией, Романией, румынскими и славянскими областями, братьями по вере, дружеские, хотя еще редкие сношения. Церкви Киевская и Московская считали себя подчиненными патриаршему престолу, хотя он был в полном подчинении у турок. Это подчинение сохранялось лишь до учреждения в царстве своем автономного патриаршего престола в Москве. В то же время не только духовенство, но и русский народ узнали от посещавших Киев и Москву антиохийских, цареградских и даже александрийских патриархов или через их поверенных архиереев и монахов, в каком положении находились целые миллионы духовенства и паствы людей православных. Все эти лица пробирались с великим трудом в Россию «для испрошения помощи и милостыни для церквей или причтов в басурманских владениях».

Настоящие сношения русского и румынского духовенства начались едва в XVII столетии во время архиерейства в Киеве знаменитого православного пастыря *Петра Могилы*, потомка княжеских родов в Молдавии, воспитанного на лоне русской церкви¹⁶. Наше духовенство

с удивлением узнало, что 3 000 000 чел. православного, но полудикого народа совершают богослужение и читают молитвы по книгам, напечатанным на славянском языке, которого не только простой народ, но и самое духовенство не понимало. Даже в 20-х годах нынешнего столетия книги церковные печатались на том же языке, а богослужение продолжалось по прежнему ритуалу. Только после Адрианопольского мира, когда автономия княжеств под покровительством России упрочилась, «диван» по просьбе населения и с согласия русской иерархии дозволил румунам богослужение по книгам, печатанным на молдавовлахийском языке. В числе безмерных благодеяний для Молдавской и вообще восточной церкви, даже за пределами империи, должно считать и покровительство нашего правительства к так называемым «преклоненным» монастырям и церковным землям, находящимся между Прутом и Днестром, следовательно, в пределах империи. Монастыри заграничных обществ, обреченные по обету к послушанию и бедности (*paupertati et obedientiae*), владеют бесплатно недвижимыми имуществами в Бессарабии, и это в нынешнем столетии, когда русские монастыри в империи уже давно их не имеют. В подлинных, весьма многочисленных молдавских грамотах обыкновенно говорится, что господари и частные лица из румынских княжеств жертвовали «преклоненным своим и заграничным (на Востоке) православным святыням: монастырям, скитам и церквям, преимущественно Афонским и Святого Гроба, земли, леса и дачи в селениях и городах для успокоения своей совести на славу Божию и в помощь ближним». Эти драгоценные и многодоходные имущества, благодаря покровительству и защите России и, следовательно, политической и внутренней безопасности, сделались в наше время богаты селениями и усадьбами. В 1870 г. они заключали 214 320 десятин земли, в том числе более 37 000 выгонной или «кодров», т.е. лесов, и приносили на основании последнего контроля до 507 000 р. и 2000 австрийских червонцев ежегодно; в том числе на долю молдавских монастырей в Бессарабии приходится более 50 000 дес. земли и лесов, и каких лесов! – и с лишком 100 тысяч руб. ежегодного дохода. Бессарабские монастыри, их земли и дома в городах управлялись наместниками, т.е. поверенными от заграничного духовенства или от румынского монашеского начальства, и привели итоги имуществ в окончательное разорение. Русский контроль показал, что монастыри и имущества были в самом ужасном запустении, даже церкви в развалинах и неопрятности, *quaeque ipse miserrima vidi!* Доход не поступал по принадлежности или поступал скудными суммами, ибо все земли и угодья отдавались в аренду – и большей частью бессарабским чиновникам, а кабаки евреям. В 1870-х годах одно имение или, скорее, большой строевой лес в Аккерман-

ском уезде, укрепленный ошибочно по спору с казной, по ходатайству генерал-губернатора был возвращен такому преклоненному монастырю после 20-летней тяжбы – и что же? Монахи немедленно продали лес на сруб жидам, а земля подверглась засухам и неурожаю. Еще в 1860-х годах благодетельное правительство обратило внимание на такое постыдное управление монастырским, т.е. церковным достоянием и поручило чинам министерства государственных имуществ наблюдение и контроль над ними; но все было напрасно, и в 1870-х годах еще раз возвратилось управление в руки заграничного духовенства, но под строгим наблюдением, чтобы благочестивые желания дателей и их цели были всеконечно выполнены.

В каком положении была Румыния даже в первой половине XIX столетия, укажут прилагаемые здесь документы, списанные с подлинных актов, которые сохранились с высочайшими на них резолюциями. Эти акты взяты из драгоценных дел Одесского генерал-губернаторского архива и едва ли кому-нибудь были доселе известны. Русские люди, читая их, могут вполне убедиться в сказанном нами выше – в том, как Румыния, т.е. Молдавская и Валашская области, из пустыни *solitudo Gaetarum* обращены в богатые княжества, всем своим политическим и экономическим положением обязанные одной России; и немало удивятся они, чем Румыния заплатила за столько жертв русскому правительству за свое освобождение от Турции и избавление от рабства.

Драгоценные предлагаемые нами акты представлены были, главным образом, великому государю, освободителю Европы от нашествия исполина Наполеона I в 1813 году, и, следовательно, в самую трудную эпоху даже для победителя. Мы будем описывать их буквально.

№ 1.

Высочайший указ за подписью Государя на имя Херсонского военного губернатора Дюка-де-Ришелье:

«Усмотрев из представления Вашего, что Тираспольского уезда помещики: Бранкован, Бицилли и Додонов, записав в ревизию в деревнях своих - первые два родных своих брата, а последний племянника своего с семействами их, считают себя укрепленными и в сем звании не токмо употребляют их в работы, но не изъемяют даже и от телесных наказаний – в пресечение сей примерной жестокости и корыстолюбия повелеваю:

1) Означенные семейства, яко неправильно и подлогом укрепленные, освободить, предоставив им избрать род состояния по желанию.

2) Помещиков вышепоименованных за сей поступок, противный общему порядку и основанный в подлог закона, предать суду по закону».

В С.-Петербурге

Февраля 27 дня, 1806 года.

Александр

Граф В. Кочубей.

№ 2.

Перевод с молдавского.

Копия

Милосерднейший Монарх, Покровитель Православия!

Преданнейшие Тебе обитатели Молдавии, будучи угрожаемы ныне страшными бедствиями, стремящимися к совершенной гибели их, с жалостнейшими воплями, до небес простирающимся, и с горчайшими слезами обращаются к Милосердию Твоему, Августейший Монарх!

Восемнадцатимесячный срок уже оканчивается, и с окончанием оного появляются ужасные для нас предзнаменования. Ибо на берега Прута, который отделяет нас от России и который столь близок от Ясс, что мы оный видим из домов наших, прибыли от Порты нарочные чиновники, чтобы избрать места для крепостей, кои Порта намеривает там устроить. Уже утверждают, что повелено назначенным для стражи вооруженным туркам идти на Прут, и самые Яссы, столица Молдавии, страшится, чтобы не быть наполненною войсками оттоманскими под предлогом пограничной стражи.

Мы видим, с каким бесчеловечием проливается кровь сербов, подобных нам христиан. Зрим, с каким неистовством мстит Порта тем, кои показали преданность свою и усердие к оружию православному. Несчастные обитатели Молдавии, невинные христиане, возжегши в сердцах своих ревность к Престолу Российскому назад тому более нежели за сто лет, не погашали оной ни во время брани при Минихе, ни во время первой и второй войны блаженной памяти Екатерины Великой, и наипаче пламенели они усердием своим к войскам Вашего Императорского Величества в последнюю войну. Свету известно, что Молдавия жертвовала всею преданностию своею оружию православному и Престолу Вашего Императорского Величества. Турки не скрывают ярости своей за сие. И они по прошествии восемнадцати-

месячного срока могут некоторых из нас умертвить, многих повергнуть в нищету, а всех привести в ужас. Оставляя мысли о том, чем угрожает нам будущее время, мы скажем о действительных происшествиях, что ежели и не три крепости, как слышно, а одна только или две будут сделаны на берегах Прута, то естественно следует, что мы должны будем лишиться поместьев своих, в рассуждении положения их при Пруте; а затем всякую минуту будем в опасности лишиться жизни. Мы находимся в ужасном смятении, устремляем мысль нашу к Небесам, а очи, проливающие токи слез, к Тебе, Августейший Покровитель Православия!

Сжался над нами, Великий Государь! Сжался над погибелью душ наших. Прости над нами могущественный Покров Твой. Мы Твои, мы жертвовали собой Престолу Твоему. Сила Твоя да спасет нас и да будет ей помощью Господь, во славу Царствования Твоего.

Если переселиться нам за Прут, то мы придем в совершенную нищету, мы должны будем лишиться здешних наших жилищ, а монастыри имений, посвященных им от предков наших. Ежели остаться нам здесь, то предстоят очевидные опасности. Оттоманская Порта представляет нам, что нам нельзя будет владеть поместьями нашими, за Прутом состоящими, заставляет нас продать оные, а мы не имеем кому продать ни запрутских, ни здешних поместьев своих.

Всемиловитейший Государь! Пред сим послали мы всепокорнейшее прошение наше к Вашему Императорскому Величеству относительно имений наших, но не имели счастья получить, к обрадованию нашему, священного решения Твоего. Ожидаем милосердия Твоего на прошение сие, не имея кроме Тебя, Августейший Монарх, никого другого, к кому бы могли простерты руки наши.

Теперь присовокупляем прошение и о спасении жизни нашей. Посвяти, Милосерднейший Монарх, одну минуту для пораженных горестью христиан - обитателей Молдавии. Обяжи самого Господа, поборяющего оружие Твоему. Устрой спокойствие наше. Исторгни нас и ныне из бездны отчаяния, дабы мы до истечения срока могли знать, как нам спасти жизнь свою, да ведаем, благоизволишь ли Ты, Милосерднейший Государь, и на то, чтобы мы владели поместьями нашими, за Прутом находящимися, а равно и священные обители да ведают прибежище свое и да возмогут воссылать непрестанные молитвы о превознесенной Империи Твоей. Ибо все мы находимся в опасности жизни.

Вашего Императорского Величества

всепокорнейшие рабы

Вениамин, Митрополит Молдавский.

Константин Гика, быв. вел. логофет.

Константин Балаш, быв. вел. логофет.
Нордакий Кантакузин, вел. логофет.
Нордакий Россет Рознаван, быв. вел. вистерник.

1813 года
Октября 10-го дня.

№ 3.

Перевод с молдавского.

Копия

Высокопреосвященнейший Владыко
Милостивейший Отец!

Зная, колико Ваше Высокопреосвященство проникнуто священной должностью любви христианской, зная привязанность Вашу к Молдавии, в коей провели Вы первые дни жизни Вашей, зная, наконец, христианские Ваши чувствования и прежнюю приязнь Вашу, обращаемся ныне к Вам и возлагаем надежду нашу ныне на отеческую Вашу помощь, заклиная Вас Господом сохранить сие в тайне для безопасности нашей.

Высокопреосвященнейший Отец! Мы, все обитатели Молдавии, находимся ныне в положении, угрожающем величайшею опасностью жизни нашей. Пример сербов, погибающих от посечения бесчеловечного, от плена ужасного, от пролития крови чад пред очами родителей и родителей пред очами чад их, и затем прибытие сюда турков для избрания мест на крепости и слух о том, что идут сюда вооруженные турки, назначенные для стражи пограничной на Пруте – все сие весьма ясно нам показывает предзнаменования, угрожающие нам нищетой, потерей поместьев и опасностью жизни, каковые бедствия неразлучны с совместным жительством с нами войск турецких и с непрестанным созерцанием мечей их.

Сии горести, коими угрожает нам будущее время, заставили нас прибегнуть к Милосерднейшему Монарху, покровителю православных, коего Императорскому Престолу жертвовали мы с верностью. Мы составили по секрету сию нашу слезную всепокорнейшую просьбу к Всемилостивейшему Государю и посылаем оную к Вашему Высокопреосвященству с господином спатарем Букшенеском, отправляющимся отсюда как по сему делу, так и ради своего имущества, находящегося в Бессарабии. Милостивейший Отец! Окажите ради имени Божьего отеческое сострадание в сии минуты, только опасные

для жизни нашей, и, соединя по известному нам добродушию Вашему слезы свои с нашими, примите в рассуждение горькие страдания христиан – обитателей Молдавии. Ваше Высокопреосвященство были свидетелем жертв наших к Престолу Российскому. Воззрите ныне на сердечные слезы наши; явите милость свою к нам, переведите немедленно помянутую просьбу нашу, а равно и сие плачевное наше письмо и, присовокупив к сему усердное представление со стороны христианской души вашей, отправьте в тайне, как возможно скорее, к Монаршим Стопам с духовной особой.

Мы не имеем другого, на кого бы более устремить очи свои, как только на милосердие Могущественнейшего Императора Всероссийского, дабы он силой своей или спасительным своим заступлением не допустил быть пролития крови нашей.

Высокопреосвященнейший Отец! Если мы решимся перейти на ту сторону, то жилища наши, здесь находящиеся, святые обители и церкви, поместья и имения, посвященные монастырям, все обзаведения должны будут пропасть. Если же не перейдем и не будет сделано особаго положения для обеспечения жизни нашей, то мы должны будем, без сомнения, подвергнуться опасности.

Уже восемнадцатимесячный срок оканчивается, и мы ныне утопаем в волнах отчаяния. Духовные и гражданские чины молдавские все со слезами умоляем Ваше Высокопреосвященство, отправьте немедленно на счет наш духовную особу и изъясните перед Августейшим Престолом слезы наши, да исторгнет нас Милосерднейший Монарх из опасности, да благосоизволит наставить нас и известить нас, к упокоению нашему, о том, каков будет жребий наш по прошествии срока.

Обяжи, Высокопреосвященнейший Отец, самого Господа и души наши. Мы пред сим послали прошение к Государю Императору касательно поместий монастырских и боярских, находящихся на той стороне Прута, дабы Всемилостивейше позволено нам было владеть ими. Порта предлагает нам продать их, но мы не имеем ни средств к тому, ни покупателей. Без сих поместьев мы лишаемся пропитания. На просьбу о поместьях сих мы не имели счастья получить ответа от Августейшего Монарха. Покорнейше просим напомнить и о сем, а паче всего постарайтесь о том, дабы жизнь наша обеспечена была на будущее по истечении срока времени. Постарайтесь, чтобы мы извещены были о сем. Поелику все мы прискорбны ныне даже до смерти.

О прочем объяснит господин Букшенеско. Мы же во все течение жизни нашей пребудем Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря нижайший о Христе брат и покорнейший слуга

Вениамин, Митрополит Молдавский.

Покорные слуги

Константин Гика, вел. логофет.
Нордакий Кантакузин, вел. логофет.
Констнтин Балаш, вел. логофет.
Нордакий Россет Рознован, вел. вестияр.

Яссы,
1813 года
Октября 10 дня.

№ 4.

Перевод с молдавского.

Копия

Высокопреосвященнейший Отец!

Его же любит Господь, наказует. Но христиане в скорбях своих прибегают к Святому Милосердию Его, испрашивая спасение себе. Мы, обитатели Молдавии, духовные чада Вашего Высокопреосвященства, находимся ныне в положении, угрожающем величайшею опасностью жизни нашей. Кому не известны пожертвования, принесенные обитателями Молдавии Священному Престолу Российскому? Кто не видит ужасных страданий, претерпеваемых ныне от оттоманской ненависти теми, кои служили России? Пример сербов, погибающих от посещения бесчеловечного, от плена ужасного, коих кровь льется подобно текущему ручью, кровь родителей в виду чад и чад в виду матерей – сей пример заставляет премногих из нас отчаиваться в жизни своей; а прибытие турков для устройства крепостей на берегах Прута, находящегося пред глазами нашими, и слух о том, что идут уже на Прут вооруженные турки для содержания стражи на границах – сии обстоятельства весьма ясно показывают нам, что мы в Яссах, принуждены будучи совместно жить с гвардиею турецкою, соделаемся жертвою меча их в отмщение верности нашей к Престолу Российскому, и потому горесть непрестанно будет снедать сердца наши, а удовлетворение тягостнейших требований турков от остатка Молдавии естественно повергнет в нищету фамилии наши.

С умиленнейшими воплями пишем сие и препровожаем для сведения Вашего Высокопреосвященства копию просьбы, которую мы дерзнули отправить с эстафетой к покровителю Православия Александру Первому. Но мы, обитатели Молдавии, не имеем в армии никакого заступника, не имеем никакого знакомого из знаменитых мужей, все великие защитники наши, к несчастью нашему, переселились в вечность. Мы со слезами секретно пишем сие Вашему Высокопреосвященству, отправляя к Вам господина Букшенеска, который кроме

сего дела имеет надобность ехать туда и по своему имуществу, там находящемуся. Милостивейший Отец! Окажите отеческое сострадание нам в часы, угрожающие опасностью жизни нашей. Здесь страдают не только древние фамилии и весь народ, но и Святые обитатели, на сей стороне находящиеся. Воззрите на слезы душ наших. Господин спатарь Букшенеско подробно объяснит Вам все. Ради имени Божьего, примите во уважение страдания христиан.

Ваше Высокопреосвященство сами были свидетелем жертв, принесенных Молдавию Престолу Российскому. Явите к нам милость, переведите помянутую просьбу и сие слезное наше письмо, присовокупите и с своей стороны убедительное представление и в тайне отправьте все сие к Милосерднейшему Монарху. Мы, не имея другого, на кого бы могли устремить очи наши, на Его единого оныя обращаем, да сохранит Он кровь нашу в воздаяние за пожертвования, учиненные нами в течение жизни нашей Священному Престолу Его, да подаст нам помощь к спасению жизни нашей, да благосозиизволит показать нам способ избавления нашего. Его Императорское Величество может отвратить от нас столь ужасную опасность, может утешить нас животворным повелением и наставлением своим. Вся возможна суть могуществу Его.

Высокопреосвященнейший Владыко! Если мы вздумаем перейти на ту сторону Прута, то здешние наши поместья, строения, дома и Святые церкви должны погибнуть, а мы придем в совершенную нищету. Ежели остаться нам здесь, то жизнь наша подлежит опасности. Восемнадцатимесячный срок оканчивается, и мы находимся в ужасном замешательстве. Мы ныне погружены в волнах, угрожающих нам величайшим ужасом. Со слезами просим Вас, отправьте на иждивении нашем духовную особу к Стопам Монаршим и учините со стороны своей о нас представление: да умилиосердится над нами Августейший Император и да избавит нас от сея бездны погибели.

Порта принуждает нас продать поместья наши, за Прутом находящиеся. Но мы не имеем, кому продать, и кроме того, мы из сих поместьев получаем содержание для наших домов, следовательно, продавши их, должны будем подвергнуться бедности и лишиться насущного хлеба. Ежели их не продадим, то можем воздвигнуть на себя еще большую злобу и большую лютость турков. Пред сим послали мы просьбу к Милосерднейшему Монарху, да сотворит с нами милость и Высочайше позволит нам владеть беспрепятственно помянутыми поместьями, но ответа на просьбу сию не получили.

Хотя мы твердо и несомненно надеемся, что Покровитель христианства Великий Александр не допустит нас до обиды, однако же с болезненным сердцем просим Ваше Высокопреосвященство припом-

нить и о сем, да придет к нам от Престола Монаршего луч утешения, чтобы мы могли хотя экономически, то есть под другими предложениями, сделать обмен поместьям нашим, основавшись на милосердии Правительства. Покорнейше просим, отправьте секретно духовную особу, ибо мы погибнем, ежели это обнаружится. Бога ради, употребите старание, чтобы нам прислан был ответ. Мы во веки пребудем благодарны. Примите на себя попечение о жизни нашей.

Остаемся Вашего Высокопреосвященства Милостивого Архипастыря и Отца духовные сыны и покорные слуги

Костакий Гика, вел. логофет.
Константин Балаш, вел. логофет.
Георгакий Россет, вел. вистерник.

Яссы
1813 года
Октября 16 дня.

№ 5.

Копия

Секретно

Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь и Благодетель!

Первостатейные бояре молдавские, препровождая ко мне с нарочным копию просьбы, отправленной ими к Его Императорскому Величеству, со слезами умоляют меня в двух письмах своих, при сем в подлиннике и переводе прилагаемых, дабы я секретно употребил мое ходатайство у Престола Монаршего о спасении их от угрожающей им ныне со стороны Порты опасности лишиться не только имений, но и жизни. Самой нынешний Митрополит Молдавский Вениамин, доселе бывший ревностным приверженцем Порты, или будучи выведен ныне из заблуждения критическим положением отечества своего, или по настоянию бояр, подписал вместе с другими первостатейными боярами одно присланное ко мне о сем письмо.

Я, совершенно будучи известен, что по злобным внушениям врага всемирного спокойствия, дерзнувшего было вторгнуться и в пределы Богом благословенные России, действительно предстоит ныне великая опасность для Молдавии, не могу быть равнодушным к плачевным воплям бывшей паствы моей, но ее пожертвований Престолу Всероссийскому неоднократно был я свидетелем в то время, в которое по Высочайшей воле управлял оной. Не имея же способов ис-

полнить желаний ее, я приемлю смелость обратиться с помянутыми бумагами к благотворной душе Вашего Сиятельства и вместе всепокорнейше просить об оказании покровительства и милости народу, погруженному в отчаяние. Не откажитесь, высокий Благодетель, с возможною скоростью довести до сострадательного слуха Всемиловитвейшего нашего Государя прилагаемое при сем в переводе прошение обитателей Молдавии и сердобольным предстательством Вашим исходатайствовать для сих несчастных Монаршую защиту, коею они с мучительным нетерпением до окончания восемнадцатимесячного срока ожидают, опасаясь, чтобы с истечением оного не сделаться им жертвой лютоści турков.

Хотя прошение сие отправлено уже ими с эстафетой в армию к Его Императорскому Величеству, как ваше Сиятельство изволите усмотреть сие из второго письма, их ко мне от 16 октября писанного, но они сомневаются, чтобы оное могло быть верно доставлено, и потому просят повергнуть к Стопам Всемиловитвейшего Государя у сего прилагаемый перевод, в точности изображающий чувствования и положение их, изъясненные в подлиннике.

Простите мне великодушно, Сиятельнейший Князь, что я дерзнул вступить в сие толико тонкое дело. Ежели я вышел из круга моего действия и Ваше Сиятельство сей поступок мой изволите признать слишком отважным, то я готов с покорностью моей принять за сие выговор от Вас, Милостивый Благодетель! Ибо я решился писать о сем к Вашему Сиятельству, во-первых, будучи сильно поражен воплями бывшей паствы моей, которая на меня, яко на бывшего ее духовного отца, полагается более, нежели на всякого другого, в сохранении сего секрета, во-вторых, надеясь на великодушное снисхождение и милости Вашего Сиятельства ко мне. Если же столько буду счастлив, что Ваше Сиятельство не вмените сего мне в вину, а изволите принять благосклонно и одобрительно, то не оставьте, Высокий Благодетель, содействовать спасению поверженных в отчаяние соседних нам единоверцев, которых я поручаю после Бога сострадательному расположению Вашего Сиятельства и, ожидая на сие милостивого ответа, с достоуважением моим высокопочитанием и преданностью честь имею быть, Сиятельнейший Князь, Милостивый Государь и Благодетель!

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга и богомолец
Гавриил, Митрополит Кишиневский и Екзарх.

1813 года
Октября 31-го дня
Кишинев.

№ 6.

Копия

О критическом состоянии молдавских жителей, преданных России.
«Объясниться по сему предмету с Канцлером и руководствоваться его мнением».

Собственноручная резолюция Императора Александра I.

Бар Сюр-Сен.

Января 25-го, 1814 г.

Митрополит и Екзарх Гавриил, по убеждению молдавских бояр, бывших прежде в его пастве, приемлет смелость предстательствовать о них пред Вами, Всемилостивейший Государь, по содержанию отпавленной ими с нарочным к Вашему Императорскому Величеству просьбы, коея список у сего прилагается.

В ней заключается следующее:

1) «Турки намерены построить на берегах Прута несколько крепостей, а под предлогом пограничной стражи ввести войска туда и якобы в самый город Яссы». Бояре предвидят от сего одно несчастье для жителей Молдавии и собственно себе притеснения, а может, и погибель за оказанное усердие к России. В пример поставляют единовержцев наших, сербов, которые ужасно пострадали от жестокости и мщениа турок за оказанное усердие к России.

2) «Настоящее положение бояр самое критическое. Если они переселятся по сю сторону Прута, то лишатся там прежних жилищ своих, останутся в бедности, да и монастырские имущества, посвященные предками их, также потерпят. Если и не переселятся, то не менее разориться могут. Порта предлагает, что им нельзя уже будет владеть поместьями, за Прутом лежащими, и заставляет их продать: но покупщиков в виду нет. Между тем осьмнадцатимесячный срок истекает».

Бояре молдавские и сам Епархиальный Митрополит Вениамин в письмах своих к Екзарху слезно умоляют его довести секретным образом до сведения Вашего Императорского Величества о настоящем положении молдавских жителей и исходатайствовать им Монаршее покровительство.

Я осмеливаюсь повергнуть полученные мной от Екзарха бумаги, равно и само его письмо ко мне, на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение.

Подлинное подписал: Князь Александр Голицин.

С.-Петербург.

30 декабря 1813 года.

№ 7.

Копия

С представлением обратно докладной записки
и бумаг относительно Молдавии.

*«Сим делом здесь никакого способа нет заниматься,
и для того представить по моем возвращении».*

Собственноручная резолюция Императора Александра I.

Париж.

Мая 1-го 1814 года.

Вследствие Высочайшего повеления объяснялся я с Государственным Канцлером по содержанию доставленных Екзархом Бессарабским бумаг о критическом состоянии Молдавии. Граф Румянцев отозвался, что он около двух недель не занимается уже делами Иностранной Коллегии.

Не осмеливаясь сам собой передать бумаги г-ну Вейдемейеру, который только по препоручению Канцлера занимается иностранною частью, и не зная, будет ли он утвержден Вашим Величеством, я обратился к председательствующему в Комитете Министров. Граф Салтыков также отказался от рассмотрения такого предмета, который не относится к его ведению.

Донося о сем Вашему Императорскому Величеству, приемлю смелость паки представить на Высочайшее усмотрение присланные Екзархом бумаги.

Подлинное подписал: Князь Александр Голицын.

Санкт-Петербург

28 февраля 1814 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Любопытно то обстоятельство, что поляки, слушая разговор итальянцев, нагрянувших на Польшу в XVI в. вместе с королевою Боной-Сфорца, думали, что они говорят по-валашски, и с того времени итальянцев поляки называют Wlochy.

2. Начертание правил Валашско-Молдавской грамматики Г. Гинкулова. СПб., 1840 г.

3. Лучшим памятником влияния славянского языка в Румынии может служить само название высших там должностей: господарь (хозяин), бояре, справник.

4. Краткое изложение дипломатии Российского двора соч. И. Кайданова. СПб., 1833, ст. 32-36.
5. Статья написана уже давно.
6. См.: Кайданов, стр. 67.
7. См.: стр. 71.
8. Ibid., стр. 134.
9. В 1830-х годах мы видели сами в Бессарабии даже целые сотни этих рабов, только с названием крепостных цыган; почти все слуги у бояр и помещиков набирались из этого злосчастного народа.
10. Турки не знают дворянства; в Молдавии они допускали «бояр», т.е. землевладельцев, и *бей-зая*, т.е. детей и внуков господарских родов.
11. Хронол. обзор. Ист. Новор. края, ч. II под 1750-1760 годами.
12. В 1764 г. в Молд. гус. полку считалось уже более 600 душ обоего пола.
13. Он был отцом известного духовного писателя и дипломата Александра Стурдзы и временным Бессарабским губернатором, хотя не знал вовсе русского языка.
14. Большую часть этой земли и устроенных им усадеб Курт, бездетный, завещал Одесскому институту благородных девиц.
15. Взято из рапорта Тираспольского предв. двор. Туманова в 1803 году. См. наше Хронол. обзор. Ист. Нов. кр. Ч. II, стр. 331.
16. Петр Могила, сын молдавского князя Симеона, в 1625 г. поступил монахом в Киево-Печерскую лавру; в 1626 г. был уже архимандритом, а в 1630 г. был избран в сан Киевского митрополита.

Источник: Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Т. XX. Одесса, 1897. С. 28-49.

Скальковский Аполлон Александрович (01) 13.01.1808 – (28.12) 09.01. (1898) 1899) - историк, член-корреспондент Петербургской АН (1856). Окончил юридический факультет Московского университета, был директором главного статистического комитета Новороссийского края и заведовал им же организованным в Одессе архивом Министерства внутренних дел. Главные его труды все почти составлены на основании архивных данных: «Хронологическое обозрение истории Новороссийского края» (Одесса, 1835), «Первое тридцатилетие Одессы» (Одесса, 1837), «Сношения Запорожья с Крымом. Материалы для истории Новороссийского края» (Одесса, 1844), «История Новой Сечи и последнего коша Запорожского» (Одесса, 1846), «Наезды гайдамаков на Западную Украину в 1733-1768 годах» (Одесса, 1845), «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» (Одесса, 1848), «Адмирал де-Рибас и завоевание Хаджибея» (Одесса, 1889). Кроме этих исторических трудов Скальковский написал еще ряд статистических работ: «Опыт статистического описания Новороссийского края» (увенчанный Демидовской премией), «Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах г. Одессы» (Одесса, 1859) и др.

Адольф ДОБРЯНСКИЙ

О ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦАХ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ СО ВРЕМЕН СВ. ВЛАДИМИРА

Из летописи преп. Нестора известно, что Русь граничила в X в. на юго-западе с Польским, Чешским и Угорским государствами: «и бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядьскимъ, и съ Стефаномъ Угръскимъ, и съ Андрихомъ Чешьскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы» (Лавр. лѣт. по изданию 1872 г., стр. 124). Но начальная летопись не указывает черты, по которой граничила земля Русская с Польскою, Чешскою и Угорскою: летописец довольствовался исчислением русских племен: словян, полян, древлян, дреговичей, полочан, северян, кривичей, бужан, радимичей, вятичей, дулебов, улучей или угличей, тиверцев и белых хорватов, без точного определения их географических границ. Не удивительно, что и позднейшие русские историки не имели ясного понятия о древних границах Юго-Западной Руси: к тому же она разделилась на несколько частей, из которых Подкарпатская под гнетом угров и поляков не имела возможности разрабатывать свою старину и поддерживать старые предания. Русь же Восточная привыкла смотреть на подкарпатские области, как на утраченное достояние русского племени, особенно со времен введения в них унии и утверждения господства польского и мадьярского. Между тем, для полноты понимания русской истории необходимы точные сведения о юго-западных границах древней Руси. Предлагаемая статья имеет целью разъяснить хотя бы некоторые стороны этого вопроса.

I.

Как далеко ни лежит теперь за пределами Руси город Краков, однако в старину, в X веке, он был пограничным польским укреплением, расположенным близ русской границы, пролежавшей примерно от Бохни через Тымбарк к Новому Торгу, а далее по гребням Татр. Доказательство такого направления древней русско-польской границы можно привести следующее:

1. В сообщенной Мураторием древней грамоте времен Мечислава I (970-990 гг.) Краков помещается на границах Руси: *et fines Russiae usque in Cracoa* (см. В. А. Мацевского: *Pierwotne dzieje Polski i Litwy*, 1846, стр. 374).

2. В описании путешествия на Волгу доминиканца Рикарда при Беле IV (1235-1270 гг.) упоминается *dux magnae Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum* (см. Pray, *Dissert. De Hung.*, p. 316: *Deserici, De initiis Hung.*, I, 170).

3. В грамоте польского короля Казимира Великого от 1344 г. упоминается русский город Ржешов; *oppidum Rzeschoviense cum suo toto districtu in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (см. L. Ryszczewski, *Cod. diplom.*, I, 204). Известно, что город Ржешов лежит на западной стороне не только р. Сана, но и Вислока, то есть на этнографическом поле польского племени.

4. В грамоте того же короля от 1348 г. и городок Роги с г. Кросно, лежащие к западу от рр. Сана и Вислока, помещаются также в Русской земле: *villa nostra vulgariter dicta Rogi in terra Russiae prope Krosno* (см. *Libri foundationum*, tom. CI, pag. 100, во Львовском земском суде).

5. В грамоте Владислава Ягайлы 1434 г. город Яслиска, расположенный западнее р. Сана, причисляется с окружающими его селениями к Руси: *in terra Russiae et districtu Sanocensi* (из грамот г. Перемышля, под 1775 г.).

6. В докладе Западнорусской униатской иерархии к папскому нунцию о состоянии церковных дел в землях западнорусских город Судец (*Sandecium*, пол. Сонч) причисляется к Руси, именно к русской Перемышльской епархии, подобно Спишу и многим другим городам подкарпатским. Приводим соответствующее место доклада: *Episcopatus Premisliensis amplissimus, nobiles in eo quamplurimi Rutheni, si omnes essent obedientes ter mille numerarentur parochiae. Sed inquietissimus, a 50 enim annis unitorum cum schismaticis perpetua ibi est concertatio. Unus episcopus cathedra pulsus toties et toties, iterumque eam recepit. Nuperus vero mortuus per 12 annos episcopatum regens in villa debuit propria cathedram locare. Extollitur hic episcopatus in longum latum plus quam 100 milliaria germanica, nam etiam Hungariae nonnullae (partes) et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum pertinet. In hoc episcopatu economia regia Samboriensis, aliquot supra decem civitates continens, ad 400 autem villas. In hoc sita Premislia civitas celebris et nova Samboria, bene ambae munitae, Jaroslavia, Sanocia, Sancia et Stryi, aliaeque regales civitates cum capitaneatibus, plurimaque oppida dominorum, millenae villae. In hoc plurimi sunt schismatici, et ideo mirabilia perpepsi uniti, ut ex infra dictis patebit* (см. Harasiewicz *Annales ecclesiae ruthenae*. Leopoli. 1862, p. 303).

7. В грамоте Болеслава, князя Краковского и Судомирского, от 1255 г., при пожаловании Краковскому епископу и капитулу нескольких селений в земле Судецкой (Сандецкой) нужным считалось полу-

чение на то согласия бывшей королевы Галицкой Соломеи: *interventu venerabilis sponsae Christi germanae sororis videlicet Solomeae quondam Galiciae reginae* (Pray, *Annales R. N. I*, 297). Это обстоятельство объясняется принадлежностью пожалованных поместий к Русскому государству.

8. По свидетельству минорита Константина Малегорского, монастырь *fratrum minorum* в Новом Судеце (*Sandecium*) владеет образом Спасителя, написанным на дереве св. Лукой и подаренным русским князем Львом одному карпатскому отшельнику, жившему на том самом месте, где теперь стоит вышеозначенный монастырь: *Habet iste conventus clenodium spirituale, hoc est faciem Domini nostri Jesu Christi graeco penicillo a S. Luca in tabella lignea depictam, quam cum Leo princeps Russorum ab imperatore orientis Constantinopoli dono accepisset, uni pio et sancto eremitaе, ad montes Carpatos angelicam ducenti vitam, propter fructum spirituales donavit. In hocce loco, ubi iste duxit vitam eremiticam, extat conventus P. P. Minoritarum et civitas Neo Sandecensis* (Bardossy, *Suppl. anal. Scepusii*. 162 p.). Нельзя допустить, чтобы русский князь подарил такую святыню монаху не православному, а латинскому, который не мог бы даже встретиться с русским князем, если бы Судецкая земля лежала вне Руси.

9. Мартин Кромер (ум. 1589 г.) причисляет к Руси город Лежайск, расположенный к западу от р. Сана (см. *De situ Poloniae*, в Собрании Мицлера, I, 124).

10. Матвей Стрыйковский в своем сочинении «*Sarmatiae Europaeae description*» (1578 г.) причисляет к Руси город, лежащий западнее и р. Сана и р. Вислока (см. Собрание Мицлера, I, 59).

11. Краковский прелат Ян Красинский (ум. 1612 г.) в своем сочинении «*Polonia*» (Собрание Мицлера, I, 418) положительно утверждает, что граница Руси и Польши находится близ г. Кракова: *Roxolania... Carpathios montes non longe ab urbe attigit Cracovia*.

12. Все угорские и немецкие писатели времен разделов Польши причисляют всю Австрийскую Галицию к древней Руси, за исключением воеводств Освецимского и Заторского, лежащих к западу от Кракова и входивших в состав областей чешской короны (см. Pray, *Per. Aust. P.* 424; F. A. Kollar, *Vorläufige Austrührung der Rechte des Königreichs Hungarn*, Wien, 1772; Palma, *De titulis Mariae Theresiae*; Joh. Gottfr. Einhorn, *Weltgeschichte*, V, 194; Fessler, X, 189; Emil Janitsch, *Geschichte der deuts. österr. Monarchie*, VI, 245; Ch. W. Koch, *Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osvicensen et Zatoriensen ducatum praevia explication. Vindobonae 1773*).

13. В грамоте Марии Терезы 15 ноября 1773 г., призывающей жителей Галиции и Лодомерии, а равно воеводств Освецимского и

Заторского, к присяге верноподданства, делается ссылка на исторические права королевы Угорской на две первые области, а королевы Чешской – на две остальные: *Posteaquam spectatis intuitu regni Hungariae et Bohemiae coronae nostrae competentibus Nobis in varias Poloniae provincias juribus... quas illa (M. Theresia) secundum litteras suas patentes 11 Septembris 1772 publicatas occupari jussit, tamquam vindicatum aequivaleus omnium praetensionum e regherum suorum Hungariae et Bohemiae antiquissimis juribus derivatarum.* Из этого видно, что вся Галиция была разделена составителями этой грамоты на две части, русскую и чешскую, из которых последняя охватывала лишь области к западу от Кракова.

14. Подобный взгляд на принадлежность к Руси всей Галиции к востоку от Кракова выражен и в трактате, заключенном 18 сентября 1773 г. между Австрией и Польшей, именно во 2-й его статье.

15. В титуле австро-угорских государей также находим признание русского, а не польского характера всей Галиции. Кроме Кракова и Освецима с Затором император титулуется *rex Galiciae et Lodomeriae, dux Osvicinensis et Zatoriensis*, а с 1846 г. и *dux Cracoviensis*, но о Польше во всех этих титулах нет упоминаний. Очевидно, для последнего не находилось никакого основания, так как в противном случае государи, ревниво сохраняющие в своих титулах упоминание Лотарингии, Прусской Силезии, Иерусалима и множества мелких графств и областей, не упустили бы прибавить к ним: *partium Poloniae dominus et haeres*, если бы к тому представился хоть слабый повод.

16. Последним и самым убедительным доказательством распространения древней Руси до самого Кракова служит то, что и теперь русское население начинается в Галичине от самого Дунайца под Татрами, в близком расстоянии от Кракова, где находятся русские селения: Шляхтова, Яворки, Черная-вода, Белая-вода, Зубрик, Верхомля-великая, Верхомля-малая, Ростока-малая, Золотное, Чачов, Матеева, Котов, Богуша, Королевка-русская, Бинчарова, Флоринка, Ласкова, Лоси, Белянка, Мушина-малая, Мушина-великая, Боднарка, Теклин, Клопотница, Пильгримка, Маркова, Березова, Скальник, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадка, Балудянка, Волька, Лядин, Вороблик, Беска и т.д. Вообще между реками Дунайцем и Вислоком находится 172 русских селения с 129 русскими церквями и свыше 90 000 русских жителей. Неужели все это русские колонисты на польской этнографической области? История ничего не знает о подобной колонизации. Известно лишь то, что в прежнее время число этих подкраковских русских было гораздо больше нынешнего, так как значительная их часть была окатоличена и смешалась с мазурами и горальями, подобно тому, как на южных склонах Бескида Русь смешалась и отчасти

слылась со словаками. Еще в 1660 г., по донесению Перемышльско-го епископа Станислава Сарновского папе Александру VII, в Перемышльской епархии насчитывалось до 3 400 русских приходов с 3 миллионами русского православного населения; теперь их не более 800 000, а с Русью Угорскою, входившею прежде в Перемышльскую же епархию, до 1 ½ миллиона.

Ввиду всех этих данных нельзя не согласиться с мнением галицкого историка Дионисия Зубрицкого, что древняя Русь простиралась до самого Кракова, который сам построен, по его мнению, на почве исконно русской (*Die Gränzen zwischen der russisechen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849*).

II.

Определив на основании грамот, хроник и других данных исторических, географических и этнографических, что древняя граница Руси от племени польского доходила в нынешней Галичине до линии от Кракова до Татр, мы переходим к рассмотрению ее продолжения в Угорщине, причем предполагаем доказать, что нынешний Спиш входит в состав земель искони русских, составляет часть наследия св. Владимира.

В самом деле, в состав древнерусских племен входили хорваты (белые), как о том свидетельствует Нестор: «и живаху в мирѣ поляне... и хорвате» (Лавр. лѣт. по изд. 1872 г., стр. 12); «иде Олегъ на грекы, поя же множество варягъ и словень... и хорваты» (ib. 29); «иде Володимиръ на Хорваты» ((ib. 119). На этом основании и Карамзин, и Соловьев причисляют белых хорватов к составным племенам древней Руси (Ист. Госуд. Росс., изд. 1842 г., I, 19. пр. 77; Соловьев, Ист. Росс. 1857 г., I, 48).

Но где жили в старину эти белые или русские хорваты? Мы предполагаем, что они занимали середину Карпат или Бескидов, то есть от линии как северные, так и южные склоны этих гор, между Краковом и Остригоном (*Strigonium, Gran*) на северо-западе до Тисы и Сама (*Samisius, Samosch*) в Угорщине и Семиградье и старой границы между Валахией и Молдавией на юго-востоке.

Но возвратимся к земле Спишской. Болеслав I, король Польский, заняв в 1018 г. Червенские города (Лавр. лѣт., стр. 140), то есть Перемышль и др., не мог не овладеть одновременно с тем и всей русской областью между Перемышлем и Краковом, а следовательно, и Спишской землей, но вся эта область опять была возвращена в 1031 г. великим князем Ярославом (Лавр. л., 146). Недолго, впрочем, Спиш оставался затем в соединении с Русью, он отошел вскоре к полякам, по одним предположениям в 1069 г. (Карамзин, II, 45), по другим же,

более невероятным – в 1102 г. вследствие выхода княгини Сбыславы Святополковны за короля Польского Болеслава (Лавр. Л., 266). Во всяком случае, около 1108 г. Спиш находился в руках последнего. В этом году, по рассказу Кромера (*De orid. Pol. 1. V*), в Спише происходил съезд Болеслава Польского с Коломаном I Угорским, причем заключен договор об обручении угорского королевича Стефана с польской княжной Юдифью (дочерью Сбыславы Святополковны), которой в приданое отдан был пожизненно Спиш: *Unde loco dieque constituto conveniunt principes in Scepusiensi territorio, societatem inter se ineunt, communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt. Ut foedus hoc firmum perenneque sit, nova affinitate sanciant: Colomannus enim Juditam Boleslai filiam Stephano natu majori filio suo despondit, Scepusiense territorium, quod Poloniae ditionis erat, in dotem datum.*

Это свидетельство Кромера почти дословно подтверждается и Длугошем, который прибавляет (*Hist. Pol. lib. IV, ad an. 1108*), что хотя Спиш лишь временно (*tunc*) принадлежал к Польше, однако немалая его часть состояла из земли Краковской, следовательно, Польской: *Colomannus Ungariae rex filio suo natu majori Stephano filiam Juditam Boleslai polonorum ducis desponsat uxorem, provinciam Scepusiensem, quae tunc juris polonorum fuerat et ejus non modica in terra Cracoviensi consistebat, Boleslaus filiae in dotem consignat. Ab eoque tempore sequestrata a Polonia in proprietatem et ditionem Ungarorum transiit.*

И польский хронист Матвей Меховский сообщает те же сведения (*Chron. Pol. I. III, c. 8, p. 49*): *Stephanus filius Colomanni regis natu major accepit Juditam Boleslai ducis Poloniae natam, cui pro dote assignavit terram Scepusiensem, et ab eo tempore in proprietatem Hungarorum transit*), однако прибавляет в другом месте (*c. 15, p. 57*), что не все историки называют мужа Юдифи Стефаном, но некоторые – Коломаном, венчанным в короли Галича: *hunc Boleslaum ducem tradidisse filiam suam ex ruthena genitam Colomanno alteri filio Colomanni regis Ungariae, ad coronandum eum in regem haliciansem, et non Stephano majori natu...*

Но положительнее и подробнее всех разъясняет этот исторический факт один из древнейших польских хронистов Познанский епископ Богуфал (ум. 1253). В своей хронике под 1108 г. он рассказывает, что Болеслав выдал свою дочь Юдифь, рожденную от русской крови, за угорского королевича Коломана, причем он дал ей в пожизненное владение землю Спишскую. Королевич Коломан коронован был с согласия государей Угорского и Польского в короли Галицкие. По смерти Юдифи угры отказались возвратить Польше Спиш, а обменяли его коварным образом на Перемышль, что было причиной раздоров между двумя государствами; так-то коварно отчужден Спиш

от Польши и удерживается до настоящего времени уграми! (Iste Boleslaus filiam suam de ruthena genitam Colomanni regis Hungarorum filio matrimonialiter copulavit, cui nomine dotis castellaniam de Spisz, quoad viveret, possidendam assignavit. Quem Colomannum una cum rege Hungarorum Haliciensibus in regem praefecerunt, cujus coronationem rex Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit et loco ejusdem castellaniam Premislensem nomine dotalitii filiae suae recepit. Haec autem dolositas fuit origo dissensionum inter Polonos et Hungaros, prout in sequentibus patebit. Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulententer detenta occupatur.)

Из приведенных свидетельств видно, что Спишская земля в 1108 г. была подвластна Болеславу польскому и в означенном году отдана пожизненно в приданое Юдифи, его дочери от русской княжны Сбыславы Святополковны, и так перешла во власть угорских королей; после ранней смерти Юдифи угры не возвратили Болеславу Польскому Спиша, а отдали ему взамен новозавоеванную землю Перемышльскую (то есть остальные части княжества Перемышльского). Таким образом, Спиш остался в руках угорских, Перемышль же возвратился потом во владение Рюриковичей, и поляки остались ни при чем. Ясно и то, что первыми обладателями Спиша были государи русские; от нас перешла эта область к Польше, а от последней – к Угорщине.

Новейшие мадьярские историки возбудили, однако, возражение против приведенных свидетельств польских источников и утверждают, что земля Спишская уже в X в. занята была мадьярами, основываясь при этом на следующих соображениях:

1) Княжна Юдифь Болеславовна имела-де в 1108 г. не более трех лет, следовательно, не могла еще быть обручена с угорским королевичем.

2) Королевич Стефан (на угорском престоле II-й) был-де женат не на Юдифи Болеславовне, а на дочери Апульского короля Роберта Гвискара (по Туроцию, Бонфину и Ганзану) или, по другим угорским историкам (Schier, *Reginae Hung.*, p. 100), на Аделаиде, дочери ландграфа Генриха Стефнинского.

3) По свидетельству безымянного летописца угорского (Anonymus *Belae regis notarius*), мадьяры уже в X в. заняли-де с прочими угорскими землями и Спиш, который затем управлялся мадьярскими воеводами.

4) Из одной грамоты германского императора Генриха IV (1056-1106) видно-де, что уже тогда граница Угорщины и Польши проходила по Татрам, причем Спиш должен-де был принадлежать Угорщине.

5) В грамоте угорского короля Генриха I от 1198 г. говорится, что

Остригонский архиепископ Иов имеет право на десятую долю королевских доходов и в Спише, по установлению святых королей Стефана I и Владислава I, следовательно, гораздо раньше 1108 г.

6) Спиш Длугоша, Богуфала и Меховского, принадлежавший, по их словам, к Перемышльскому или Галицкому княжеству, был-де не нынешний, а, вероятно, какой-то другой Спиш, в окрестностях Перемышля или даже Галича, быть может – в Покутье, где, по уверению угорского писателя Корнидеса (*Vindiciae*, p. 286), действительно было селение Спиш, обозначенное на одной польской карте XVIII века.

В ответ на эти возражения угорских историков (например, *Schier. Reginae Hung.*; *Benczur, Ungaria semper libera*; *Cornides, Vindiciae, Hollók, Nexus nationis hungarae cum polonica, Cassoviae 1831* и др.) можно представить следующие соображения.

1) Известно, что дети государей были в старину не только обручены, но и бракосочетаемы для политических целей в самом раннем детстве. Примеры того встречаются в истории как угорской, так и польской. Так, в 1211 г. четырехлетняя дочь угорского короля Андрея II Елисавета была не только обручена с малолетним сыном Турингского ландграфа, но и отослана тотчас к своему жениху с драгоценным приданым, подробное описание которого можно найти в житии св. Елисаветы, составленном неким Теодориком. В следующем, 1212 г. привезена была из Польши в Угрию дочь Лешка Белого Соломея с целью приготовления к браку с будущим Галицко-Владимирским королем Коломаном Андреевичем (*Vindingus ad an. 1212, № 35, p. 353*).

2) Свидетельство угорских историков о браке Стефана II на королевно Апульской или дочери ландграфа Стефнинского не противоречит данным польских хронистов о его же обручении с Юдифью Болеславовой, так как означенный король мог овдоветь и жениться вторично, как это и принимается обыкновенно историками (см., например, Гебгарди, *Allgemeine Weltgeschichte. Brünn, 1788, I, 214*).

3) Относительно летописи угорского Анонима должно вспомнить, что она написана либо при Белом III (*Bela III, 1174-1196 гг.*), либо при Белом IV (1235-1279 гг.), то есть в такое время, когда угорские короли искали повод и основания для подчинения себе Юго-Западной Руси, вследствие чего и Аноним обнаруживает желание во что бы то ни стало доказать исконную зависимость Руси от угорских королей. К тому же летопись Анонима переполнена географическими и историческими анахронизмами, например, указанием на завоевание мадьярами в IX в. городов Владимира и Галича, еще и не существовавших в то время (ср. Карамзина *Ист. Г. Рос. I, гл. V, ст. 83, прим.*). Впрочем, и Аноним угорский не причисляет Спиша к областям, завоеванным

мадьярами, напротив, рассказав о занятии ими Затисской области между рр. Керешем (Crisius) и Задьюво (Zagyva), верст на 300 удаленными от Спиша, он прибавляет, что границы угорских владений тянулись вплоть до Спишского леса: *et subjugaverunt sibi Hungari omnes habitatores terrae a Crisio usque ad fluvium Zageva et usque ad sylvam Scepus* (Anonym. Vel. reg. notarius, Cap. XXXII). Следовательно, и по Анониму Спиш не был завоеван мадьярами. Если же летопись угорского Анонима указывает в нескольких местах на Татры как на границу между Угорщиной и Польшей (например, в главе XVIII: *missus est Borsu filius Bunger cum valida manu versus terram Polonorum, qui confinia regni conspiceret ad montem Tatur et in loco convenienti castrum construeret causa custodiae regni*; или в главе LVII: *dux vero Zulta post reversionem militum suorum fixit metas regni Hungariae usque ad fluvium Morva (Morava) et eodem modo ex parte Polonorum usque ad montem Tatur, sicut primum fecerat regni metam Borsu filius Bunger*), то это чистейший анахронизм, так как в X столетии Угорщина еще не составляла королевства (*regnum*) и под своими воеводами не граничила ни с чехами, ни с поляками, а лишь с государством Великоморавским на севере от Остригона до Вацова на Дунае, а оттуда по Матре, рекам Тисе и Саму (*Samusius, Szamos*). Лишь по окончательном падении Великоморавского государства и по занятии его областей чехами стали мадьяры в соприкосновение с последними; когда же потом поляки вытеснили и чехов, и русских с южных склонов Карпат, то по ним прошла граница государств Угорского и Польского. Лишь со времен угорского короля св. Владислава I передвинулась эта граница к Мораве и хребтам Татр. Доказательства и подробности такого развития угорских границ будут представлены впоследствии. Но если бы мы даже принимали известия Анонима угорского за непреложную истину и считали Татры древнейшей границей Угорщины и Польши, то и тогда показания древних свидетелей о принадлежности Спиша к Руси остаются непроверяемыми, так как Спиш лежит восточнее Татр, начинаясь собственно там, где кончаются последние. Таким образом, Татры издавна составляли как этнографическую, так и государственную границу между Русью и Польшей, как они и теперь отделяют русский Спиш от польских воеводств Освецимского и Заторского; но на востоке со стороны земель русских Спиш не имеет никакой резкой физической грани: Попрад соединяет его с русскими исконно областями княжества Перемышльского.

4) Из предыдущего видно, что и грамота германского императора Генриха IV (1056-1106 гг.), на которую ссылается русский писатель Бенцур в сочинении *Hungaria semper libera* (p. 65) и по которой *montes Carpatios Tatri dictos praelaudati imperatoris aevo finibus regni Hungariae*

fuisse circumscriptos, ничего не говорит в пользу древней принадлежности Спиша к Угорщине, так как Тагры лежат к западу, а не к северу от Спиша, следовательно, отделяют его от Угорщины и Польши, а не от Руси.

5) Грамота угорского короля Генриха от 1198 года (Fejer, Codex diplom., t. II, p. 324) говорит не против, а в пользу мнения о присоединении Спиша к Угорщине лишь в 1108 г. Приводим эту грамоту целиком, а не урывками, как писатели мадьярские: *In nomine S. Trinitatis et individuae unitatis. Emericus Dei gratia Hungariae, Dalmatiae, Croatiae, Ramaeque rex omnibus notificamus, quod quia sanctissimus, rex Stephanus et beatus Ladislaus rex, Hungariae reges nostri patres et praedecessores ordinaverunt accepto apostolico mandato, ut de omnibus proventibus regalibus nunc habitis et quoque modo et nomine habendis atque ampliandis, rex Hungariae, quicumque fuerit in Deo coronatus per sedem Strigoniensem, in signum catholicae fidei, decimam solvere deberet archiepiscopo Strigoniensi, a quo fidem baptismatis et coronam receperunt. Nos eadem fide, que salvari volentes. In perpetuum statuimus, quod de omnibus proventibus regalibus archiepiscopus Strigoniensis decimam ad plenum recipere debeat, prout semper receperunt. Item decimam tributorum in terra Scipis et in Posonio ipsi domino Archiepiscopo in perpetuum pro mensa sua, sicut per SS. Reges eroant donatae; item pro salute nostra et pro discordia vitanda exemplo sanctorum regum donavimus in perpetuum domum regalem in castro Strigoniensi, quae nondum fuit opere consummata, eidem Strigoniensi Archiepiscopo tamen tempore necessitates nostrae ipse dominus Archiepiscopus. Nos in eadem recipere teneatur. Datum per manus domini Katapani episcopi Agriensis, aulae nostrae cancellarii, anno ab incarnatione Domini millesimo centesimo nonagesimo octavo.* Итак, король Генрих, следуя законам своих предшественников Стефана I и Владислава I, по которым (законам) архиепископу Остригонскому принадлежит десятая доля всех королевских доходов, как бывших при названных королях, так и приобретенных позже, постановил, чтобы архиепископ Остригонский получал и впредь, как прежде, десятую часть всех королевских доходов. Сверх того, король, подражая примерам предшественников, дарит тому же архиепископу десятую часть доходов со Спишской земли и города Пожуна, на расходы архиепископского стола, дарит, наконец, и королевский дом в Остригонской крепости, под условием принимать в нем в случае надобности короля. Таким образом, Спиш ясно выделен здесь от владений, присоединенных прежде, и с которых десятина выдавалась архиепископу издавна. Замечательно, что в этой, как в некоторых других грамотах, Спиш не называется комитатом, а землей Спишской: очевидно, что по случаю позднего приобретения ее Угрией земля эта не была еще

организована наподобие других частей государства. Архиепископы остригонские не получали, впрочем, со Спиша присужденного им королем Генрихом дохода, так как поселенные там угорскими королями саксы и другие жители латинского вероисповедания (*Saxones et Latini*) отдавали десятину со своих урожаев местным духовным властям (см. Wagner, *Anal. Scepus. I*, 264); коренные же русские жители Спиша упорно отказывались от платежа сборов в пользу не своего, а латинского духовенства. Архиепископы остригонские жаловались, конечно, королям на такие порядки: в 1289 году Владислав IV выдал архиепископу Владимиру подтвердительную грамоту на десятину со Спиша (см. Pray, *Specimen hierarch.*, p. I, p. 135); но она не могла иметь силы на весь Спиш, так как и краковские епископы распространяли свою юрисдикцию на спишских латинников еще в 1298 г. Последнее видно из индульгенций, данных Подолинской церкви в Спише Иерусалимским архиепископом армянского обряда Василием (*frater Basilius armenorum archiepiscopus*) и другими жившими в Риме епископами, под условием, чтобы эти индульгенции утверждены были местным епархиальным епископом Краковским, что и сделано было последним словами: *Non Ioannes dei gratia episcopus Cracoviensis ratas et gratas habentes pramissas indulgentias, praesentibus confirmamus nostrum sigillum apponentes* (Bardosy, *Supl. anat. Scep.*, p. 429 sq.). Лишь Якову, униатскому епископу в Спише (как он титуловал себя в грамотах), удалось окончательно уладить дело о доходах духовенства в Спише: в 1299 г. он, а не архиепископ Остригонский располагал десятинами даже в Подолине (Bardosy, *Supl. anat. Scepus.*, p. 432 sq.).

6) То обстоятельство, что Богуфал, Длугош и др. древние писатели связывают Спиш с княжествами Перемышльским и Галицким и с русской княжной Сбыславою Святополковною, не должно побуждать новых историков к поискам другого Спиша на востоке, в окрестностях Галича: в последнем случае трудно бы королям Угорскому и Польскому устроить свой съезд в том же Спише, который дан был Болеславом Польским в пожизненное приданое своей дочери. Да и могли Болеслав давать приданое в таких частях Руси, где в 1108 г. польские государи еще не имели никаких владений? Если же в ближайших окрестностях Галича или Перемышля действительно находилось или находится селение Спиш, то это могло бы служить лишь новым подтверждением исконного заселения Спиша русским народом, в чем вообще нельзя сомневаться.

Впрочем, северные границы Спиша и после 1108 года, то есть после включения его в Угорщину, были долгое время столь шатки, что рядом с государями Угорскими там распоряжались и владельцы Краковско-Судомирские. Так, в 1244 г. краковский и судомирский князь Болес-

лав пожаловал некоему Генриху солтыство (*scultetiam*) в спишском селении Подолине (*Bardosy, Supl. anal. Scopus., p. 311 sq*); вдова того же князя Кунигунда в 1280 г. подарила Подолин вместе с другими селениями Судецкой земли монахиням Клариссам (*Sanctimonialibus ordinis S. Clarae in civitate Sandec. Bardosy Supl. anal. Scopus., 157 sq*); та же княгиня Кунигунда в 1288 и 1289 гг. подарила своему подолинскому солтысу (*sculteto*) лес, лежащий в земле Спишской между Подолинцом и Гнездой (*Bardosy Supl. anal. Scopus., 285, 305*). В 1292 г. краковско-судомирский князь Вячеслав (*Venceslaus rex Bohemiae dux Cracoviae ac Sandomiriae, marchioque Moraviae*) распоряжался спишскими селениями Любовня, Гнезда и Подолинец, из которых последнее велел даже укрепить (*Bardosy, Supl. anal. Scopus., 350*).

Еще в 1298 г. спишские латинники причисляемы были к епархии Краковской, как это видно из вышеуказанных индульгенций архиепископа Василия; но доходами с подвластных еще Краковскому епископу селений в 1299 г. свободно располагал уже униатский епископ Спиша Иаков. Все эти аномалии, происходившие, конечно, от отсутствия естественных границ между Спишем и прочими частями Перемышльской Руси, подтверждают сохраненный польскими хронистами факт, что Спиш поступил во владение мадьяр не ранее 1108 г. Это доказывается и полнейшим отсутствием грамот, выданных угорскими государями или другими властями духовными и светскими по отношению к Спишу: по крайней мере, Вагнер и Бардоший, собрав в своих изданиях (*Analecta Scopusii* и *Supplementa analectorum Scopusii*) множество грамот и других исторических памятников, хотя бы лишь косвенно относящихся к Спишу, не в состоянии были найти в угорских архивах ни одного подобного памятника раньше 1209 г. Между тем, для других частей Угорщины, занятых мадьярами в X или даже XI в., есть много грамот не только знаменитых организаторов Угорщины, св. Стефана и св. Владислава, но и других духовных и гражданских властей. Когда третий организатор Угорщины Белый IV (*Bela IV*) дал в 1243 г. спишским дворянам (*nobiles de Scopus, Lanceolati*), населявшим десять привилегированных русскими князьями селений, грамоту, подтверждавшую старинные льготы этих дворян (*eandem, quam ab antiquo habuerunt conservare volentes libertatem*), то угорский король не сделал при этом ни малейшего намека на своих предшественников: опущение тем более странное, что в угорских грамотах поддерживалась тенденция все прежнее возводить ко временам старым, особенно к святым королям Стефану I и Владиславу I (ср. *Bardosy, Supl. anal. Scopus., 34 sq.*).

Итак, новые мадьярские историки, оспаривающие показания древних хронистов о том, что Спиш достался Польше от Руси как при-

даное Сбыславы Святополковны, и что он не ранее 1108 г. передан Болеславом Польским уграм в виде приданого за дочерью Сбыславы Юдифью, не имеют на своей стороне не то что правды, а даже правдоподобия.

Обратимся теперь к рассмотрению способа перехода Спиша от поляков к Угорщине. Все польские историки согласны в том, что Спиш лишь пожизненно дан был в приданое дочери князя Болеслава Юдифи (*quod viveret; in dotem datum, in dotem consignat, pro dote assignavit* и т.п.); если же остался во владении угорском и после смерти Юдифи, то это произошло, по словам Богуфала, следующим образом: *Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellanium de Spisz Hungariae incorporandam tradidit, et loco ejusdem castellanium Premislensem nomine dotalitii filiae suae recept...* *Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulententer detenta occupatur.* Этого исторического факта, отмеченного Богуфалом, не оспаривает ни один серьезный историк, кроме некоторых новейших угорских писателей, ложные основания которых выяснены уже выше. Если может что-нибудь возбуждать еще сомнения в этом вопросе, так это имя угорского королевича, женатого на княжне Юдифи (см. Gebhardy, *Allgem. Weltgeschichte* XLIV, p. 206); но это мало имеет для нас значения, хотя по всему видно, что мужем Юдифи был королевич, а потом король угорский Стефан II. Во всяком случае, никто из угорских историков не указал лучшего повода для перехода Спиша из владения польского в угорское.

После смерти Сбыславы Святополковны, последовавшей вслед за соглашением поляков с уграми касательно Спиша, прекратились дружественные отношения, господствовавшие дотоле между государствами Русским и Польским (ср. *Vita S. Ottonos* L. II, с. 4; Dlugos, p. 374). Главную причину тому было старание перемышльского князя Володаря Ростиславича вернуть занятые поляками в приданое за Сбыславой западные части его княжества, а в том числе и угорский уже тогда Спиш (ср. Gebhardy, XLIV, p. 207; Карамзин, *Ист. Г. Росс.*, т. II, гл. VII, стр. 93). Но и отношения угров к Руси были очень натянуты уже при Коломане, который, желая подчинить себе Юго-Западную Русь, потерпел в 1097 году сильное поражение под Перемышлем (Нестор, стр. 155 сл.; Карамзин, т. II, гл. VI, стр. 77); разведясь с русской княжной Евфимией, Коломан намерен был в начале 1114 г. предпринять второй поход на Русь (Gebhardy, LI, 208), но смерть 3 февраля 1114 г. (Schier, *Reg. Hung.*, p. 90) пресекла его планы. На смертном одре он заклинал, однако, своего наследника Стефана II загладить неудачи отца завоеванием Юго-Западной Руси (*Chron. Turoczuy, cap. LXIII; Pray, Reg. Hung.* P. 120; Карамзин, *Ист. Г. Росс.* Т. II, гл. VII,

стр. 93). Только возникшая вслед за этим война Угрии с Венецией помешала Стефану II немедленно исполнить завещание отца (Gebhardy, LI, 208), а вероятно, и желания его тестя, польского государя Болеслава Кривоустого. Из всего этого ясно, что союз, заключенный в 1108 г. между государями Польским и Угорским (*communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt*), скоро принял характер наступательного союза против Юго-Западной Руси. Имелось в виду Галич и Владимир со смежными областями подчинить королю Угорскому, а остальные части обширного Перемышльского княжества предоставить Болеславу Польскому, как бы в замену за отошедший к Угрии Спиш. Эти именно соображения имел в виду Богуфал, когда писал: *castellanium de Spisz Hungariae incorporanda tradidit, et loco ejusdem castellanium Peremislensem nomine dotalitii filiae suae recepit*. Для достижения своей цели Болеслав с 1117 г. стал подстрекать свойственника своего, владимирского князя Ярослава Святополковича, против великого князя Владимира Мономаха, так что последний принужден был прибегнуть к мерам, заставившим Ярослава бежать в Польшу (ср. Gebhardy, LXX, 306, 307, 308; Карамзин, II, гл. VII, стр. 92). Володарь Ростиславич, ужас и бич ляхов (Карамзин, II, гл. VII, с. 93), был в то же время захвачен ими хитростью (ср. Kadlubko, Lips., p. 720, 721) и выпущен на свободу лишь за громадный выкуп с клятвенным обещанием не только не нападать на польские владения, но и помогать Болеславу в предстоящем походе на Русь (Gebhardy, LXX, p. 310, 311; Карамз., II, гл. VII, с. 93, 94). Узнав о планах польского и угорского королей, Владимир Мономах решил предупредить их соединение и послал своего сына Романа, а после скорой его смерти другого сына Андрея во Владимир с поручением перенести оттуда войну в польские владения, чтобы удержать Болеслава от вторжения в Русь. Андрей действительно разорил соседние польские области, но вскоре принужден был возвратиться во Владимир, ввиду того, что Ярослав с поляками осаждал уже г. Червень (Карамзин, II, гл. VII, с. 92, 93). Вскоре прибыл и угорский король Стефан II с угорскими войсками и вспомогательным отрядом чешским. Перемышль занят был Болеславом Польским, конечно, по соглашению со Стефаном II и в виде вознаграждения за отошедший к Угрии Спиш. Союзные войска двинулись далее в Русскую землю и, заняв мелкие укрепления, приблизились ко Владимиру, который был последним оплотом Руси Галицкой и Владимирской. По завоевании последней предполагалось поставить в ней подручника угорских королей – Ярослава Святополковича; но неожиданная смерть последнего расстроила планы союзников. Дружина Стефана II, заметив в нем желание принять в свои руки управление Юго-Западной Русью, так испугалась этой мысли,

что отказала в повиновении своему королю и грозила даже избранием другого в случае его отказа возвратиться домой (Turoczy Chron., cap. LXIII; Pray, Reg. Hung., p. 120): *Domine, quid et quod facis? Si cum multa morte militum tuorum castrum capis, quem ducem constitues? Si inter principes Tuos eligis nullus remanet. Num quid vos vultis regno relicto habere ducatum? Nos barones castrum non oppugnabimus; si oppugnare vis, solus pugna; nos autem in Hungariam recedemus et nobis regem eligemus.* Из этих слов видно, что угорским войском предводительствовал сам король, что в князе Ярославе оно привыкло видеть будущего галицко-владимирского наместника своего короля, что по смерти Ярослава никто из бояр угорских не желал занять его место, что вследствие того король замышлял лично заняться управлением забранного края, что и вызвало ропот и даже угрозы войска. Храбрость осажденных, очевидно, напугала мадьяр. К тому же при дележе добычи могли произойти несогласия, которые и побудили угорского короля заключить отдельный мир с Русью, без заботы об интересах польского союзника. Не удивительно, что поляки должны были отказаться вслед за тем от Перемышльского княжества, за исключением, быть может, лишь незначительных западных его частей; Спиш же прочно утвердился с тех пор во владении королей угорских. Поляки оказались при этом в убытке, что и могло возбудить в них те неудовольствия против угров, о которых упоминают историки польские, угорские и иностранные.

Теперь нам остается привести еще исторические доказательства того, что Спишская земля искони принадлежала Руси, хотя Длугош и относит часть Спиша к земле Краковской, то есть польской.

Из слов Длугоша: *provinciam scepusiensem, quae tunc juris Polonorum fuerat, et pars ejus non modica in terra cracoviensi constitebat*, можно вывести, что он считал вообще Спиш лишь временным (*tunc*) владением польским, но некоторую его часть причислял к земле Краковской, Старопольской. Утверждая последнее, Длугош не ссылается ни на какой древнейший источник. Можно предполагать, что он имел при этом в виду небольшой северо-западный угол Спиша, известный под именем Магуры, где теперь употребляется наречие русско-польское или горальское, и где все церкви латинские, за исключением большого русского села Остурня; можно предполагать, что край этот уже во времена Длугоша был столь ополячен и окатоличен, что польский историк мог признать его искони польскою, а не русскою землей. Но успех ополячения не может сам по себе служить достаточным основанием для подобного утверждения, которое противоречит показаниям всех других древнепольских источников и основанным на них мнениям угорских историков Бенцура, Корнидеса, Голлока и др. Особенно

важно в этом вопросе свидетельство Богуфала, который обстоятельнее других знал и изложил события из истории Спишской земли; он же ни слова не говорит о принадлежности какой-нибудь части Спиша к Польше, а напротив, доказывает, как словами «*de ruthena genitam*», так и всем контекстом речи, принадлежность Спиша к Руси. Это свидетельство Богуфала и всех других древних писателей, за исключением Длугоша, принимается почти всеми новыми исследователями (ср. Gebhardy, *Allg. Weltgesch.* LI, 202); оно подтверждается и другими данными – географическими, этнографическими и церковно-административными, а равно грамотами угорских королей.

Одного взгляда на орографическую карту Западной Галичины и Северной Угорщины достаточно для убеждения, что Спиш не мог в старину принадлежать к воеводствам Освецимскому и Заторскому, от которых он отделен непроходимыми хребтами Татр. Своими речными жилами он находился в естественном соединении с лежащими на севере землями Перемышльского княжества, именно с землей Судецкой (Сандецкой), которой принадлежность к Руси доказана уже выше. Не лишено значения и то обстоятельство, что даже после 1108 г. части Спиша находились в распоряжении государей краковских и судомирских, благодаря, конечно, тесной географической связи Спиша с областями перемышльскими. Этим же объясняются и бесконечные, доныне не поконченные споры мадьяр с поляками за земли Спишскую и Судецкую, то есть западные части Перемышльского княжества. Эти споры начались вслед за занятием Спиша уграми. Серьезный характер приняли они особенно с XIV в., когда Польша, присоединив к себе Юго-Западную Русь, пожелала упрочить свои владения естественными границами, которых она не находила между Русью и Спишем. Польские государи постоянно стремились к занятию Спиша, тогда как короли угорские, наоборот, желали округлить его на севере присоединением к Угрии земли Судецкой. После продолжительных споров заключен наконец был 15 марта 1412 г. в спишском городке Любовне мир между Сигизмундом Угорским и Владиславом Польским, по которому взаимные их границы в Червонной Руси признаны в *status quo*, по крайней мере, на время жизни обоих государей (*in quieta utriusque regni possessione maneunt, lis autem nonnisi post elapsum ab obitu utriusque Regis lustrum suscitari voleat*); за то Молдавскую землю, в случае враждебных действий ее владетеля, предположено было разделить между Польшей и Угорщиной (Wagner, *Anal. Scerpus.* I, 7 sq). Но так как король Сигизмунд сильно нуждался тогда в деньгах, то по новому договору 8 ноября того же (1412) года он уступил за 37 000 пражских грошей Польше весь Спиш, с крепостцами Любовня и Подолинец и всеми принадлежащими к ним селениями; но к этому

присоединено условие, что Спиш может быть выкуплен угорскими королями из залога за сумму, равную вышеуказанному долгу (Wagner, Anal. Scepus. I, 212). Вскоре за тем, именно в 1434 г., угры пожелали воспользоваться этим правом выкупа своего залога, но поляки энергически воспротивились тому. Напрасно угры думали возвратить себе Спиш избранием 8 марта 1440 г. польского короля Владислава на свой престол: хотя Владислав и обязался при этом случае в торжественной грамоте уладить вековые споры поляков с уграми из-за Червонной Руси, Подолья и Молдавии, а Спиш возвратить Угорщине (Castrum Lublio in terra Scepusiensi cum omnibus civitatibus, oppidis, villis, quae titulo pignoris usque ad praesens tempus ratione regni nostri Poloniae pacifice possedimus et tenuimus atque tenemus, promittimus et pollicemur de nostra mera liberalitate statim postquam celebritas coronationis praemissae feliciter facta fuerit et consummata reintegrare et libere restituere regno Hungariae absque quavis pecuniarum praedictarum, in quibus pignori obligata fuerunt, exactione, litterasque quascunque superinde confectas mox post dictam coronationem restituemus etc. См. A Czepusegi XIV városok pragmaticai törtenete. Löczén 1842, p. 87, Palma, Explic. Juris in Russiam Minorem p. 18; Katona, Hist. critica, t. XIII, p. 23), но польские паны помешали выполнению этого условия. Впоследствии споры угров с поляками из-за Червонной Руси, особенно Спиша, возбудили такое раздражение между двумя народностями, что при угорском короле Матвее Корвине издан был даже в 1486 г. закон, запрещавший прием поляков, подобно как венецианцев, в индигенат угорский (Art. 32 de 1486: Item quis Poloni omni arte omnique via et technis conati sunt et semper conantur ad terras et dominia ad S. coronam pertinentia pedem interre et illa usurpare, prout etiam aliquam partem de facto usurparunt. Proinde statutum ac sancitum est sub nota perpetuae infidelitatis, ut nemo regnicolarum audeat illis aut eorum alicui castra portalitia, civitates, oppida, possessiones aut alia bona immobilira vendere, in scribere, impignorare commendare, donare vel aliter qualitercunque dare vel assignare). Есть и другие угорские законы, дышащие ненавистью к полякам из-за дележа Юго-Западной Руси. Так, ст. 11 определений 1751, ст. 15 от 1765 г. требовали возвращения Угории Спиша, но все это не имело последствий до тех пор, пока министр Марии-Терезии Кауниц не составил плана раздела частей Польши между тремя соседними государствами: в 1772 г. Австрия силой заняла Спиш и объявила его собственностью угорской короны, причем и 37 000 пражских грошей (до 800 000 гульденов) не были возвращены Польше, как достаточно покрытые многовековым обладанием Спиша поляками (Fessler, t. X, p. 180; Lassá István Lengyel ország stat, pag. 75). Но этим не окончились споры поляков с уграми из-за Руси: в 1794 г. они вспыхнули

снова в среде депутатов, высланных обеими сторонами для определения границ между угорскими и польскими владениями Австрийского дома: галичане настаивали на принадлежности им Спиша, угры же требовали для себя земли Судецкой, как принадлежавшей некогда Угорщине и организованной при Людовике I Великом под названием *comitatus Ovariensis* (ср. Bardosy, *Supl. anal. terrae Scepus. P. 89, nota 46. Boleslaus denique III terram Scepusiensem ac Premislensem ipsamque Galiciam invalvere quaesivit*; сюда относятся и грамоты у Бардошия на стр. 5, 11, 16, 54, 58, 59, 67, 157, 161, 268). Все эти споры, оконченные лишь в пятидесятых годах XIX века, возникли вследствие общих притязаний как поляков, так и угров, на Юго-Западную Русь, притязаний, которые объясняются главнейше отсутствием естественных границ между Спишем и Перемышльской землей, а следовательно, и географическою принадлежностью Спиша к Руси.

В том же убеждают нас и этнографические данные и соображения. Рассматривая древние грамоты, относящиеся к Спишу, мы часто наталкиваемся на русские названия лиц, селений, гор, лесов и т.д. Так, в грамотах, собранных Бардошием (*Supl. anal. Scepus.*), мы встречаем имена: *Merozlai* (стр. 253), *Ivan et Dan* (стр. 259), *Ivanus iudex* (стр. 262), *Detbor* (стр. 298), *Andreas filius Polyan* (стр. 389). В числе дворянских родов Спиша упоминается Герворд, Герборд, Гербурт, быть может, предок того Гербурта Добромильского, который в письме к папе Павлу V от 1616 г. в таких словах выражался о Руси: *Russi gens mea est, Russia patria nobis communis... Regnum Russiae maximum sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes Hungariae, Moesicae, Bulgaricae, Graecae, Moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella notae etc.* (Harasiewicz, *Annal. eccles. ruthenae*, p. 252).

Когда в древних спишских грамотах упоминаются немцы и латиняне, то они всегда называются при этом иностранцами, *hospites*; так, в грамоте короля Стефана 1271 г. читаем: *libertate fidelium nostrorum hospitem Saxonum de Scepus (A nepességi XVIs városok pragm. Története, p. 47)*; в грамоте Карла Роберта 1317 г.: *quod hospites et Saxones nostri dilecti et fideles de Scepus (ibid., 51)*; в грамоте Бела 1243 г. при упоминании его брата Коломана, владевшего пожизненно Спишем: *hospitibus nostris in villa Olassi, ... juxta consuetudinem aliorum hospitem (ibid., 61)*; в грамоте Людовика I 1374 г.: *fidelis de S. Ladislao (городок Четверг, нем. Donnersmark) de comitatu Scepusiensi in sua et universorum civium et hospitem nostrorum de eadem personis (ibid., p. 64)*; в грамоте Сигизмунда 1433 г.: *hospitibus ac toti communitati civitatum terrae nostrae Scepus (ibid., p. 83)*.

Встречаются изредка в древних спишских грамотах упоминания и словаков, но и они именуются иностранцами, *hospites*: так, в грамоте, данной словакам деревни Томаши в 1278 г., они названы *hospites slavi* (Biderman, Ungar. Ruthenen, II, 80); то же название прилагается к ним и в грамоте Белы IV 1258 г., касающейся спишской территории Надость: *quod cum terram Nadosth in Scepes hospitibus Slavis dederimus, ut nobis de eadam censum solvant* (Bardosy, suppl. anal. Scepus, p. 91). Горсть мадьяр, обитавших некогда в Спише, также упоминается в числе иностранных поселенцев в грамоте 1280 г., касающейся доходов духовенства: *Hungari, Saxones, Slavi, Latini* (Fejer, Codex diplom, V. 3, 41). Что касается поляков, то их не было в Спише, кроме северо-западного угла Магуры и городков Любовня и Подолинец, причем жители двух последних колонизованы из немцев не ранее XVII в. (Biderman, Ung. Ruthenen, I, 10).

Итак, коренным населением Спиша были русские: они и теперь этим именем зовут свою народность и славянскую церковь, несмотря на вековой гнет мадьяр и поляков, осыпавших льготами спишских немцев, словаков и латинников на счет подавленных русских автохтонов Спиша. Лишь в ближайшем соседстве латинских монастырей, основанных мадьярами и поляками, совращены были русские спишаки в римскую церковь, а с тем вместе пострадал и их язык; по внушению латинских ксендзов, эти окатоличенные спишаки стали называть себя с конца XVIII века словаками, хотя их говор резко обличает их русское, а не словенское происхождение: даже слово «словак» не умеют они выговорить правильно по-славянски, с протяжением второго слога, как, например, говорят их липтовские соседи, а зовут себя словяками. Еще менее могут они выговорить: трсть, прши и т.п.; вместо словенских же смрек, смречна спишаки говорят: смерек, смеречна. Они помнят, что они не коренные липтаки (то есть словаки) и что деды их лишь в недавнее сравнительно время перешли из русской веры в латинскую. Вообще спишское наречие по слогаударению своему не имеет ничего общего с говорами словенскими, напротив, оно не отлично почти от просодии угорских и галицких русских, именно западных лемков. То же самое отличие от словаков и сходство с русью замечается в одежде, постройках, занятиях и самом телосложении спишаков, так что в их русском происхождении нельзя бы сомневаться и в таком случае, если бы они все олатинились: между тем до 30 000 душ и теперь еще сохраняют в Спише свой русский язык, русскую церковь и русское имя (ср. *Schematismus cleri dioecesis eperjesiensis*).

Таким образом, в географии и этнографии Спиша мы находим подтверждение исторических свидетельств о древней принадлежности Спиша к Русской земле; то же доказывают и церковно-административные ее отношения.

Принадлежность коренного населения Спиша к восточной церкви явствует из приведенной выше грамоты 1280 г. (Fejer, Cod. dipl. V. 3, 41), по которой лишь иностранные поселенцы (*hospites*) Спиша (мадьяры, немцы, словаки, латиняне) вступили в добровольную сделку с латинским духовенством относительно платежа ему десятины, но в том же году встречаем и некоторых русских жителей Спиша подчиненными Остригонскому архиепископу и латинским священникам, то есть совращенными в унию, причем обряды восточной церкви и даже причащение под двумя видами были строго сохраняемы. Между этими спишскими униатами (преимущественно из среды *nobiles lanceati*) и латинниками возгорелась потом такая вражда, что первым запрещено было строить свои церкви и содержать особых священников, после чего эти униаты перестали крестить своих детей, причащаться перед смертью и принимать елеосвящение, как это видно из грамоты архиепископа Владимира от 1280 года: *et ex praedictis nobilibus propter inhabentiam sacerdotis eorundem sine confessione ac sine communicatione corporis et sanguinis D. N. Jesu Christi nec non sacra unctione semel, medius et tertius homines essent expirati, atque infantes baptismatione carentes emigraverunt et per cives praedictae civitatis multas blasphemias ad ecclesiam procedentes passi fuissent* (Wagner, Anal. Scepus, I, 111). Ссоры дошли до взаимных проклятий, даже драк возле латинской церкви в городке Четверг (мадьяр. Csütörtök, нем. Donnerstagmark, лат. Oppidum S. Ladislai), которая, по моему личному исследованию, построена была в два яруса: для русских под землей и для немцев над землей. Для примирения враждовавших явился в Спиш сам Остригонский архиепископ Владимир, происходивший, кажется, из русских бояр или даже князей; в виде особенной милости он дозволил униатским дворянам построить особую, хотя лишь приписную, церковь и иметь своего священника, как это видно из грамоты, изданной этим архиепископом в 1280 г. (Wagner, Anal. Scepusii, I, 111). Но установленный им в Спише мир не был продолжительным: в 1286 г. русские жители Спиша, соединившись с болгарами и кунями (вероятно, с румунами и половцами, составлявшими значительную часть войск короля Владислава IV), а равно с другими православными, произвели опустошительное нападение на владения латинского духовенства, особенно Спишского монастыря (*capitulum Scepusiense*): в церкви этого монастыря размещены были лошади восставших; монастырские грамоты были уничтожены, даже печать отобрана. Король Владислав IV, находившийся тогда в Спишском замке, был свидетелем всех этих опустошений, но не препятствовал им по вражде с папами и сочувствию к православию: *Cum rex Ladislaus piae recordationis terram Scepus intrasset et in suburbio castris*

de eadem descensum habuisset, timore Dei postposito gens Bulgarorum, Cumanorum et aliorum achismaticorum ecclesiam beati Martini invadentes et eandem ac sacristiam concellarent et cum equis conculcassent, et etiam quam plurimorum nobelium instrumenta litteralia simili modo condemnata extitissent, in grande praedudum ejusdem ecclesiae s. Martini et gravamen (ср. Wagner, Anal. Scepus, III, 14). Достоверность этого происшествия подтверждается и заявлением Спишского монастыря об изготовлении новой печати, которой решено пометить все изданные прежде монастырем грамоты (Bardosy, Supl. anal. Scepus, 259); о том же свидетельствует, кажется, и заявление спишского города Левочи об уничтожении татарами (вероятно, куманами), русскими и другими враждебными народами древних грамот этого города, что могло случиться при вышеупомянутом восстании спишских православных или другом подобном (см. Bardosy, Supl. anal. Scepus, p. 400); то же подтверждает и грамота угорского короля Андрея III от 1290 г.: quod tempore domini Ladislai Regis patruelis fratris nostri ipsa ecclesia B. Martini per insultas Cumanorum et neugerorum miserabiliter extitisset spoliata et camera ejusdem ecclesiae confracta ac omnia bona praedictae ecclesiae fuissent ablata et instrumenta ac privilegia super possessionibus ecclesiae suae confecta enormiter pedibus equorum contrita etc. (Wagner, Anal. Scepus, I, 303).

Православное население земли Спишской со времени крещения своего при Владимире Святом всегда принадлежало к митрополии Киевской, именно к епархии Самборско-Перемышльской: об этом свидетельствуют древнее народное предание и древние антиминсы уцелевших в Спише русских церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Киевскими митрополитами; то же доказывает и вышеупомянутый доклад папе в XVII в. о положении униатского дела в присоединенных к Польше, Литве и Угорщине частях Руси (nam etiam Hungariae nonnullae et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum, то есть episcopatum Premislensem pertinet. Harasiewicz, Annal. eccl. Ruthenae, p. 303). Между тем известно, что власть русской иерархии не распространялась за пределами Русского государства, так как это вызвало бы большое сопротивление и соседних епископов, и Цареградского патриарха, всегда наблюдавшего за неприкосновенностью епархиальных границ. Это служит новым подтверждением исторического факта принадлежности древнего Спиша к Руси не только в народном, но и в государственном смысле.

Остается теперь доказать, что и угорские короли смотрели на Спиш как на землю искони русскую. Подтверждение тому находим в их трактах с польскими королями касательно Юго-Западной Руси: Спиш обыкновенно причисляем был при этом к княжеству или королевству

(под управлением короля Коломана) Галицко-Владимирскому, что подало даже, как мы видели, историкам угорским повод искать Спиш не под Татрами, а на востоке, в окрестностях Галича. В договоре Сигизмунда Угорского с Владиславом Польским 1412 г. касательно Юго-Западной Руси говорится очень обстоятельно и о Спише; то же находим и в условиях избрания в угорские короли Владислава Ягеллона в 1440 г. На правах угорской короны на Русь основывала и Мария-Терезия свои притязания на Спиш, когда присоединила его в 1772 г. к Угорщине: потому-то и первыми губернаторами Австрии в Галичине были угры – гр. Гадик и Юрмений (Ürményi).

Важен в истории Спиша тот эпизод, когда Коломан, сын угорского короля Андрея II, принял титул короля Галицко-Владимирского; по изгнании из Галича, он удержал титул русского короля, а с ним и владение в Спише, как это явствует из вышеупомянутой грамоты Белого IV от 1243 г. (*A Szepeségi XVI. Városok pragmatikai története*, 61), затем из его же грамоты от 1269 г., где подтверждаются вклады спишскому цистерцианскому монастырю *de consensu fratris nostri Colomanni Regis* (Wagner, Anal. Scepus. I, 391), и, наконец, из грамоты угорской королевы Елисаветы 1279 г., где прямо говорится, что Спиш принадлежал до смерти русскому королю Коломану (*Colomanni regis inclytæ recordationis, qui dum adhuc viveret, terram Scepus possederat asque ad vitam suam* (Wagner, Anal. Scepus. I, 299).

В некоторых грамотах угорских королей Спиш причисляется к частям Угорской Руси (*Russia hungarica*); дорога же через Спиш ведет, по словам грамоты, в направлении к Угорщине, в состав которой, следовательно, он не входил непосредственно; так, в грамоте Бела IV от 1243 г., пожалованной некоему Герварду, мы читаем: *vice quondam in Russia, quae vocatur hungarica, nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter dimocavit... dahinc et super fluvium Dones* (то есть Дунаец на границе Спиша) *perstitit in conflictu* (Bardosy, Supl. anal. Scep. 150 p.); в жалованной же грамоте угорского короля Андрея III от 1297 г., данной канонику Марку, публичная дорога, проходящая мимо спишского селения Коритника, названа ведущей в Угорщину: *usque ad unam viam, qua itur versus Hungariam* (Bardosy, Supl. anal. Scepus. P. 419 sq.).

Из приведенных исторических, географических и этнографических данных, подтвержденных как древнейшими грамотами, так и хрониками польскими и угорскими, с полной несомненностью можно заключить, что граница русской народности и государства в X и даже XI вв. проходила не по Сану, даже не по Вислоку или Вислоке, как утверждают некоторые тенденциозные писатели новопольские, а по линии от Кракова до хребтов Татр и далее по их гребню до северо-восточного угла нынешнего Липтовского комитата в Угорщи-

не. Таким образом, здесь древняя Русь соприкасалась с государством Великоморавским, а по его падении – с государством Чешским (см. Летопись материцы словенской, год XII, вып. 1, стр. 23). Граница между древней Русью, именно входившим в ее состав племенем белых хорватов, и Чешским государством проходила в век Владимира Святого по водораздельному кряжу между течением рек Вага и Грона, то есть по отрогам гор Фатры, примерно по южным границам нынешних комитатов Липтовского, Оравского, Турчанского, Нитрянского и Коморнянского. С Угорским государством Русь соприкасалась в то время по Дунаю между городами Остригоном (Gran) и Вацовом (Waizen); затем по низменностям, обрамляющим горы Вацовские и Матру, мимо г. Ягра (Egau) до р. Шаявы или Солной; далее по этой реке до Тисы, ее ложем до впадения Сама (Szamos), вверх по течению последнего в нынешней Сатмарской области, и в Семиградье возле Самош Уйвара, до смежных Семиградских Альп, которые преп. Нестор не без основания называл горами Угорскими: здесь утвердились первоначально угры, оставившие свое имя Угровлахии: отсюда спустились они в Семиградье и в долину Среднего Дуная.

Доказательства такого очертания древнейших западных границ Руси в странах закарпатских представлены будут в особой статье.

А. И. Д.

Источник: Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCVIII. 1880. С. 134-159.

Единая РУСЬ

<http://www.edrus.org>

Сайт создан в 1999 г. для противостояния ставшей официальной националистической версии истории на Украине. Содержит материалы по истории украинского раскола, создания «мовы» и гонений на общерусский язык, размышления о культуре и геополитике, аналитические статьи и архивные документы.

На сайте можно найти классику полемики с украинофилами (Н. Ульянов, Л. Волконский, князь Трубецкой и др.) и современных критиков украинской идеи (С. Сидоренко).

Яков ГОЛОВАЦКИЙ

ИЗОБРАЖЕНИЕ СОСТОЯНИЯ ГАЛИЦИИ В 1848 г.*

(Эпоха восстановления русской народности в этой стране)

В настоящую важную минуту, когда представители народов конституционной австрийской монархии заседают в Верховном Совете, чтобы рассуждать о благе отечества, чтобы положить прочные основания дарованным правам свободы и уяснить взаимные права и обязанности, когда при этом должны быть приняты во внимание и различные отношения отдельных провинций и наций, – оказывается необходимым осветить положение дел в Галиции, тем более, что особенности двух главных народностей провинции, русских и поляков, и взаимное их отношение много затрудняют понимание стоящих на очереди вопросов и требуют немедленной развязки. Смешанное население Галиции находится в сильном брожении, в состоянии вооруженного, более или менее напряженного ожидания. Смутные толки, угрозы, насмешливые или выражающие ненависть речи в летучих листках, журналах и публике возбуждают раздражение. Событий еще мало, но демонстрации случаются часто.

Откуда эта ненависть, эти угрозы, это раздражение, этот беспорядочный разноречивый крик? Откуда это неожиданное движение? И почему настоящие, конституционные, спасительные перемены развиваются также насильственно? Следующее, основанное на истинных событиях, изображение состояния Галиции имеет в виду заявить на эти вопросы достаточные ответы.

Две главные народности Галиции – русские и поляки, хотя славянского племени, существенно отличаются друг от друга происхождением, языком, религиозными обрядами, правами и обычаями.

---

* Предлагаемый вниманию читателей «Вестника» очерк польско-галицкой революции в 1848 г. во многих отношениях любопытен для нас и поучителен. Он не только рисует интересную картину прошедшего, но и представляет прекрасное *fac simile* настоящего. Из этого очерка видно, что попытка, не удавшаяся тогда в Галиции, теперь только перенесена на другую территорию с прежней обстановкой. Из этого же очерка видно и то, что мы имеем теперь дело с детьми, получившими в наследство от своих родителей все революционные приемы: и ложь, и клевету, и подкупы, и обман, и террор, и всякие другие низости – утратившими гражданскую честь народа. *Ред. «Вестника».*

Русский народ образует особую, самобытную народность, подобно чехам, кроатам (хорватам), сербам, болгарам, полякам и другим славянским племенам.

Из более чем пятимиллионного населения Галиции русских, которые твердо сохраняют свой язык и восточный обряд, насчитывается более 2½ миллиона. Они населяют округа: Черновичь, Коломеа, Залещики, Тарнополь, Станиславов, Березань, Злочов, Стрый, Салибор, Санок, Перемысль, Жолкев, Львов, также часть округов Решов, Ясло и Сандок. Кроме их в Галиции считается более полумиллиона немцев, армян, чехов, мадьяров и др.; более 400 000 евреев, 150 000 молдаван в Буковине и только 1½ миллиона поляков. Большая часть из них в названных округах по своему происхождению, языку и нравам – чистые русские. Русскими они и признают себя, к полякам же причисляются только потому, что принадлежат латинской вере. Округи Видовище, Бохни, Тарнов и прилежащие к ним части округов Сандок, Ясло и Решов почти исключительно населены ветвью польского племени – мазурами, число которых превосходит далеко за миллион. В русской части Галиции поляков мало; к ним принадлежит большая часть помещиков, их официалисты и слуги, преимущественно ренегаты из русских. Большая, населенная русскими часть Галиции некогда составляла самостоятельное русское государство, входившее прежде в состав общерусской земли. Великое государство Русское, при наследниках Рюрика и Владимира святого приведенное в упадок внутренними раздорами и усобицами удельных князей и восстаниями их против верховной власти великого князя, вызванными господствовавшей тогда системою дробления наследственных уделов, могло противопоставить напору монголов и татар только очень слабое сопротивление и подпало наконец под их владычество. Тогда возросло значение и могущество русских князей владимирских и галицких, и образовалось великое, самобытное государство Русское с столицею *Галичем*, отчего происходит и название королевств Галиции и Лодомерии.

Русское государство, цветущее и благоустроенное внутри, могущественно было извне. Верховные князья этого царства носили несколько времени титул королей Галиции и составляли передовой оплот против вторжения на запад татар, которых могущество было значительно ослаблено сопротивлением русских их натиску.

Соседственные и родственные отношения к Венгрии имели следствием то, что короли Венгрии стали обнаруживать притязания на владение этими княжествами русскими, – случалось даже, что принцы венгерского королевского дома восходили на престол Галиции, и этим притязанием венгерской короны усвоилось даже до новейших

времен полное значение, – почему и Австрия при падении Польши завладела Галицией и Лодомерией, как прежней русской провинцией

Когда угас русский княжеский дом Галиции из рода Рюрика и Владимира и русские, ослабленные внутренними несогласиями и вторжениями татар, не могли оказать врагу значительного сопротивления, польскому королю Казимиру удалось силой оружия уничтожить самостоятельное Русское государство, подчинить его своей власти и присоединить к Королевству Польскому; в этом польском рабстве русские томились до тех пор, пока Галиция не подпала (вследствие раздела Польши великими державами) под власть Австрии. Боязнь потерять насильно присоединенные русские провинции родила в поляках постыдную мысль ополячить совершенно русскую народность и таким образом обезопасить себе владение этими провинциями.

Ужасны средства, употребленные поляками для того, чтобы подавить язык, православную веру русских и уничтожить их национальность. Русским отказывали в политических и гражданских правах, их не допускали ни к каким должностям и чинам, стесняли заведение русских школ и употребление русского языка, не только не заботились об образовании русского клира, но и препятствовали ему, отнимали под разными предлогами богатые вклады русских церквей, подвергали насмешкам, презрению и обидам духовное сословие, а с сельским духовенством поступали, как с крестьянами¹. Систематически подвергая презрению и осмеянию, доводя до совершенной нищеты и одичалости русских, оставшихся верными своей национальности, наделяя преимуществами и отличая ополячившихся, недостойных сынов преследуемой русской нации, поляки надеялись достигнуть цели своей гнусной пропаганды. Католическое духовенство, преимущественно иезуиты и монахи других орденов, не стыдились тогда под различными предлогами оказывать существенные услуги р. к обряду и злоупотреблять именем священной религии, за что были щедро награждаемы отнятыми у русских церквами, похищенными церковными имуществами и богатыми заводимыми между русскими учреждениями.

К явному вреду и с целью уничтожения греческого обряда вся страна русских была, как сеть, покрыта польским приходским и монашеским духовенством, которое, будучи ослеплено преимуществами и богатством, в своем высокомерии поступало с русскими исповедниками восточной церкви, как с еретиками, и попирало ногами русское духовенство – своих братьев во Христе. Фанатизм его вызвал почти невероятный, однако же исторически верный обычай – отдавать русские церкви в аренду жидам, которые позволяли их отворять только за уплату известной подати. Этим думали принудить русских ходить

в римскую церковь. Память о таком бесчестии перешла в народные песни, и те из них, которые поются в велик день (Пасху) во всей русской стране, полны сетований и жалоб на подобного рода угнетения православия. Все эти жестокие, возмущающие душу вековые преследования не могли, однако, поколебать твердости русских и уничтожить в них любовь к своему языку и восточному обряду. Полякам едва удалось только ополчить выродившуюся, алчную к богатствам, почестям и неограниченному самоволию русскую шляхту. Большинство оставалось непоколебимо, верно своему языку, своему обряду и сохранило даже до настоящего времени свою национальность в полной силе и чистоте. В прежнем Польском Королевстве только шляхта и латинское духовенство пользовались привилегиями и почти неограниченными правами свободы; с народом же поступали, как с крепостными. И городское сословие почти не имело никаких прав; только шляхта составляла нацию, все прочее было народ, чернь. Могущество и значение королей было ограничиваемо при каждом избрании и дошло, наконец, до полного бессилия. Наступило неограниченное самовластие шляхты, и Королевство Польское, погруженное в совершенную анархию, должно было разрушиться.

Польша пала частью от необузданности и высокомерия шляхты, частью вследствие преследований, направленных против русских, не только православных, но и униатов, и полонизм живет только в польской аристократии и нищенствующей шляхте, которая усиливается воротить потерянное самовластие. Это государи без нации, корпус офицеров без армии; потому польский народ, которого никогда не признавали за нацию и не поступали как с людьми, вовсе не питает симпатии к полонизму и противится всякой революционной попытке восстановить Польшу. Он считает поляков своими врагами и боится возвращения ненавистного ему польского правления. Да, крепко живут еще в народе сохраненные преданием воспоминания из времен польского владычества, и он настолько умеет сравнить свое прежнее состояние с настоящим, чтобы понять, что его естественные человеческие права получили защиту лишь под правлением конституционной Австрии, что теперь только определены их обязанности к помещикам и поставлены границы чрезмерным, незаконным их требованиям.

Все эти насилия поляки оправдывают теперь духом того времени. Но что сделали они с 1772 года? Они не знают других интересов страны, кроме своих частных; как прежде, так и теперь, тщательно отделяют себя от сельского народа, сколько можно распространяют свое имяние грунтами, отнятыми у подданного, умножают число дней барщины разделением крестьянских грунтов и т.д. и противятся что есть силы всем касающимся пользы крестьян мерам правительства. Толь-

ко с большим трудом удалось народу русскому при пособии правительства завести сельские школы. И сельский народ должен забыть прошедшее, когда он не видел до последнего времени никакого доказательств перемены к лучшему! Поляк помнит земледельца только тогда, когда нуждается в нем, а вообще нисколько не заботится о нем; потому и сельский народ платит ему той же монетой. Бесплезными оставались все бывшие (особенно с 1830 г.) покушения поляков побудить к восстанию сельский народ².

Прекращение польского владычества чрезмерно обрадовало русских. Под гуманным законом австрийской конституции греко-унитский обряд был сравнен в правах с римско-католическим, русскому духовенству дано приличное его званию образование, значительно улучшено его содержание, и изданы многие законы, влиявшие благотворительно на материальное его благосостояние.

Зато и русское население всегда отличалось непоколебимою привязанностью к правительству, прямодушием и спокойным поведением. Русское духовенство, правильно понимая свое апостольское звание, словом и делом служит для послушных им прихожан образцом глубокой преданности власти и закону.

Весь сельский народ Галиции всех национальностей, русские всех сословий, верные своему языку и обряду, и почти все горожане и мещане приняли дарованные им конституционные права с особенной радостью и благодарностью. Все желают одного – остаться членами единой, сильной нации под эгидой свободной, связанной единством трона конституции; все заботятся о том, чтобы нигде не допустить в этот переходный период, когда старый порядок уничтожен, а новый еще не установлен, – анархии или незаконного своеволия, стремятся повсюду твердо сохранить спокойствие и порядок и ожидают развития дарованных им новых прав свободы конституционным путем.

Одна только польская революционная партия думала воспользоваться движениями, вызванными новыми, приобретенными правами, для своих революционных целей, для приведения в исполнение разрушенного в 1846 году плана. Она враждебно отнеслась к австрийской монархии и желанию всего населения Галиции. Ее план известен всем и открыто высказывается партией в адресах и периодических листках. Она развивает обширный замысел – приготовить восстание Галиции для достижения независимости Польши, а для того, чтобы вернее достигнуть этой революционной цели, она держит население Галиции в постоянном брожении и старается возбуждать и питать раздражение в народе против правительства и его органов. Она знает подлинные причины ужасающих событий 1846 года, знает первоначальных виновников кровавых жертв того года. Однако в своем преступном

замысле ревностно распространяет разглашенные об этих событиях живые слухи, которыми обыкновенно ожесточенный и бесчестный человек старается скрыть следы совершенного им преступления. Кто не разделял намерений этой партии и осмеливался только не одобрять ее замысла, того бесчестнейшим образом оклеветывали перед целой страной, тому приписывали контрреволюцию крестьян, хотя крестьянин только из-за страха к польскому правлению и по необходимости личной обороны против восставших отражал силу и по своей грубости проявил ее в жестоких насилиях. Император простил виновных, но польская партия из своих интересов не прощает и невинным; она почитает выхлопотанные великодушными венскими братьями и получившими одобрение от императора права свободы плодом своих усилий и своей заслуги; в благодарность она считает себя победителем и завоевателем и, обходя существующие суды и законы, провозглашает себя судьей над невинными, осуждает и приговаривает к изгнанию чиновников, не сочувствовавших безумному предприятию партии. Первый удар был направлен против тех из них, которые, несмотря на трудность обстоятельств, непоколебимо сохранили верность и преданность императору и честно исполнили свой долг. Вообще чиновники, которые отличаются законным образом действий и противостоят козням революционной партии, составляют предмет самых яростных нападков и постыднейших клевет со стороны этой партии. Даже высоко стоящие администраторы, пользующиеся повсеместной известностью и почти обоготворяемые прежде самой этой партией, не были пощажены злоречивыми языками, как скоро своими законными поступками пошли наперекор планам этой партии. Они сочиняют, смотря по нужде, разные небылицы, искажают происшествия и стараются задеть в них чью-либо личность. Этими средствами революционная партия хотела парализовать деятельность чиновников, стеснить их, чтобы открыть более простора для своих действий. Она уже и достигла отчасти своей цели: многие чиновники колебались, когда не нашли себе поддержки у правительства, и не имели поэтому никаких средств противостоят нападкам революционеров. Кредит правительственных органов заметно упал, могущество правительства значительно ослаблено, и если поспешно не будет положена преграда этому злу, то можно опасаться полной анархии. Для этой партии все средства позволительны; она попирает основные правила истины, человечности и разума и не призадумается ни на минуту принести благо отечества в жертву своему сумасбродному предприятию.

«Rada narodowa Polska» во Львове, орган революционной партии, и учрежденные во всех окружных городах комитеты покушались, под видом посредничества и контроля, стать между органами правитель-

ства и народом с целью ослабить действие законных авторитетов и поставить авторитетом себя самих, по крайней мере, заставить смотреть на себя как на представителей нации, хотя все население Галиции с сильным негодованием отвергает такое протекторство.

Объявивши, что уничтожение барщины есть дар помещиков, эта партия думала привлечь на свою сторону народ для своих целей и распространяла слухи, что император и австрийское правительство побеждены, что поляки уже повсюду восторжествовали над ними и снова приняли власть в свои руки.

Поверенные, помещичьи официалисты, арендаторы, местные помещики и другие искатели приключений объезжают страну в качестве рассыльных газеты «Rada narodowa» с целью обеспокоить и ввести в заблуждение подобными слухами сельский народ. Они рассеивают недоверие и раздор, возбуждают страсти и раздражают простолюдинов, ни мало не думая о том, что малейшая искра, неосторожно раздутая, может произвести пожар и повторить печальные сцены 1846 года.

Но они бы постарались и тогда прибегнуть ко лжи, отклонить от себя подозрение в виновности и обвинить других в печальных последствиях. Учреждение правительством национальной гвардии, казалось, представляло этой партии удобный случай для организации революционной армии. С этим умыслом были посланы по всем направлениям страны польские коменданты. Исполнение плана, однако, сокрушилось о честность народа, который проник умысел этой партии и под таким предводительством не хотел присоединиться к земскому ополчению, даже высказал повсюду свое намерение охотно помогать правительству против польского восстания.

Одновременно с Познанским и Краковским восстаниями, без сомнения, и в Галиции началась бы борьба за независимость, которая вызвала бы многие жестокие преследования и повлекла за собой кровавые жертвы, если бы приверженность к императору и австрийскому правительству, так решительно высказанная русскими и сельским народом вообще, не утратила и не обуздала эту партию.

Только в некоторых местечках, окружных городах и в Львове, сборном пункте революционеров, удалось этой партии образовать нечто вроде национальной гвардии.

С отвращением подчинялись этой необходимости благомыслящие по большей части жители, и только для избежания кровавого столкновения позволяли этой национальной гвардии оставаться, к досаде всего населения Галиции, под командой польской революционной партии, носить гербы Королевства Польского, польского орла и польскую национальную форму и по прихоти некоторых личностей принимать в свои ряды таких, которые по определениям статута вовсе не могут поступить в национальную гвардию.

Опираясь на эту противозаконно организованную национальную гвардию, польская революционная партия установила дикую охлократию; она уничтожила свободу, подчинила страну деспотическому гнету, терроризму, чтобы все заставить служить делу полонизма. Слово конституция служит предлогом ко всякому своеволию, всякому насилию; ненавистная система шпионства в полном ходу, и свобода тиснения превращается в грубейшую дерзость печати.

«Gazeta narodowa», «Dziennik narodowy», «Kurier lwowski» и другие подобные им газеты этой партии открывают свои столбцы только для лжи и клеветы; они обманывают свет и думают таким обманом служить своему делу, рассчитывают на легковерие и близорукость своих приверженцев и через то думают приобрести их силы в свое безусловное распоряжение.

На поддержание печати, редакторов, шпионов и различных агентов, на подкупы и обольщения учащегося юношества, ремесленников, рабочих и слуг были истрачены большие суммы, добытые поборами и притеснениями.

Смертельный удар замыслу революционной партии отделить Галицию от Австрии и восстановить Польшу нанесло национальное восстание русских³.

Под правлением Австрии хотя и была принята под защиту правительства национальность русских, но донныне не была поддерживаема сообразно народному праву. Притязания поляков продолжались. На русских тяготели еще многие печальные следствия польского владычества, предрассудки прошедших веков еще продолжали производить свои действия. Несмотря на признанное законом равенство, латинское духовенство сохраняло свое первенство, ему было вверено наблюдение над школами, праздники были соблюдаемы строго только по латинскому календарю, латинское духовенство пользовалось преимуществом относительно пособий из религиозного фонда, как это показывают оклады жалования церковной администрации и дефицитам, различные новые вклады и сбережения их религиозного фонда в пользу латинского духовенства, равно и правила приходской инвентуры. При этом вовсе не обращали внимания на то, что русское духовенство живет в брачном состоянии и должно содержать многочисленное семейство, а также вдов и сирот своего звания. Не было обращено никакого внимания и на то обстоятельство, что большая часть Галиции вовсе не польская, но русская провинция и русский язык – коренной язык, язык страны. Русский язык был допущен только в приходские школы, напротив, польский язык введен в нормальные школы, и при университете Львовском учреждена кафедра польского языка и литературы. Равно все законы и указы были обнародованы только на немецком и польском языках.

Эти и подобные ошибки областной администрации не позволили русским дать своему языку надлежащую разработку и распространение и поднять свою народность.

Только недостаток надлежащего знания истории племен Галиции и существенного различия их национальностей, неумение оценить истинное положение этой провинции и не совсем верное понимание со стороны правительства своих интересов могли произвести продолжавшуюся до сих пор ложную правительственную систему и равнодушие к русской национальности, чем поддерживались надежды польской революционной партии на восстановление Польши в древних границах и оживлялись продолжавшиеся до сих пор революционные интриги в Галиции.

Польская партия и теперь еще осмеливается стеснять дарованные русским конституцией права национальности. Эта партия даже отрицает, вопреки исторической правде и фактической действительности, существование их национальности, почему принимает русскую часть Галиции за составную часть Польши и думает некогда снова подчинить ее Польше. Как будто бы конституционная свобода предоставлена только полякам, что они осмеливались порицать возвышенные русскими в пользу своей национальности голоса, считая их вторжением в права поляков и думая простым своим – *niepozwalam*, повергнуть русских в прежнее польское рабство.

Когда конституцией была признана национальность русских и даровано им право образовывать частные союзы, русские тотчас воспользовались этим правом. Они образовали в главном городе Львове, под председательством своего епископа, человека высокого образования и признанных добродетелей, центральное общество для русской провинции, которое посредством учрежденных в целой стране многочисленных вспомогательных обществ было признано всем русским населением в качестве представителя русской нации для охранения ее прав конституционным путем.

Следовательно, общество русских есть законно национальное, тогда как польский совет объявляет лишь несправедливое притязание на это имя. Поэтому, не говоря уже о восточных округах, оно не вдруг может найти приверженцев между сельским народом даже в округах мазуров. Польская революционная партия противодействовала законным обществам русских привычным орудием низкой клеветы и интриги, она не постыдилась в виду всего населения Галиции, перед лицом всей Европы заявлять ложь за ложью, устно и печатно ругать и порицать это общество и его отдельных членов. Конституционное развитие русской национальности и объявление русских, что они хотят остаться в тесном соединении с Австрией, эта партия назвала

реакцией. Прогрессом она называет только те предприятия и то безумное стремление, которое помогает их цели – отделению Галиции от Австрии. Она непременно хочет, чтобы русские помогли восстановить Польшу, подчинились польскому владычеству, отреклись от своей собственной национальности и принесли ее в жертву полонизму⁴.

Однако все эти усилия были бесплодны и должны были сокрушиться о постоянство русских, об их священное право и могущественную защиту со стороны конституционной австрийской монархии. Во времена свободы свободная нация не позволит поработить себя одной партии. Центральное общество русских опирается на твердую волю всей русской нации, которая довольно могущественна, чтобы дать надлежащий вес своим справедливым требованиям. Либеральные идеи нашего времени, на основании которых создаются новые реформы, требуют соглашения различных интересов наций на начале равенства. Теперь уже не довольно одного личного уравнивания всех членов государства перед законом – необходимо уравнивание прирожденных национальных прав народов Галиции. В эту конституционную выработанную новейшими событиями мира эпоху только на таком равенстве может быть основано и вполне беспечно благосостояние русской нации и сохранено спокойствие в Галиции. Священнейшая драгоценность каждой нации есть язык и народность. Любовь к ним при теперешней конституционной свободе составляет руководительный принцип всех действий и стремлений русских. Пробужденный для свободы народ русский имеет право стремиться к осуществлению тех гарантий, с которыми связано нравственное бытие свободной нации. Русские требуют политического равенства, без которого невозможно политическое единство. Русины почитают себя обязанными доставить своему отечественному языку и своему внутренне связанному с национальностью обряду то высокое положение, которое прилично им как языку и религии свободной нации. Они уже вышли, подобно другим нациям, из детского возраста и чувствуют в себе силу защищать свою национальность. Присяжная этим принципам русская нация твердо решилась: упрочить за собой вполне все права конституционного развития, всеми силами противиться каждому покушению на эти права и преследовать эту священную цель в полном согласии с правительством. Поэтому русская нация должна настоять на том, чтобы в обитаемой русскими части Галиции русский язык был введен во все присутственные места, должности, суды и во все школы, чтобы, следовательно, он был коренным языком и чтобы восточный обряд получил первенство; но никаким образом она не может позволить заменить, как этого делает польская партия, немецкий язык польским.

С другой стороны, вполне справедливо и то, чтобы в населенной мазурами части Галиции польская национальность получила свое законное развитие. Русская нация равно и за всеми иноплеменниками, живущими на русской почве, признает право идти беспрепятственно по дороге своего национального развития и в отношении церковного устройства, образования, литературы, внутреннего устройства общин и судопроизводства пользоваться равенством их языка с русским, только бы не в ущерб русской национальности.

Это национальное развитие может быть достигнуто только разделением Галиции по существующим национальностям на русскую и польскую провинции. Только таким образом будут восстановлены спокойствие и порядок и положена преграда стремлениям польской революционной партии.

Особенности обеих национальностей, различие их языка, их обрядов, нравов и обычаев требуют особенных конституционных путей развития и существенно различных учреждений. Общее для целой страны правление, составленный из обеих национальностей сейм, не может удовлетворить потребностям столь различных национальностей, не может содействовать благу этих двух наций и должно уничтожиться во взаимной оппозиции, в борьбе двух поставленных прошедшим во враждебные отношения народностей. Напротив, каждая обособленная нация сумеет развить конституционным путем свое благосостояние, чем может быть скреплена связь целой монархии.

Против этого разделения Галиции, существенно необходимого для утверждения гарантированных конституцией прав национальности и свободы и для восстановления общественного спокойствия и порядка, протестуют только польская революционная партия, несколько состоящих на службе и жаловании ее русских-ренегатов и немногие, с задними мыслями ложно выдающие себя за русских. Они хорошо знают, что с осуществлением этих мер и с появлением нетерпеливо ожидаемого устройства общин, с уничтожением поэтому наследственной судебной власти поляков-помещиков должен кончиться их своеобразный и произвольный метод действий. Для протеста были собраны подписи, причем употреблялись все средства обольщения и всевозможные угрозы, чтобы этот протест, по многочисленности добытых происками или вынужденных подписей, представить будто бы желанием нации, хотя при справедливой оценке собранных подписей протест этот оказывается делом одной только партии.

Поэтому все друзья отечества желают соединиться и содействовать скорейшему осуществлению указанных мер - устранению польской революционной партии со сцены действия и доставлению народу воз-

возможности воспользоваться спокойствием и порядком и принять участие в политических плодах приобретенных ими прав.

От русинского главного (сейма)
собрания

Львов,
20 августа 1848 года.

(Сообщено проф. Льв. унив. Ф. Г. ....)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Самое почтенное русское название священника «поп» (отец, от греческого *πάπας*) было употребляемо поляками только как ругательное слово. Император Иосиф II должен был издать на то свое запрещение; несмотря на то, поляки и теперь позволяют себе употреблять это название в укор греко-униатскому духовенству.

2. Мог ли крестьянин в 1846 году стать под знамя восстания, поверив обещанию, что подарят ему барщину те, которые требовали ее со всею строгостию, даже накануне восстания? Мог ли он взяться за оружие и жертвовать своею жизнью и имуществом по призыву тех, кто теперь проповедовал братство, равенство и свободу, а прежде трактовали его как животное? Только от правительства он мог ожидать защиты и помощи; поэтому и восстал против общего им врага так грозно и неумолимо.

3. Смотри на все эти проделки польских революционеров 1848 г., поневоле вспомнишь русскую пословицу: «родом куры чубаты» (Ред.).

4. Русские, которые носят эмблему своей национальности – золотых львов и бледно-желтого цвета кокарды, были публично на улице оскорбляемы поляками в своем национальном чувстве.

Источник: Вестник Юго-Западной и Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Декабрь. Год второй. Т. II. Киев, 1864. С. 119-133.

Дмитрий МАРКОВ

ГАЛИЦКО-РУССКИЙ ВОПРОС*

I.

Малороссы по натуре народ добрый, терпеливый. Исторические страдания, сознание векового рабства закалили характер мягкого малоросса, сделав его устойчивым и беспощадным в борьбе за народные права. Тем объясняется коливщина или гайдамачество на Украине: с этой точки надо смотреть и на исторические типы Гоголя (Тарас Бульба) и Шевченка (Гонта, Железняк); те же черты встречаются и у галицкого малоросса. Оторванные от русской культуры и русской государственности червонороссы долгое время находились в неволе, духовной и физической. В глазах пана или латинского ксендза червоноросс еще недавно был только «быдлом», без земли и прав гражданина. Но раз ему удалось порвать «кайданы», он становится заклятым врагом своих притеснителей. Эта социальная и национальная психология – следствие вековых страданий малороссов – не встречала однако объективной оценки у противников. Близорукий враг, где только и как только мог, подливал масла в огонь.

Причины такого печального явления, повторяющегося и в наше время (кровавые выборы, убийства крестьян в спорах с помещиками), кроются в особом культурно-национальном типе и в социальных и государственных взглядах. Малоросс защищал все время славянскую культуру, т. е. свою славяно-русскую народность; поляк, воспитанный на началах западноевропейского феодализма и римского клерикализма, считал и считает, к сожалению, еще ныне чуть ли не призвани-

---

* Настоящая статья принадлежит перу видного галицко-русского политического деятеля и публициста Д. А. Маркова, депутата венского рейхсрата. Освещение галицко-русского или, вернее, русско-польского и украинского вопроса, данное г. Марковым в этой статье, отличается точностью, ясностью и простотой. Нельзя сказать того же относительно меры, какую предлагает автор статьи для разрешения «украинского вопроса» у нас и за рубежом: в данном случае формула, предложенная г. Марковым, отличается некоторой туманностью. «Украинский вопрос» в Зарубежной Руси в его историческом генезисе еще несколько понятен, хотя дальнейшее его развитие может, как то признает и г. Марков, гибельно отразиться на судьбе Галицкой Руси. У нас же, в империи, само существование украинского вопроса является полнейшей нелепостью, плодом детских наивных мечтаний наших все еще беспочвенных интеллигентов-украинофилов. *Примечание редакции.*

ем своим уничтожить «варварскую», т.е. славяно-русскую культуру. Малоросс по складу души крайний демократ, поляк – аристократ *par excellence*... Польский интеллигент видит свою задачу в служении чужим идеалам. Рим, чужие и не народные династии, выгоды шляхты и вообще интеллигентных слоев составляют его первейшую заботу; крестьянин польский у него на втором плане, славянство на последнем.

И в Галичине, несмотря на полвека конституционной жизни, до сих пор нет между поляками *настоящей народной, славянской демократии*. Политика и воспитание галицко-польского интеллигента находятся все еще в рамках старопольской идеи, аристократической, не народной и далеко не славянской.

Правда, современные польские партии шеголяют формально демократизмом, но это лишь дальнейшее развитие все той же политической идеи. Вместо шляхетской партии станчиков в настоящее время у поляков имеется несколько новых партий: демократов, народных демократов или вшехполяков, людовцев, католических централистов и т.п. Но стоит присмотреться к ним ближе, и окажется прежняя идея поэта Скарги и Мицкевича, с ее шляхетскими рыцарями и римскими прелатами.

Без катастрофы поляки не откажутся от старой формы и старых границ польской «*dzielnic-ы*». Им постоянно грезится старинная, победоносная Польша от моря до моря – хотя бы пока лишь в форме аллегорического старопольского рыдвана с прикованными к нему легионерами Малой и Белой Руси!

Новейшие события в Галицкой Руси являются доказательством только что сказанного. Сознвая ослабление Русского государства, вызванное страшными ударами на Дальнем Востоке, одна часть польской интеллигенции, так называемые вшехполяки, и польский клир объявили новую безрассудную войну Востоку. Результаты деятельности успели уже сказаться: массовые убийства крестьян во время выборов, политические гонения и тюрьмы, насильственная латинизация бедного, следовательно, зависимого рабочего люда, костелы в чисто русских селах и деревнях и т.д. Правда, одно время казалось, что польские политики опомнились: устроена была искренно и без задней мысли славянская манифестация в австрийском парламенте против прусской экспроприации; последовали затем славянские дни в Праге.

Не тут-то было. Даже убийство галицкого губернатора графа Андрея Потоцкого украинофилом-студентом Сечинским лишь на минуту расшевелило совесть польских политиков. После похорон несчастной жертвы польской политики все пошло по-старому, тем более, что

и убитый граф, как впоследствии оказалось, был таким же бесщадным исполнителем польской исторической миссии, как его дед и его прадед.

И в наши дни продолжается безумие и неистовства в отношении русского братского народа. Тюрьмы наполнены по-прежнему русофилами и украинофилами, кто за песни о политическом убийце, кто за явно выраженное сочувствие убийце или его родным. Между тем поляки должны были бы идти плечо о плечо с чехами в общей борьбе против натиска германизма.

II.

Известный галицко-русский деятель А.И. Добрянский часто называл унию безобразием. Мы не пойдем так далеко; по-нашему, уния это то же, что брак поневоле, с теми же последствиями. Таково и единение Червонной Руси с Римом. Огнем и мечом насадили у нас унию польские паны и иезуиты. Буллы умнейших римских первосвященников – Климента, Венедикта и Урбана остались в Польше пустой и мертвой буквой. Они под напором местной польской иерархии никогда не исполнялись и не исполняются.

Но еще недавно, особенно с момента перехода червоннорусских земель от властной шляхетской Польши под скипетр царствующего дома Габсбургов, уния казалась сносной. Было, например, время, когда галицкое греко-католическое (униатское) духовенство, пользуясь конституционными основными законами, стало заводить у себя порядки, отвечающие именно постановлениям названных выше пап.

За время управления Львовской митрополией покойным М. Яхимовичем, очень способным и деятельным архиепископом, началась коренная чистка греческо-русского обряда. Однако эта чистка русской души и русского обряда кончилась для нас печально. Митрополит М. Яхимович умер скоропостижной смертью (говорят, его отравили польские иезуиты), протоиерей Наумович и его сподвижники попали в опалу и принуждены были жестоко каяться за деятельность. Движение 70-х годов понемногу утихло.

И лишь бороды, этот видимый знак «схизмы», еще долгое время беспокоили польских ксендзов. Причем и тут дело не обошлось без репрессий и процессов. Так, священник В. Саламон из Комарник до конца своей жизни вел с Римом и Львовской митрополией спор из-за своей бороды, которая была признана греховной. В 1885 г. император Франц Иосиф запретил приветствовавшим его угро-русским священникам носить бороды.

С этой поры не могло быть и речи о дальнейшей чистке русского обряда. Призраки бородатой «схизмы», встревожившей польских

гладкобритых и хитрых прелатов, скоро совсем улетучились. Лишь так называемые «святоюрские попы» (кличка для непримиримых поклонников реформы обряда), сверстники митрополита Яхимовича и протоиерея Наумовича, оставались в душе праведными, хотя свое православие проявляли только в том, что часто не упоминали папы во время литургии – особенно Пия IX, которого после его благословения турок в русско-турецкую кампанию прямо ненавидели.

С переводом Наумовича в Россию пришел всему конец. *Excommunicatio latae sententiae* по поводу перехода в православие села, где был протоиереем Наумович, осталась грозным *memento*.

Притихли и ревностные старики-священники, работавшие над национальным, культурным и экономическим подъемом галицко-русского крестьянина. Осталась у них лишь глубокая вера в правоту русской идеи и вера в ее победу. Этой веры не поколебал даже последовавший в 1882 году захват иезуитами василианских монастырей с их миллионным имуществом. К концу 80-х годов польские политики уверили Вену, что рано или поздно можно будет воссоздать Польшу, конечно, в прежних исторических границах, но во главе с Габсбургами. Для проведения в жизнь этой затеи надо было подготовить почву, прежде всего, в галицко-русском обществе.

С этой целью провозглашена была в 1890 году в Галицком сейме так называемая «новая эра», иначе говоря, второе издание Брестской и Люблинской унии в миниатюре.

Польским политикам удалось поймать на эту удочку украинофилов, которые устами депутата Романчука провозгласили не только верность Австрии, но и принципиальное подчинение и преданность Риму. Окончательно запряг в униатскую колесницу украинскую партию (за исключением радикалов) львовский митрополит Сильвестр Сембратович, хотя ему и не удалось вполне оправдать надежды Рима.

В последнее время появилась новая звезда на галицком небосклоне. Пятнадцать лет тому назад постригся в униатские монахи польский граф Андрей Шептицкий, бывший кавалерийский офицер, юрист по образованию. Шептицкому с самого начала удалось завоевать сердца простодушных галичан: даже такой умный и прозорливый деятель, каким был покойный А.И. Добрянский, поддался на эту удочку и был очарован новым епископом.

Спустя четыре года граф Шептицкий почувствовал почву под ногами. Прежнее настроение духа – мистическое, умиленное – заменилось иным, более реальным. Двести тысяч крон годовичного дохода Львовской митрополии создали совсем другое настроение. Граф Шептицкий сперва повез раза два-три русских униатов в Рим; затем посетил с униатами-паломниками Иерусалим; сам же лично, где мог,

участвовал в торжествах общекатолических, интернациональных. Все эти торжества, поездки, аудиенции создали графу Шептицкому популярность дипломата и ловкого царедворца.

Но по мере этих успехов в самой епархии замечалось полное запустение: в церквах грязь, беспорядок, в обряде хаос, церковное пение в упадке, среди белого духовенства деморализация, недостаток дисциплины и крайняя партийная борьба. Это, однако, нисколько не мешало успехам графа Шептицкого и не поколебало к нему симпатий.

Только в последние годы заметные тени затемнили в душах галичан до сих пор светлую личность будущего апостола соединения «схизматического» Востока и католического Запада.

На похоронах гр. Шембека, польского епископа - изгнанника из России, граф Шептицкий в надгробном слове не только хвалил борьбу графа Шембека с питавшим его русским государством и народом, но даже объявил себя, хотя и в сдержанной и политической форме, прямым преемником и последователем гр. Шембека. Действительно, в последние три года создан в галицких церковных делах настоящий ад. Из духовных семинарий изгоняются (или просто не принимаются) русские воспитанники-кандидаты, от священников отбирается присяга не читать русских и украинских радикальных газет, русские священники (русофилы) преследуются с большим упорством, чем во времена исторической Польши.

Венцом этой подпольной деморализации русского народа и его церкви являются бесчинства василианского ордена как в Австрии, так и в Америке.

Реформированные недавно иезуитами василиане совершенно переменили в настоящее время свой облик. Старые василиане были «обрядовцы» и любили свой народ. Молодые реформированные иезуитами – это дикие, необузданные шовинисты. Их главные черты – фанатизм, фальшь, крайняя бесхарактерность и полное невежество. Единственной их задачей является борьба против «схизмы», против «москалей». В настоящее время все василиане – украинофилы. В церковь они вводят насильственно латино-польские новшества и постепенно заменяют таким образом русский обряд латинским и польским; с проповеднической кафедры они возбуждают народные непросвещенные массы к систематической борьбе со «схизмой» и с «москалями».

Церковные и монастырские имения они продают часто евреям. Правительство не противится этому, тем более что вырученные деньги посылаются обыкновенно в Рим. За последние несколько лет продано несколько поместий. Четыре года тому назад василиане хотели продать старинную церковь в Подгорцах, и только протест паствы и боязнь, что она перейдет в православие, помешали продаже старинного храма.

В 1908 г. василиане предложили Львовской городской думе продать старинный Свято-Онуфриевский монастырь XII века. Характерно при этом, что городской архивариус и хранитель местных древностей поляк Чоловский высказался за сохранение старинного монастыря и назвал поведение василианского ордена вандализмом; в то же время представитель митрополита, протоигумен Филяс изъявил согласие на продажу самой старинной части монастыря, колокольни.

Латинизаторские планы графа Андрея Шептицкого не ограничиваются, однако, внутренней деморализацией галицко-русской церкви, но идут значительно дальше. Недавно в Скнилове вблизи Львова основан новый униатский орден св. Студита. Студитов в настоящее время около 50 человек; в орден принимаются не только русские греко-католического обряда, но и инородцы латинского обряда.

Студиты подготавливаются для деятельности на Востоке. С этой целью собираются во всех приходах пожертвования на постройку громадного униатского монастыря в Вифлееме. Рядом с этим гр. Шептицкий вносит растление и в украинскую партию, более радикальную и в делах веры более индифферентную.

Ловкая политика графа Шептицкого не замедлила отразиться и в Америке, среди галицких эмигрантов, где также уже началась страшная религиозная рознь. В начале 1907 года была издана Римом булла «*Ea simper*», подчинившая вновь назначенного униатского епископа, шляхтича и василианина Сотера Ортынского католическим епископам, воспретившая тайну миропомазания, брак униатских священников, крещение детей смешанных супружеств в русский обряд и т.п. Эта булла, встреченная единодушным протестом американских униатов, тем не менее вступила в Америке в жизнь и должна подготовить постепенную и полную латинизацию американских униатов.

Латинизация американских эмигрантов-малороссов является первым шагом латинизации малороссов вообще, началом полонизации Червонной Руси. Полонизация же Червонной Руси составляет лишь скрытую, но общую цель всей польской интеллигенции, от которой польские интеллигенты не так скоро откажутся. На тайном заседании польских консерваторов в Кракове (*prawica narodowa*) решено было как раз после Пражского съезда и в присутствии выдающихся польских неославян приступить, прежде всего, к систематической латинизации Восточной Галиции. Этот план осуществляется на наших глазах, и польские газеты печатают даже ежемесячные списки о переходе русских униатов в латинство.

С нашей стороны нет, к сожалению, надлежащего отпора, нет систематической борьбы и организации. Галицко-русская интеллигенция в общем терроризована. С отдельными лицами поступают бесце-

ремонно. Українофільський редактор Цегельський, обличавший графа Шептицького і назвавши його в газеті «Діло» польським Валепродом і ворогом Русі, принужден був выбити із складу редакції. В середі так названої руско-народної партії положення ще гіше. Пишущому ці строки пришлось испытать немало неприятностей за то, что он указывал на подпольную работу униатских епископов.

Конечно, рано или поздно придется одной части нашего общества – интеллигенции – взяться смело за борьбу с опасным врагом. Начало уже сделано. Русская молодежь и образованные крестьяне уже организуются. Правое крыло руско-народной партии, виднейшие представители которой еще не так давно подписали митрополичий манифест по вопросу о постройке униатского храма в Вифлееме, будет парализовано новой эволюцией в самой партии.

III.

Летом 1908 г. в Галицию приехали вместе с графом Бобринским русские гости их империи. Львов встретил гостей без протеста, но на третий день кто-то бросил в экипаж, везший графа Бобринского, тухлое яйцо. Впоследствии оказалось, что авторами этого скандала были студенты львовской ремесленной школы. Мои единомышленники, особенно младшие, едва не вступили в свалку. Старики отговаривали, сваливали вину на украинские школы и на Шевченко, отца и родителя украинского радикализма. Лишь полицейский агент, стоявший на улице, выразился покрепче: «dziez, psiakrew tatarska». В чем же, собственно говоря, дело?

Несомненно, украинофильство – опасный нарыв на русском теле. Нарыв этот пока назревает. Пока он лишь рос и получал форму, за больным ухаживали разные врачи: они-то и впрыскивали разный яд для того, чтобы сделать русский организм более нечувствительным и пригодным для дальнейшей вивисекции. Тут были польские пань, иезуиты, австрийские министры, и особенно со всеми «Drcibund'a» тут исполняли роль ассистентов, фельдшеров свои же подневольные, недаленовидные и слабохарактерные прислужники – рабы.

Украинофильство еще так недавно было движением более демократическим и социальным, нежели национальным; национальная окраска была лишь внешней формой движения. В России оно шло параллельно с освободительным движением.

Украинофилы в Австрии в борьбе с аристократической Польшей, с главенством лукавых польских политиков и иезуитов сыграли огромную роль. Идеи Тараса Шевченко были живым огнем, который жег сердца галицко-русской молодежи, воодушевляя на борьбу с польским и венским жестоким режимом.

Сочинения Шевченко воспитывали идейно нашу молодежь; они и научили ее самоотверженно бороться за «долю и волю» галицко-русского мужика, стонавшего под гнетом панов и немецких чиновников.

Смело и без смущения принялась украинофильская партия за задачу приобщить в социальном и культурном отношении к мировому прогрессу свою интеллигенцию. Украинофильство скоро сделалось именно благодаря своему демократизму и своей первоначально беспощадной тактике по отношению поляков, панов и поработителей галицко-русского мужика сильным фактором в возрождении Галицкой Руси. Консервативная русско-народная партия исполняла свою задачу в другом направлении, более идеальном; украинофильство было левым крылом, и, надо признать, очень сильным рычагом экономического и социального развития народа. Это и заставило поляков смотреть на него как на вопрос будущего, как на дело совсем реальное.

Скоро старая русская партия после ряда гонений и вследствие своих же ошибок принуждена была уступить первое место украинофильству, более живому и подвижному. В надежде борьбы с ненавистной «Москвой» поляки уже в эпоху третьей революции поддерживали украинофильское движение. В рядах украинской молодежи раздавались прокламации о совместных судьбах исторического трилистника (Русь, Польша и Литва), а генерал Мирославский в своем завещании писал: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон в сердце России. Пускай уничтожат Русь! Раздуем ненависть и споры в русском народе! Русские будут рвать себя своими же когтями... Мы зато будем расти, будем крепнуть...».

Окончательная попытка была сделана в 90-х годах. Заключен был договор политического и церковного характера (при министре иностранных дел гр. Кальноки); введено в школах фонетическое правописание; сами поляки заговорили о политической Украине – «від Карпатів до Кавказу»... Так очутилась Польша с униатско-антирусской и малорусской Украиной в одной паре!.. И с этой поры насажден был шовинизм и невиданная до сих пор ненависть к России и русским. Польская школа не коверкала понятия юных малороссов о России и вообще о русском народе. «Москва и схизма» составили альфу и омегу украинской воспитательной системы. Скоро, однако, украинофильство окрепло и показало зубы.

Года два тому назад украинские студенты с редким мужеством начали борьбу из-за Львовского университета, сопровождавшуюся враждебными манифестациями, за которые манифестанты были посажены поляками в тюрьму. Затем в 1908 году галицко-русский студент,

«украинец» Сечинский убил львовского губернатора графа Потоцкого. Польское общество обиделось университетским «вандализмом», оно огорчилось, вскипело, просто взбесилось после апрельского страшного события, но скоро помирилось с фактом. Для «украинского» университета подыскивается уже место – вероятно, Черновцы как самый близкий и подходящий Пьемонт против русского единства; в деле Сечинского стали искать психоза.

И не скоро порвут польские политики узы, связывающие поляков с украинцами, ибо для существования ягеллоновской идеи необходимо историческое трио: Русь, Польша и Литва. Разорвать эти узы может и должен, в интересах славянства, лишь русский народ и русское общество, у которого есть на это законное право. И развязка вопроса должна наступить возможно скорее; иначе случайные волны бурного украинского потока, оставившего под напором враждебных стихий свое русское русло, могут порвать плотину и окончательно иссякнуть в чужом озере, ослабив, конечно, глубину и ширину мирного течения могучей русской реки.

Украинофильство в настоящем его, так сказать, исключительно галицком издании опасно, и с ним необходимо бороться, но культурными средствами. Лучшие люди, вышедшие из среды малороссов, указали путь, по которому следует направить ныне украинский вопрос: это путь национального и культурного единства.

Великий Гоголь не только поставил на пьедестал выдающихся борцов и мучеников за единство Руси, но он в «Мертвых душах» завещал нам, малороссам, свою глубокую, беспредельную и идеальную любовь к необъятной, широкой и великой Руси!... Даже Тарас Шевченко, хотя он и горько плакался на гнет «москалей», т.е. чиновников и дворян, и он не имел в виду две или три Руси, а лишь один свободный, могучий и счастливый русский народ... **«Не вернется** козаччина, **не встатнуть** гетьманы», говорит Шевченко в стихотворении «До Основяненка», хотя тут же прибавляет: **«Наша дума, наша пісня не вмре, не загине»**...

Таковы малорусские гении в их задушевных мечтах, в их цельных, ясных и определенных убеждениях. Собирали они русскую душу и русских героев по всей Русской земле и нам завещали делать то же самое. Именно теперь надо беречь всякую единицу, надо собрать огромную массу энергии для осуществления полной **гармонии русской племенной силы**, всего русского народа. Эту дружную, черную и тяжкую работу пускай освещает лучезарный луч, святая цель: **русская культура, ее могущество и ее величие!**

ОМЕЛЯН ДМИТРОВИЧ ДОВГАНИЧ (8.05.1930 - 31.10.2009)

Омелян Довганич народився 8 травня 1930 р. в с. Нижнє Селище Хустського району Закарпатської області в селянській родині. У рідному селі закінчив шість класів школи. У 1942 р. вступає до Хустської гімназії, яку закінчує через три роки. Перед навчанням у Львівському державному університеті ім. І. Франка працював у Хустській районній газеті. Потім була військова служба, партійна робота, керівництво республіканським видавництвом «Карпати». У 1946 р. О. Довганич починає дослідження антифашистського руху на Закарпатті в роки Другої

світової війни. У 1970 р. захистив кандидатську дисертацію. У 1972-1995 рр. працює на викладацькій роботі в УЖДУ. У 1997 р. захистив докторську дисертацію.

О. Довганич присвятив себе дослідженню «білих плям» в регіональній історії передвоєнного, воєнного та післявоєнного періодів. Серед останніх видань, що вийшли окремо, можна назвати: «Шляхами пошуків та знахідок: безсмертний образ рідної землі» (2005), «Возз'єднання Закарпаття з Україною очима сучасника» (2006), «Карпатська Україна в боротьбі за незалежність...» (2007), «Університет у нашому житті» (у співавтор.) (2007), «Так ламалися долі репресованих закарпатців» (2008). Крім того, за останні роки він виступив упорядником та співупорядником кількох збірників

документів «Криваві тіні Кремлю» (2006), «Тернистий шлях до України» (2007), «П.П. Попович. За волю і возз'єднання» (2007).

Наприкінці 1992 р. О. Довганич очолив обласну редакційно-видавничу групу для підготовки науково-документального видання серії книг «Реабілітовані історією». У 2003-2004 рр. запланована програма була виконана – у світ вийшли дві книги обласної книги «Реабілітовані історією».

Минулого року у Мукачівському видавництві «Карпатська вежа» вийшла книжка про О. Довганича «Я не випадково став істориком». Наприкінці цієї книги подано продовження бібліографічного покажчика праць О. Довганича. Його доробок з 2005 по 2008 р. поповнився на 9 окремих видань (разом 62 позиції), 65 історико-краєзнавчих статей, розвідок і рецензій (разом 609 позиції), 9 літературознавчих статей (разом 757 позиції). Таким чином, загальний обсяг опублікованих дослідником праць становить 1428 одиниць. В останній рік побачили світ книги «До Бузулука через табори Гулагу» та «Закарпатці під пресом сталінського свавілля» (у співавт).

За цикл історико-публіцистичних матеріалів Омелян Довганич став лауреатом премій імені Олекси Борканюка, імені Михайла Бабидорича та імені Августина Волошина. У березні 2009 р. Омелян Дмитрович удостоєний високої державної нагороди – ордену «За заслуги» III ступеня.

Память про О. Довганича завжди залишиться у наших серцях.

Юрій Данилець

ПОДПИСКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «РУСИН»

Периодичность выхода – 1 раз в квартал.

Объем – 192 стр.

Формат – А5.

Тематика: история населения Карпатской Руси.

Язык: русский, русинский, украинский. По согласованию с редакцией допускаются публикации и на других языках.

Постоянные рубрики: история, языковедение, знаменитые русины, публицистика, русинская библиография.

На журнал объявлена подписка.

Стоимость подписки на 1 экз. с учетом почтовых услуг:

США и Канада: 8 USD (все комиссии платит подписчик; при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Европа: 6 EURO (все комиссии платит подписчик; при перечислении просим указать факт оплаты комиссии в платежном документе);

Украина: 45 гривен;

Россия: 220 рублей;

Молдавия: 35 леев.

В платежном документе просим указать, за что перечислены деньги: за подписку на журнал «Русин», а также за какие номера и их количество.

Для того чтобы оформить подписку, следует перечислить необходимую сумму на счет **Общественной ассоциации «Русь»** и выслать письмо в адрес редакции или на электронный адрес sergei_suleak@rambler.ru

В письме необходимо указать почтовый адрес подписчика, номер платежного документа и перечисленную сумму. По возможности просим выслать копию платежного документа.

SUBSCRIPTION TO THE INTERNATIONAL HISTORICAL JOURNAL «RUSIN»

Regularity of Publication - once quarterly.

Number of Pages - 192.

Format - A5.

Themes: History of the Population of Carpathian Rus'.

Languages: Russian, Rusin, Ukrainian. Other languages are permitted in consultation with the editor.

Rubrics: History, Linguistics, Famous Rusins, Publications, Rusin Bibliography.

The rate of subscription for each edition including postage:

USA and Canada: 8 USD (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Europe: 6 EURO (subscriber is responsible for all fees - please include all paid commissions and fees in the payment order);

Ukraine: 45 GRIVNA;

Russia: 220 RUBLES;

Moldova: 35 LEI.

Please indicate in the payment orders which editions of «Rusin» and the number ordered. Money orders and cheques are made payable to: Association «Rus'» and mailed to the address of publication. Subscriptions may also be made by email sergei_suleak@rambler.ru

With the order please include the address of subscriber, copy and reference number of payment order.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ ДЛЯ ОПЛАТЫ:

USD

Intermediary Bank: **Citibank N.A.**

New York, N.Y

SWIFT Code: **CITIUS33**

Corresp. Acc. - **36141833**

Beneficiary Bank: **BC Victoriabank SA**

Chisinau, Moldova

SWIFT Code: **VICBMD2X**

Beneficiary: Account: **222400100181787**

Asociatia Obsteasca «Rusi»

EURO

Intermediary Bank: **Commerzbank AG**

Frankfurt am Main, Germany

SWIFT Code: **COBA DE FF**

Corresp. Acc. - **400886414200**
Beneficiary Bank: **BC Victoriabank SA Chisinau, Moldova**
SWIFT Code: **VICBMD2X**
Beneficiary: Account: **222400100181787**
Asociatia Obsteasca «Rusi»

ГРИВНЫ

Банк получатель: **Приватбанк**
г. Днепропетровск
МФО 305299
Получатель: **КБ «Victoriabank» АО, Кишинев, Молдова**
К/С 16000000324001
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 222405100181787

РОССИЙСКИЕ РУБЛИ

Банк получатель: **Сбербанк РФ**
г. Москва.
БИК 044525225
К/с 30101810400000000225
ИНН 7707083893
КБ «Викториабанк» АО
Р/с 30111810200000000220
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**
Для Общественной ассоциации «Русь»
счет № 222405000181787

МОЛДАВСКИЕ ЛЕИ

Asociatia Obsteasca «Rusi»
Фискальный код **40038013**
Расчетный счет **225100000181787** в **BC «Victoriabank» SA,**
филиал 3
Код банка **VICBMD2X416**
Назначение платежа: **за подписку на журнал «Русин»**

Правила публикации в журнале «Русин»

Редколлегия журнала «Русин» принимает только статьи, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с изложенными ниже требованиями и тщательно вычитана. В письме необходимо сообщить сведения о себе: фамилию, имя и отчество полностью, ученые степень и звание, место работы и должность, электронный адрес, почтовый адрес с индексом.

Статьи не должны превышать 1 а.л. (32 000 знаков с пробелами) с обязательной аннотацией на английском языке, сообщения – 0,5 а.л., рецензии – 0,2 а.л.

Члены редколлегии знакомятся с материалом и принимают решение о публикации. Отзывы членов редколлегии и рецензентов автору не сообщаются.

Формат текста

Абзац – отступ 1,27 см

Междустрочный интервал – 1,5

Шрифт Times New Roman, размер 14

Без переносов!

Буква ё ставится только в тех случаях, когда замена на е искажает смысл слова, во всех остальных случаях – только е.

Сокращения

При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., И.О. отделяются пробелом от фамилии.

Годы при указании определенного периода указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е годы, а не двадцатые годы.

Конкретная дата дается с сокращением г. или гг.: 1920 г., 1920–1922 гг.

Не век или века, а в. или вв. (римскими цифрами): IX в.

Писать только полностью: так как, так называемые.

Из сокращений допускаются: т.д., т.п., др., т.е., см.

% ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %.

Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом: 4 700 000, 1 560.

000 могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн., млрд.

Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

Кавычки – только «», если закавыченное слово начинает цитату или примыкает к концу цитаты, употребляются прямые двойные кавычки: «"раз", два, три, "четыре"».

Сноски и ссылки в тексте оформляются в порядке следования в тексте арабскими цифрами. Различия между сносками, отсылающими к примечаниям или библиографическому описанию источников, не делается. Авторские примечания и библиографическое описание источников даются в конце статьи единым блоком.

Фамилии И.О. авторов – курсивом.

Сноски не автоматические, пронумерованные арабскими цифрами.

Цифра сноски в конце предложения ставится перед точкой.

Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpg (разрешением не менее 200 dpi).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аникин Владимир Ильич - доктор политических наук, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института европейской интеграции и политических наук Академии наук Молдовы. vlad_anik@mail.ru

Бабилунга Николай Вадимович – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Института истории, государства и права Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко. babi05@rambler.ru

Василик Владимир Владимирович - диакон, кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета СПбГУ, доцент Санкт-Петербургской Православной духовной академии. fvasilik@mail.ru

Данилец Наталия Ярославна - научный сотрудник Закарпатского этнографического музея народной архитектуры и быта. nataliadanilec@rambler.ru

Данилец Юрий Васильевич - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета, заместитель главного редактора международного исторического журнала «Русин». jurijdanilec@rambler.ru

Жих Максим Иванович - соискатель кафедры музеологии исторического факультета СПбГУ. max-mors@mail.ru

Коцан Василий Васильевич - зав. кафедрой древнейшей истории средних веков Ужгородского национального университета, заведующий отделом экспозиции Закарпатского музея народной архитектуры и быта. kocanv@rambler.ru

Поп Дмитрий Иванович - переводчик, филолог-славист, историк-краевед, преподаватель чешского языка, заместитель председателя Закарпатского областного общества им. А. Духновича (г. Ужгород). journalrusyn@rambler.ru

Сологуб Татьяна Яковлевна – старший научный сотрудник отдела экспозиции Закарпатского музея народной архитектуры и быта. sologubt@rambler.ru

Юрасов Михаил Константинович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва), профессор Российской академии живописи, ваяния и зодчества. mihail_yurasov@mail.ru

Фейса Михайло - доктор лингвистических наук, профессор кафедры русинского языка и литературы философского факультета университета Нового Сада (Сербия, Воеводина). fejsam@eunet.yu

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anikin Vladimir - Doctor of Political Science and Doctorate of Philological Sciences, Associate Researcher of the Institute of European Integration and Political Sciences of the Academy of Sciences of Moldova. vlad_anik@mail.ru

Babilunga Nikolai - Doctorate of History, Professor, Director of the Faculty of Domestic History of the Institute of History, State and Law of the Shevchenko State University of Pridnestovye. babi05@rambler.ru

Vasilik Vladimir - Deacon, Doctorate of Philological Sciences and Doctorate of Theology, Associate Professor of the Faculty of Slavic and Balkan History of the Faculty of History of St. Petersburg University, Associate Professor of St. Petersburg Theological Academy. fvasilik@mail.ru

Danilets Natalia - Researcher of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life. nataliadanilec@rambler.ru

Danilets Iurii - Doctorate of History, Professor of History of the Ukraine of Uzhgorod National University, Associate Editor of the International Historical Journal «Rusin». juriжданilec@rambler.ru

Zhikh Maksim - Doctorate of the Faculty of Museum Studies of the Faculty of St. Petersburg State University. max-mors@mail.ru

Kotsan Vasili - Director of the Faculty of Medieval History of Uzhgorod National University, Director of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life. kocanv@rambler.ru

Pop Dmitrii - translator, philologist (Slavic studies), local historian, instructor of the Czech language, deputy to the President of the Transcarpathian Regional Society of Alexander Dukhnovich. journalrusyn@rambler.ru

Sologub Tatiana - Senior Researcher of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life. sologubt@rambler.ru

Iurasov Mikhail - Doctorate of History, Senior Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow), Professor of the Russian Academy of Art and Architecture. mihail_yurasov@mail.ru

Feisa Mikhail - Doctorate of Linguistics, Professor of the Faculty of Rusin Language and Literature of the Faculty of Philosophy, University of Novy Sad (Voevodina). fejsam@eunet.yu

SUMMARY*

Mikhail Iurasov. From Whence Came the «Rugi» to Raffelshtetten Between the 9th and 10th Centuries? The Raffelshtetten Custom's Statute, which researchers have dated as existing from 904-906 AD, has been published long ago and researched, from various points of view, fairly well. Along with this, historians are sure that the «Rugi» mentioned in the Statute are the same as the «Rus'», that is, the inhabitants of Old Rus'. At the same time, a sufficient amount of research, based on the given archaeological and linguistic findings, indicate that Eastern Slavs lived in the Upper Tisa Basin and partly in present-day Eastern Slovakia before the arrival of the Hungarians. That is, the ancestors of the present-day Rusins, lived on lands neighbouring Great Moravia on its southern and south-eastern borders. The author believes that there is reason to believe that in the 9th-10th centuries, the «Rugi» who came to Raffelshtetten to trade, could have originated from the lands settled by the ancestors of the present-day Rusins.

Dmitrii Pop. The Beginning of the Christianization of Sub-Carpathian Rus' and the Ugro-Rusin Missionaries in Kievan Rus'. Among the Slavs the Christian religion replaced paganism at the end of the first millennium and during a relatively short period of time, historically speaking, was established as the leading religious teaching. Among the Slavic peoples, the Sub-Carpathian Rusins were among the first to accept Christianity. They were the participants who played a definite role in the Christianization of Kievan Rus'. However, historians up to the present time, continue debating about the ways Christianity spread into the «lands under the Carpathians» as well as about the missionaries who acquainted the Rusins with Christianity. Answers may be found about several of these questions in the article.

Nikolai Babilunga. The Western Russian Lands and Kiev of the 12th Century in the Struggle for Independence: the Role of the Orthodox Factor. An example of the competition between Kiev and Carpathian Rus' for the right to be the economic and political center of the Russian lands during the early period of the crumbling of the Old Rus' State and also the stabilizing role of the Orthodox Church in the epoch of internal strife, which occurred on the ruins of the Principalities of Kievan Rus', is presented in the article. The example is taken from the biography of the outcast-prince Ivan Berladnik and his son Rostislav. In the Dniester-Carpathian lands, the Galician Principality of the 12th century becomes one of the most powerful and developed Old-Rus' regions, which lead to independent policies in its relationship to Kiev. Ivan Rostislavich was the last of the minor outcast princes and first Russian mercenary-prince, who had great popularity among the ordinary people of the Dniester-Carpathian and Danubian lands. His struggle for the throne in Galich represents the struggle before the imminent fall of Rus'. Originally in Rus', authority was based on Assembly Rule strengthened by princely rule. The growing power of the boyar oligarchy in the Western Russian lands was in competition.

Diakon Vladimir Vasilik. The View of the Russian Land in the Galician-Volynian Chronicle. The article is dedicated to the view of the Russian Land in the Galician-Volynian Chronicle. The article attempts to show that the authors of the

---

* annotations of the material published in the rubrics «History of the Rusins» and «Famous Rusins».

Chronicle were the bearers of common Russian consciousness. The understanding of the Russian Land in the Galician-Volynian Chronicle is a choronym symbolizing the Lands of Kiev, the region of its influence. In other contexts, the choronym may also relate to the Galician and Volynian Lands and also to other Russian principalities, for example the Kozel Principality. The understanding of «Russian» is an ethnonym. «Russian» in a number of positions counters the Liakhs, Polovtsy, Ugry and so forth. The idea of «Rus'», «Russian» is a political and cultural designation indicating all of the territory of Old pre-Mongol Rus'. That Prince Roman Mstislavovich is called «Tsar» affirms that Rus' is thought of as a certain kingdom - a sacred kingdom. The betrayal of Daniil Romanovich is comprehended as a godless act equated to the sin of Cain and Judas. In the Galician-Volynian Chronicle there is a direct analogy between Rus' (more exactly the Galician-Volynian Lands) and Israel. Accordingly Rus' is a holy land and its fate in many ways corresponds to Ancient Israel relating to the concept of divine intervention and also to a national transgression and divine punishment. One of the examples is a comparison of King Bela with Sennacherib and the Pharaoh. In the Praise of Vladimir Vasilkovich and also in the stories about the building of Kholm and Kamenets there is a sense of the concept of the Holy City - New Jerusalem.

Maksim Zhikh. The Question about the Founding of Galich in the Ipatiev Chronicle in the Article of Year 6714. Among other legends about the princes-legendary founders of cities in Medieval Rus', existed the legend about the eponym Prince Galich - founder of the city of Galich (a fragment located in the article of the year 6714 (1206 AD) in the Ipatiev Chronicle). There is enough of a basis to consider Galich a real historical personality - the prince of one of the groups of the Carpathian Slavs. This is affirmed with the coincidental recording of his burial in a postscript about the elevation of the first fortifications around Galich. Initially (before the acquisition of these lands by Kiev in the 10th Century) Galich fulfilled one of the political-administrative functions and was probably the religious cultural center of the Carpathian Slavs. Its founding itself, seemingly, is tied to the establishment of some ethno-political unity.

Vasilii Kotsan. The Folk Architecture and the Life of the Transcarpathian Rumanians at the End of the 19th to the First Quarter of the 20th Centuries (An example of the Exposition of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life). The particulars of the folk art and life of the Romanians of Transcarpathia are analyzed in the given article. An example of the exposition of the Transcarpathian Museum of Folk Architecture and Life is described in the particulars of the dwelling and enclosures including the inner furnishings of a home from the village Srednee Vodianoe in the region of Rakhov. A set of folk clothes and the process of preparing domestically-woven wool covers (lizhniki) is described in detail.

Tatiana Sologub. The Decorative Motifs of the Embroidered Shirts of the Ukrainians of the Belo-Tisa Valley at the End of the 19th to the First Half of the 20th Centuries. The particulars of the ornamental motifs in the embroidery of shirts of the Ukrainians of the Belotisa Valley at the end of the 19th and first half of the 20th Centuries is described in the given article. The author describes in detail the various types of designs and the methods of incorporating them in complex pattern compositions. Besides common names, the local folk names are also given. For example a flower is «zhuchok» (little beetle), stylized birds are «kachechki» (ducklings), some are «numery» (numerals), narrow variously-colored borders are «putki» (trails) etc.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русин

2009, № 4 (18)

Кишинев
Республиканская общественная ассоциация «Русь»,
2009. - 192 стр.

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
MD 2001, Республика Молдова, г. Кишинев,
ул. М. Когэлничану, 24/1.
Тел.: (373 22) 27-02-84, 27-44-30, факс: 27-15-15.
E-mail: info@rusyn.md, journalrusyn@rambler.ru

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Подписано к печати 8.12.2009. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсет № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 700 экз.
Заказ 330.

Отпечатано в типографии АО «Реклама»:
г. Кишинев, ул. Александр чел Бун, 111.

**Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.
Ответственность за содержание публикуемых материалов несет
автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал
обязательна.**

**В 2009 году международный
исторический журнал «Русин»
выпускается при поддержке
Фонда «Русский мир»**

В 100-летнюю годовщину рождения просветителя Подъяремной Руси о. Иоанна Григорьевича Наумовича (1826-1891)

Игумен Иероним Луцки

Весна была на русской ниве,
На пустошах не виден плуг,
Стонал и плакал несчастливый
Наш брат-народ. Ему недруг
Сосед ярмо поклат на шею,
И мы смирились лиходею.

Весна была, народ почувал
Немов то жаворонка спев,
Народ сдвиганный проснулся,
Поднес повеки: что за диво?
Посеред русского облога
За плугом рать стоит убога,

«Молись, учись, трудись, трезвись!» -
Понесся громкий ей клич.
«Народе русский, ты проснися,
Откинь уж долгий сон из век», -
И вся Русь Богом преизбранна
Почула тот голос Иоанна.

И он во имя Триединой
Во груди влил огонь святой.
В любви крепля нас неизменной,
Закон он Руси дал родной,
Закон труда в знамя: «Святая
Русь, неделимая одна!»

Он Православия следами
Повел наш род на правый путь,
Вщепил «Науку» между нами -
Ожила вольно Руси грудь.
А сам во славе, чести, силе,
Спочил на Аскольда могиле.

Пророком правды он явился
На русском небе, як заря,
За нас страдал, за нас трудился
Огнем любви весь горя,
И в сотни роды в русской груди
Имя святое его будет.

Стихотворение было продекламировано в г. Нью-Йорке в 1926 г
Екатериной Ивановной Дычкевич (Приплес).

